

Алексей Тихомиров

ЗОНА ЧП

Не изученная война 1996 года

Санкт-Петербург
СУПЕР Издательство
2022

УДК 82-32
ББК 84стд1-449
Т46

Редактор: О. Михайлова
Корректор: О. Михайлова
Оригинал-макет: Е. Лебедева
Дизайн обложки: И. Фамилия

Тихомиров А.

Т46 Зона ЧП. Не изученная война 1996 года / Тихомиров Алексей. — Санкт-Петербург: СУПЕР Издательство, 2022. — 276 с.

ISBN 978-5-9965-1919-4

Книга написана на реальных событиях, во время войны в Чеченской республике в 1995–1996 годах. Описывается непростая, а порой и невыносимая жизнь в тех условиях простых солдат срочной службы. Постоянные обстрелы, чувство голода и невыносимые укусы бельевых вшей – все это и не только сопровождало нас на протяжении всей службы на Кавказе. Не всем ребятам суждено было вернуться домой к своим семьям.

www.super-izdatelstvo.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-9965-1919-4

© Алексей Тихомиров, 2022
© СУПЕР Издательство, 2022

МОТОМАНЕВРЕННАЯ ГРУППА

Часть 1 ДОРОГА

Предисловие

Прежде чем начать писать об истории, в которую я окунулся не по своей воле, пару слов надо сказать о правдоподобности.

Когда я увольнялся в запас со срочной военной службы, я подписал ряд документов о неразглашении каких-то военных тайн. Каких? Понятия не имею. Но мне погрозили пальчиком и предупредили, что будут большие неприятности, если я во всем сознаюсь, даже под пытками. Вот только не надо про пытки, потому что я не знаю, в чем сознаваться. Что знаю я — знают все, кому выпала честь служить в Российской армии. Не знаю даже, какими тайнами я обладаю, ровно также я не знаю, и какими льготами тоже. Дело в том, что в моем военном билете прописано несколько льгот. Всё есть: номера льгот, номера приказов на эти льготы. Только вот никто не знает, что они дают. Я понял одно: мне разрешено громко кричать в лесу за тысячу километров от населенного пункта.

Это все лирика. Так вот, чтоб на всякий случай не скомпрометировать себя и не навлечь гнев на других, я решил изменить всё: номера военных частей, где служил, названия некоторых населенных пунктов, их месторасположение, время и даты произошедших событий, должности, звания и фамилии действующих в тех событиях лиц.

Что касается меня, связанного с этими событиями, можно сказать так. Процентом на 60 я непосредственно, так

или иначе, принимал в них участие или был свидетелем. На 20 процентов — это реальные рассказы ребят, служивших в те времена в разных горячих точках Кавказа. А реальность этих рассказов я могу оценивать высоко, потому что они подтверждаются как самими участниками, так и свидетелями, которые по разным обстоятельствам оказались рядом. Конечно, все мы люди. И либо намеренно, либо нет, но некоторые факты немножко приукрашены. Ну и остальные 20 процентов я просто выдумал, но только для того чтобы было интересно вам.

Ну, теперь поехали.

Я, Тихомиров Алексей Валентинович, родом из города Западная Двина Тверской области, был призван на срочную военную службу в ряды Вооруженных сил Российской Федерации, в доблестные пограничные войска. Срок службы в те времена, а это с 1994 по 1996 год, проходил в непростое время. В России шла чеченская кампания, а точнее война. Но я и все мои сослуживцы первые полгода были далеко от этих событий, а это осень и зима 1994 года. Нас изнуряли в то время тяжелые, можно сказать невыносимые будни в учебке. Днем — физические занятия, так что еле ноги передвигаешь к вечеру, а ночью гоняли дембеля. Так что о Чечне мы знали только по слухам. Некоторым писали, рассказывали, но все равно это было так далеко от нас.

Дни летели бешено. По окончании учебной части меня перевели в воинскую часть 4334 в город Пыталово Псковской области, на российско-латвийскую государственную границу. Много в эти дни было и драматического, и веселого, много интересных моментов, которые навсегда останутся в памяти. Но про все это я расскажу в другой раз. А сейчас перенесемся в декабрь 1995 года.

Я уже отслужил год с небольшим. К этому времени я находился в расположении мотоманевренной группы (ММГ), во взводе под номером три, в котором было четыре отделения, в звании рядового, в должности стрелка. В нашем

взводе насчитывалось 46 человек. Во всей ММГ, где было три взвода и взвод материального обеспечения, насчитывалось 170 человек, включая командный состав. Надо еще отметить, что в ММГ находились практически все, у кого были нарушения по службе. Исключением не был и я. После самоволки и отсидки на гауптвахте пяти суток меня с удовольствием перевели в мотоманевренную группу погранотряда.

Глава 1

4 декабря 1995 года

1

— Леха! Тихомиров! Ты где? Тебя майор вызывает. Срочно! — сквозь дремоту я отдаленно слышал голос дневального. Но веки были настолько тяжелыми, что не было сил открыть глаза. Может, это сон? Может, ищут не меня? Так хочется, чтобы это так и было... До ужина есть еще пара часиков свободного времени. Что-то меня разморило, здесь так тепло.

Сушильная комната в казарме — это не только самое теплое место, но и самое спокойное, где никто из командиров тебя не увидит. И ты спокойно можешь, сидя на полу, на часик прислониться к стенке и покемарить, не обращая внимания на запах вонючих портянок, для сушки которых эта комната и предназначена. Со мной солидарны, по крайней мере, с десятков бойцов, которые, посапывая, находились рядом со мной в сушилке.

— Лехааа! Тихомир, сука! К командиру срочно! — надрывался свободный дневальный, бегая по казарме и спрашивая встречных, не видел ли кто меня. Это меня ищут — мозг работал четко, все стало ясно и понятно. Нужно небольшое усилие — открыть глаза, но такой команды от мозга не поступало. Сейчас... еще пару секунд. «Ну, еще секунду», — хотел было подумать я, как мои глаза резко раскрылись от удара в бок локтем рядом сидевшего сослуживца.

— Задолбал. Тебя зовут. Глухой, — с явным неудовольствием пробубнил сосед.

От сна не осталось и следа. Немного придя в себя, я встал и, стараясь ни на кого не наступить, вышел из сушильной комнаты. В глаза ударил яркий свет, по телу пробежала дрожь, в казарме было прохладно. В голове была одна

мысль: какого черта меня выдернули из уютного, теплого места и зачем я понадобился командиру мотоманевренной группы майору Проскурину Александру Григорьевичу.

Пока я щурился и глаза привыкали к свету, ко мне подбежал дневальный. Из него лился поток разных слов, в смысл которых я не хотел погружаться.

— Да слышу я все, не ори, — спокойно ответил я. — Иду. Сколько времени?

До ужина был еще целый час. Я поправил ремень, застегнул пуговицу на воротнике, постучался в дверь кабинета с табличкой «Майор Проскурин А.Г.» и четко вошел внутрь. Отрапортовал, не забыв отдать честь:

— Рядовой Тихомиров по вашему приказанию прибыл! Наш командир, майор Проскурин Александр Григорьевич, был среднего роста, плотного телосложения, с русыми волосами, серыми глазами, годам ближе к пятидесяти. Всегда чисто выбрит и опрятен. Он уже имел боевой стаж в Афганистане.

Майор в кабинете был не один. За Т-образным столом по обе стороны сидели командиры взводов. Стол был завален разными документами, личными делами солдат. На столе перед майором было открыто личное дело. Я без труда догадался, что это моё.

— Итак, — грубо, почти басом, начал свою речь командир. Он любил так разговаривать, считая, что так он увеличивает власть над теми, к кому обращается. — Рядовой Тихомиров Алексей Валентинович, 1976 года рождения, проходил учебную подготовку в Выборге в автороте. Имеется отметка о прохождении 500-километрового марша на автомобиле ГАЗ-66. Открыты категории А и С. Все так?

— Так точно, — быстро ответил я.

— В таком случае, — продолжил он, — тебя переводят во взвод материального обеспечения, под командование лейтенанта Миронова Сергея Владимировича. Лейтенант немного привстал из-за стола, показывая себя.

Это был молодой лейтенант 27 лет, стройного телосложения, относительно высокого роста — 186 см. Он совсем недавно окончил Московское пограничное училище МГБ, прошел стажировку на финской государственной границе, после чего был направлен в Пыталовский погранотряд. И вот спустя год он здесь, в ММГ. Если следовать логике, что все здесь залетные, так и хочется узнать, за что его сюда? Его черные, коротко постриженные волосы, юношеское, красивое лицо не подходили к его роли командира взвода. И к тому же ему не дашь больше лет, чем обычному второгоднику срочной службы. А если его представить более худым, то вполне выглядел бы как дух (служащий первый год). Только звезды на погонах говорили о том, что он офицер пограничных войск. И он теперь мой командир взвода материального обеспечения (ВМО).

— К тебе прикрепят автомобиль ГАЗ-66, будешь водителем, — после недолгой паузы проговорил майор. — Дальнейшие указания получишь от лейтенанта. Все понятно?

— Так точно! — без лишних слов отрапортовал я.

— Тебе час на сборы, и после ужина ты должен располагаться в подразделении лейтенанта Миронова.

— Есть!

— Свободен.

— Есть! — не убирая руку с козырька, я с ловкостью развернулся на 180 градусов и вышел из кабинета.

Опять ударило прохладой. Я отметил, что в кабинете командира, благодаря мощным обогревателям, было тепло, как в сушилке. Отличие только в том, что потными портянками не пахло. Пройдя по длинному коридору казармы, как мы его называли — взлетке, я подошел к своей кровати, вытащил вещмешок и принялся все свои вещи складывать из ящика. Вещей было мало. За пять минут я справился, скрутил матрац, положил вещмешок рядом на пружины. И осознав, что есть еще время для перекура, отправился в курилку, на ходу доставая сигарету из пачки.

Подняв ворот бушлата, я глубоко затанулся. Декабрь. Мерзкое время года, в более мерзком месте. Морозно, темно. Одни поля кругом, ветру нет преград. Жуть. Брр. В моей голове кружились разные мысли. Глядя, как под фонарем на большой скорости, почти параллельно земле, несутся снежинки, вспомнил дом, мать, отца, друзей. Как они там, наверное, гуляют по полной. Когда же я выйду за контрольно-пропускной пункт этой части, повернусь и громко прокричу: «Все, я свободен!» Как же все надоело, хочу домой. В душе так погано. На землю меня вернул все тот же знакомый крик дневального, который орал построение на ужин.

2

После ужина, как и всегда, захотелось еще покушать, и от приглашения перекусить в каптерке салом с чаем я не отказался. В новый коллектив я влился без проблем, со многими ребятами я был уже знаком и всех знал в лицо. Взвод был небольшой. Нас было 10 водителей на ГАЗ-66, 3 водителя на автомобили «Урал» (радисты и механики), 3 повара, 2 водителя на ЗИЛ-131, оборудованных под бензовозы, и два водителя на БТР-70. Из командного состава: начальник взвода, знакомый нам лейтенант Миронов Сергей Владимирович и старшина прапорщик Малютин Игорь Станиславович. И как я узнал, взвод был собран совсем недавно и на скорую руку.

В каптерке продолжение ужина длилось до отбоя. Пили чай, шутили, смеялись, рассказывали истории из прожитых уже дней в армии.

— Паша, расскажи свою историю, многие не слышали, — с улыбкой попросил Илья Соболев, водитель «Урала», младший сержант из Смоленска по кличке Соболев, второго года службы.

— Да я уже сто раз рассказывал. Ну, для тех, кто не слышал, расскажу в сто первый раз, — согласился Паша Кулагин из Уфы — рядовой, водитель ГАЗ-66.

Он был худой, высокого роста брюнет по кличке Паштет, тоже служивший второй год.

— Итак. Был у нас командир роты, капитан. Его особенностью было то, что он с собой носил муляж гранаты. Для чего? Периодически, забавы ради, в неизвестный момент, будь то в курилке или на построении, он бросал её в своих подчиненных с криком: «Вспышка справа/слева! Граната!» Проверял боевую готовность, так сказать. И вот однажды бросил он с криком гранату в толпу своих солдат, желая себе настроение поднять. Все, как положено, разбежались в разные стороны, но вдруг на одного солдата сошло озарение. Решил, видимо, сломать систему. Он внезапно подбежал к гранате, лег на неё и громко крикнул «Бабаааах!». Кэп малость ах*ел от незапланированного поворота событий. Солдат получил отпуск.

— Да, сообразительный солдат, — под дружный восторг сказал Руслан Рябов, рядовой, водитель автомобиля ГАЗ-66 по кличке Ряба.

Был он родом из Московской области, служил также второй год. Руслан любил приврать, и все это знали, но с наслаждением смеялись над его выдуманными историями.

— Смотри Леха, — на ухо шепнул мне Илья Соболев, — сейчас что-то зальет по полной.

— Но это фигня, вот у нас была одна история, — продолжал Ряба, не обращая внимания на то, что почти все, не сговариваясь, захохотали. — Был у нас старшиной роты старший прапорщик. Выходной. Сидим в роте, отдыхаем, каждый занимается своим делом. Старшина ответственный, ушел по делам. Звонок дежурному по роте.

Дежурный:

— Слушаю, товарищ старший прапорщик.

Прапорщик:

— Барабанщики в роте?

Дежурный:

— Да, смотрят телевизор.

Прапорщик:

— Выгоняй их на плац, пусть долбят изо всех сил своими колотушками.

Дежурный:

— Зачем, выходной же?

Прапорщик:

— Я в лесу, бл*ть, заблудился. На звук пойду.

Стоит отметить, что в то время сотовых телефонов не было, ну или, по крайней мере, никто из нас не видел. А спутниковые телефоны были размером с чемодан и с модемами размером с кирпич, да и оплата за такой телефон простому прапорщику была неподъемна. Но до этого никому не было дела, и выводить на чистую воду Руслана никто не собирался. Было смешно, все смеялись, и этого всем хватало.

— Вы слышали новость, что нас хотят отправить в командировку в Чечню? — после того как смех затих, на полном серьезе спросил повар Костя.

Константин Сизов из Новгородской области, по кличке Сизый, второй год служил рядовым. Но поваром он только числился, а по факту практически все время работал в штабе писарем. У него был красивый почерк, и он ловко и быстро печатал на пишущей машинке. Там он мог многое слышать или прочитать приказы, которые он в будущем переписывал.

— Да ладно тебе, уже два раза слух был, что отправят, а воз и ныне там, — ответил Паша Паштет.

— То слухи, а это я сам слышал в штабе от начальника штаба, что срочно надо доукомплектовать мотоманевренную группу для скорейшей отправки в командировку. Почему, по-твоему, такая суета? Однажды это случится. И скоро.

— Однажды лебедь щуку раком... Хватит сказки говорить, отбой уже протрубили, айда спать, — произнес Ряба, поднимаясь с табуретки.

— Пойдем, — согласился Паштет, туша окурок в пустую банку из-под шпрот.

Все дружно, шурша тапочками по взлетке, отправились к своим койкам.

Глава 2

13 декабря 1995 года

1

— Построение на плацу, пять минут на сборы, — кричал дневальный, получив команду по телефону от командира.

— Что за хрень? Что случилось? Зачем построение? Опять проверка, что ли? — бормотали недовольные голоса отовсюду.

Гул, как в муравейнике, стал усиливаться, заскрипели кровати, забегали духи, поправляя на ходу ремни и застегивая пуговицы на воротнике. Только деды, не торопясь, натягивали обрезанные сапоги, бушлаты и не спеша выходили строиться на плац.

Я, Руслан Ряба и Паша Паштет выходили одними из последних. Мы уже были в нескольких шагах от выхода, как в этот момент из дверей вылетел майор Проскурин.

— Почему не чешемся? Я сказал, бегом, солдат! — обычным для нас басом заорал он.

Последним из нас шел Ряба, и ему майор подзатыльником придал такое ускорение, что он обогнал меня с Пашей за доли секунды, при этом головой открыл двери и, сделав три больших шага, растянулся на только что почищенной от снега дорожке. Чтоб ничего подобного не произошло с нами, мы наперегонки с Паштетом помчались на плац. Но победил в забеге Ряба. Как он догнал нас, не пойму, он и сам на этот вопрос не ответит.

Наконец-то все построились. На плацу почему-то оказалась только наша ММГ, других подразделений воинской части не было. Майор еще раз окинул взглядом строй, сплюнул, выругался, обозвав нас сбродом, и пошел докладывать командиру части. В строю было шумно, все переговаривались, никому было не понятно, почему нас построили. Каждый пытался

угадать, но угадать не удалось никому. Из штаба показался полковник Чернышов, командир нашей части. Шум моментально стих. За ним показались начальник штаба, наш командир и еще два подполковника, неизвестных мне.

— Равняйся... Смирно... Равнение на середину, — командовал майор Проскурин, взял под козырек и строевым шагом отправился к командиру части. Громко и четко отработовал, что по его приказу мотоманевренная группа построена. После чего мы получили команду вольно.

Полковник Чернышов медленно обошел весь строй, всматриваясь чуть ли не в каждого солдата, как будто искал преступника, который прятался в толпе. Никого не найдя, он так же неторопливо подошел к остальным сопровождающим на середину плаца, повернулся к строю и громко, акцентируя каждое слово, чтобы все слышали и не пропустили ни одного слова, заговорил.

— Товарищи солдаты и офицеры, от командующего Северо-Западного военного округа поступил приказ о необходимости сменить наших товарищей, которые находятся в зоне чрезвычайного положения и выполняют свой боевой долг на административной Чечено-Ингушской границе.

Раздался гул в строю. Это было неожиданно, хотя все ждали этого дня. Потом полковника уже было плохо слышно. Да что слушать, если главное понятно: нас ждет командировка на Кавказ. Дальше командир части выдавливал банальные фразы, что нам выпала огромная честь встать на защиту рубежей, и все в этом духе. Последние слова, что я услышал: необходимо в трехдневный срок совершить погрузку всех материальных ценностей на грузовой поезд, состав которого уже завтра с утра будет стоять на погрузочном пункте.

2

В кабинете заместителя по технической части (зампотеха) капитана Коробова Сергея Петровича, несмотря

на дикий холод на улице, было душно. Но благодаря не обогревателю, а набившемуся в помещение народу. Кабинет был небольшой, можно сказать маленький: стол, четыре стула, небольшой шкаф, вешалка, полка с книгами, в основном по ремонту и эксплуатации различной военной техники, пара плакатов с рисунками бронетранспортеров и массивный сейф у окна. Стены и потолок были прокоптившиеся — видно, ремонт давно здесь никто не делал. Куча папок и других документов небрежно, стопками располагались и на столе, и на подоконнике, и на сейфе. В кабинете всегда стоял сизый дым от выкуренных сигарет. Капитан курил много, очень много.

На вид Коробову было лет сорок. Среднего роста, черные волосы зачесаны назад, черные шикарные усы подчеркивали его худое, суровое лицо. Он сидел за столом, изучал какой-то документ, во рту дымилась очередная сигарета. Он нервно постукивал карандашом о стол. В глаза сразу бросались его кривые, длинные пальцы, а средний и указательный были желтыми от никотина.

— Все в сборе? — туша окурков в пепельнице и окинув взглядом присутствующих, спросил он. — Итак, проверим по списку.

По его списку были здесь все, а это 14 водителей бронетранспортеров (12 на БТР-70, двое имели машины БТР-80), 10 водителей на ГАЗ-66, 3 водителя на автомобилях «Урал», 2 водителя на ЗИЛ-131, оборудованных под бензовозы. Итого, нас здесь набилось, как селедки, 29 человек. Кажется, что капитан все рассчитал, потому что зайди еще один человек — и ему было бы не поместиться.

— Хорошо, тогда к делу. Вы полностью, пока не закончится погрузка, поступаете в мое распоряжение. Сейчас ваше место — только боксы, каждый должен находиться в своем гараже рядом с закрепленной техникой. Если я кого-то не найду на месте, пеняйте на себя. Все машины должны быть исправны и в любой момент готовы выехать.

Что будет с тем, у кого хоть что-то неисправно в технике, говорить страшно, будет жестко и больно. А теперь, если всем все ясно, бегом по своим рабочим местам, ждать дальнейших распоряжений, — вытаскивая из пачки сигарету, Коробов дал нам понять, что на этом всё, и вопросы, если они появились, он больше выслушивать не собирается.

Выбравшись из духоты, мы разбрелись кто куда, но уже через полчаса все были на своих местах в гаражах. Заливая горячую воду в радиатор, я запустил двигатель своего автомобиля ГАЗ-66, который завелся с пол-оборота и ровно та-рахтел, выпуская густой белый дым из глушителя.

«Что здесь может быть неисправно? — подумал я. — Они же новые, хоть и простояли в резерве 10 лет. Аккумулятор новый поставил, все отлично, проблем нет».

Что нельзя было сказать про всех. Один «Урал» и ЗИЛ-131 не хотели никак заводиться. Они не были новыми и много уже повидали. Все автомобили находились в обогреваемых боксах, а вот БТР в два ряда стояли на улице, на морозе, поэтому половина бронетранспортеров не завелась. В течение часа до обеда я наблюдал хаотичное движение транспорта в автопарке. Те машины, которые завелись, таскали на буксировочных тросах тех, которым не повезло. Некоторые выехали из теплых боксов, чтобы покататься по автопарку, так сказать, проверить на ходу. Я же, закрыв гараж, пошел на обед — что-то, а обед по расписанию.

3

По возвращении из автопарка в казарму я обнаружил множество перемен. От обычного, повседневного, такого уже привычного быта не было и следа. Все двухъярусные кровати были разобраны и огромной стопкой красовались вдоль стены, все тумбочки сдвинуты вместе. В прихожей, рядом с каптеркой, в несколько рядов друг на друге,

чуть ли не до потолка, стояли коробки. Рядом большой кучей стояли набитые чем-то мешки.

В казарме был хаос и беспорядок, все было разбросано, валялись портянки, вещмешки, тапочки, шапки, какие-то журналы, мыльные принадлежности и много разного хлама. Там, где было место, прямо на полу были постелены матрасы со спальным бельем. Чтобы пройти в другой конец казармы, надо было перешагивать или идти прямо по постеленным вещам. Все наши вещи были кучей брошены в красном уголке. Там же, в другой куче, как попало на скорую руку, брошены наши матрасы с бельем. Пришлось проявить усилие, чтобы хоть что-то из своих вещей найти. Конечно, о таких, как мыло или зубная щетка, речи не шло, они были потеряны навсегда. Но большую часть, необходимому на данный момент, мне посчастливилось отыскать.

Проблема была в другом: где ночевать, а точнее как? Все это походило на какое-то безумие, глазам не верилось. Проскочила мысль взять первый попавшийся матрас и податься в сушилку, но вскоре от нее пришлось отказаться, когда я узнал от товарищей, что там все занято. После продолжительного скитания по казарме со свернутым матрасом в руках и вещмешком за плечами мне повезло. Нашлось одно место в нашей каптерке, где я с радостью расстелил белье и лег, положив вещмешок под голову.

Было жестко спать, ворочался я постоянно, но зато было тепло. Последнее что помню, перед тем как заснуть: я подумал, а что будет дальше. Ведь вряд ли будет лучше. С этим надо смириться, надо дальше жить, а точнее выживать в этом дурдоме.

4

Я проснулся оттого, что меня кто-то тряс за плечи. Открыв глаза и осознав, где я и что со мной происходит, я увидел перед собой Илью Соболя.

— Ну ты здоров спать, — сказал Илья Соболев. — Уже завтрак полным ходом идет, пропустишь.

— А где команда «подъем»? Почему я не слышал дневального о построении на завтрак? — недоумевал я. — Что за херь?

— Забудь про команды. С этим бардаком всем все пох*й. После завтрака сразу в гараж ступай. Туда к 10 часам зампотех подтянется, будет технику осматривать и какие-то распоряжение даст. Прапор наш сказал, он тоже там будет.

— Хорошо, надо хоть морду сполоснуть, зубы уже не судьба почистить, — ответил я, подумав, что позже надо будет в «чепок» (маленький магазинчик на территории части) забежать, щетку да зубную пасту купить.

После завтрака я взял вещмешок, думая, что в машине мои вещи будут в более безопасном месте, и отправился в автотарк. Как и вчера, картина была такая же. Кто-то таскал на тросах машины и БТР, которые не завелись, кто-то, открыв капот, носил и заливал воду в радиатор, кто-то курил возле машины и ждал, пока прогреется движок.

Когда моя машина завелась, я закурил сигаретку и пошел в соседний бокс полюбопытствовать.

— Привет, Санек, — поприветствовала Саню Афанасьева, также водителя на ГАЗ-66.

Он был метр с кепкой, как говорят про таких. Его рост был не больше 160 см. Зато он был крепко сбитый и обладал большой силой. Его маленькие глазки постоянно бегали, и от этого казалось, что он что-то натворил и это скрывает. Близко с ним я не был знаком, не довелось еще. Но, забегая вперед, скажу, что позже мы с ним стали крепкими друзьями. Да и чуть позже выяснилось, что он тоже был из Тверской области, из Торжка.

— Здорово, как дела? Машина хорошо заводится? — подал ладонь, ответил он.

— Отлично просто, с пол-оборота. Твоя, я вижу, тоже не подводит тебя, — ответил я, видя, как его машина спокойно работает на холостом ходу.

— Да, ласточка, новая как целка, — целуя в крыло, улыбнулся Саня.

Надо сказать, что 8 из 10 машин ГАЗ-66 были новые, они стояли в резерве 10 лет, ждали своего часа. И что самое важное, а для нас позитивное, что ни одна трубка не треснула, ни один шланг не был порван. Все в масле и солидоле до сих пор. Умели же раньше хранить машины. Респект. Единственное неудобство, что когда машина нагревалась, то сильно дымила из всех щелей. Это обгорали масло и краска. Но спустя некоторое время все стало норм, и про эти мелочи вскоре все забыли.

— Леха, Саня, капитан Короб собирает всех, построение в 7 боксе у Рябы, — заглянув к нам, сказал Паштет и побежал дальше по гаражам собирать народ.

— А сколько времени? Уже 10 часов, что ли? — глядя на Саню, спросил я

— Нет, еще 9.30, — посмотрев на часы, ответил Саня.

— Может, что-то срочное, раз раньше примчал? — рассуждал я. — Пойдем быстрее, раз такое дело.

В гараже было намного просторней, чем в кабинете у зампотеха. Прикрыв двери гаража, чтоб холод не поступал, капитан, вытерев свои усы от инея тыльной стороной ладони, произнес.

— Бойцы, сопли жевать некогда. Те, кто завелись, у кого все исправно, по одному подходите ко мне. Я определяю, где и чем загружаться. После полной загрузки берете пропуск у прапорщика Малютина и выезжаете на погрузочную площадку для дальнейшей погрузки самого автомобиля на железнодорожный состав. А те, у кого проблемы с транспортом, чтоб до обеда все исправили или отправлю в другой взвод стрелком к чертовой бабушке. Всем все ясно?

— Так точно, — не одновременно и не все ответили.

— Товарищ капитан, можно вопрос? — спросил Ряба.

— Задавай, — спокойно ответил зампотех.

— Стрелки других взводов уже получают командировочные. Когда мы получим деньги?

— Согласно расписанию, до обеда получают бойцы третьего взвода, вы в списках после них. Вам что, еще не говорили? — сурово взглянув на прапорщика, ответил капитан.

— Только что хотел это объявить, — чуть смущенно проговорил Малютин.

Прапорщик был уже в возрасте, седые волосы, небольшого роста, полного телосложения, с круглым, выпирающим пивным животом. Настоящий прапорщик.

— Про командировочные, значит, понятно, получите после обеда. А вот насчет выдачи пропусков, значит, так: после погрузки вы подходите ко мне, я выхожу, осматриваю груз и выписываю пропуск, — уже более командирским голосом доложил прапорщик.

— Еще важный момент. Чтобы в самом штабе не толпились, по очереди заходим: один выходит, другой заходит, — добавил капитан. — Если вопросов нет, подходим по одному для распределения на погрузку.

Мне было поручено подъехать ко входу в казарму для загрузки кроватей, которые еще вчера стояли уже в разобранном виде, готовые к погрузке. Я был очень рад такому грузу. Во-первых, можно не опасаться, что все побьешь. Во-вторых, нет никаких вещей, которые могли бы кому-то понравиться — карауль тогда, чтобы не украли. К слову Сане Афанасьеву тоже достался такой же груз, тоже кровати. Мы дружно подъехали к казарме. Я встал первый, за мной Саня, за Саней подъехал Паша, которому должны были грузить тумбочки, тоже норм груз. Доложив командиру первого взвода, что машины готовы и стоят у входа (а это было поручено грузить именно первому взводу), мы отправились в курилку покурить.

Мороз не спадал, на градуснике показывало минус 20, но из-за порывистого ветра казалось, что все минус 30. Поля, кругом поля, равнина до горизонта, даже холмика не видно. Интересно, как там в Чечне? Наверное, красивые горы, нет

такого ужасного ветра. Зато там стреляют и могут убить. Я верил в судьбу и всегда отметал дурные мысли. Ну, если убьют, значит, такая судьба. Пока молодой, ты не осознаешь в полной мере значения смерти. Ты не понимаешь, что, когда тебя не станет, какая это будет боль родным. Тебе наплевать на всех. Ты думаешь только о себе и относишься с пофигизмом — убьют, так убьют, судьба.

Размышляя, я смотрел, как ребята грузили вещи в машину. Они, как муравьи, шли непрерывающимся потоком и несли кровати. Всё в работе было отлажено. Такое впечатление, что они всю жизнь этим на гражданке занимались, и их специально собрали вместе, отправили в армию, чтобы здесь и сейчас они продемонстрировали свое умение. Прошло всего 30 минут, как они начали загрузку, и вот машина была забита под завязку. Я застегнул брезент и поторопился отъехать в сторону, дать место Сане, чтобы он подъехал ближе ко входу. Решил его подождать, чтоб вместе взять пропуска и ехать в город на погрузочную площадку, чтоб не скучно было.

К 12 часам дня мы с Саней, показав на КПП пропуска, благополучно покинули часть и поехали на железнодорожную станцию. Дорогу, как ехать, мы знали давно — было дело, мы там разгружали вагоны с углем. Ехать было не так далеко, уже через полчаса мы подъехали к площадке, к нам подбежал дежурный по загрузке состава.

— Станьте в колонну, за «Уралом», за десяткой (десять — это последние две цифры госномера, так обычно называли, чтобы легче было понять, про какой автомобиль идет речь), — спешно прокричал дежурный.

Хоть он старался говорить громко, но его было плохо слышно. Стоял ужасный гул, рев БТРов заглушал все. В небо отовсюду поднимался черный дым из выхлопных труб, каша из снега была серо-черная. Старые бронетранспортеры натужно, как будто из последних сил, со скрипом тракторов переезжали с места на место. Из некоторых машин, как из дуршлага, лилось масло. Их давно было пора списывать, отправлять

в металлолом, они свое отслужили. Отслужили, но только не в России, не в этой части, не в это время, им еще предстоял последний бой. Перед нами стоял состав из платформ. На самых дальних уже стояли бронетранспортеры, их укрепляли тросами и другими приспособлениями. Другие БТРы с ревом по очереди забирались на платформу и проезжали в самый конец. Между платформами был настил из толстого железа.

— Значит, ты заезжаешь после этого «Урала», а ты (обращаясь к Сане) после него, и так далее.

— Сколько мы здесь проторчим? — садясь рядом на пассажирское сиденье и захлопнув дверь, высказался с неудовольствием Сашка. — Уже обед. Мы что, без обеда сегодня?

— Фиг знает, — также недовольно буркнул я. — Есть у меня немного соленого сала, еще не все сточил с прошлой посылки.

— У меня печенье есть, — улыбнулся он.

— Ну, значит, будем живы. Тащи.

Сало с печеньем вприкуску — это так вкусно! Кто служил — поймет. С набитыми щеками, пережевывая, мы улыбались. Все равно нам хорошо. Другие сейчас пашут, как пчелки, а мы сидим в машине, в тепле и жуем сало с печеньками.

Зимой день короткий. Он уже подходил к концу, а мы все еще стояли в очереди на погрузку. Один горе-водитель бронетранспортера промахнулся между платформами и свалился набок на землю. Никто и ничто не пострадали, но задержки еще на полчаса это добавило.

Сало и печенье мы съели, да и в части скоро ужин. Машины тарахтели весь день, вырабатывая в кабине тепло. Стоило заглушить двигатель, как через полчаса становилось прохладно, и приходилось вновь заводить. Часам к трем подъехал Паштет, груженный тумбочками. Хитрый, сука! Не поехал сразу, как загрузили, а дождался обеда. Пообедал, потом сходил в штаб, получил командировочные и только потом приехал сюда. Как, впрочем, и многие сделали. Если бы мы знали, что так долго будем здесь торчать, сделали бы то же

самое. Ну а пока мы еще стояли, ожидая своей команды заезжать. Передо мной оставалось два БТРа и две машины «Урал».

— Много дают денег? — поинтересовался Саня Паштета.

— Не обманули, — ответил Паштет. — Все триста сорок тысяч рублей. Я уже в «чепок» сходил. Угостить пирожком?

— Как раз в тему, молодчик. А то мы здесь без обеда остались, да и по ходу без ужина тоже останемся, — смачно откусывая большой кусок, сказал я.

Надо пояснить, чтобы так не пугались названной суммы денег, которую нам выдавали как командировочные. Дело в том, что в те годы это были обычные небольшие деньги. Только после деноминации, в 1998 году, от них отняли три нуля. Так что, если переведем, то сумма выходит не триста сорок тысяч, а всего 340 рублей. Но пока был не 1998 год, а 1995. На эти деньги мы могли позволить себе много чего. Лично я, как и многие из нас, купил себе в машину маленький однокассетный магнитофон, штук 5 кассет с разными группами, которые были популярны в то время, пару клевых футболок, да и так по мелочам. Хватило и на спиртное, которое покупали все и прятали от командиров.

Стемнело. К погрузке приступили «Уралы», скоро уже и мы. Возле «Уралов» была выставлена охрана, возле каждой машины по четыре человека. Нетрудно понять, что груз ценный. Поинтересовались у водилы — так и есть, нагруженный оружием. Я еще раз выдохнул, поблагодарив судьбу, что мне достались кровати. Часам к пяти подъехал Ряба, нагруженный палатками, печками буржуйками и еще какими-то тряпками.

— Сегодня больше никто не приедет, я последний. В темное время суток нельзя. Остальные завтра, — как из пулемета выдал он. — Где дежурный? Мне ему надо доложить.

— Там где-то, — махнул рукой в сторону состава Паштет.

— Еще сказали, чтоб не разбредались, за нами приедут, еще замполит подъедет, всех заберут, — продолжал Ряба.

— Да капитан уже сто раз приезжал, следит за погрузкой, примчит, наорет на всех, что долго грузимся, и уедет, — вмешался Саня.

— Действительно долго, ну вот и моя очередь, — сказал я, вскакивая в кабину машины и выезжая по знакам регулировщика.

В часть мы вернулись поздно. Пока погрузились все, пока закрепили все тросами, слили из радиатора воду. Кроме всего, на ветру и морозе прождали почти час, пока за нами приедут. Но была и хорошая новость: наш повар, Костя Сизый, был сегодня в своей смене, позаботился о нас, не забыл, нажарил картошки, достал из записки тушенку. Перед сном мы наелись до отвала. Засыпая, последнее, что я подумал: с утра получу деньги и пойду в магазин отовариваться.

Глава 3

16 декабря 1995 года

1

Вот и настал тот день, которого мы ждали полгода минимум. Сформированный и сцепленный состав состоял из пары локомотивов, далее из четырех вагонов (три плацкартных для рядового и сержантского состава и один купейный — для офицеров и других сопровождающих этот поезд), двух грузовых крытых вагонов (в одном находились продукты питания, в другом — солдатские вещи на смену), двух вагонов-цистерн (бензин, солярка), вагона бункерного типа (там находилась кухня) и длинной цепочки вагонов-платформ с закрепленной на них разной техникой.

Играл оркестр. Нас построили в две шеренги вдоль вагонов. Мы были одеты в новенькие бушлаты, подшиты, наглажены, в новых, начищенных до блеска сапогах. Все ухожены, пострижены и побриты. Ну просто показательная рота, как будто участвуем в конкурсе смотра песни и строя. Командиры взводов стояли вместе с нами в строю. У нашего командира, лейтенанта Миронова, на лице явно можно было прочесть гордость. Он молодой, необстрелянный. Вчерашний курсант едет выполнять свою первую миссию в качестве командира. И опять я подумал, как благоволит мне судьба. Миронов — спокойный, взвешенный человек, а не тот придурок старлей из третьего взвода, где я раньше был, любитель по пьянке нас погонять. Впереди строя стоял командир мотоманевренной группы майор Проскурин. Немного сбоку от нас, на расстоянии 20–25 метров, стояли несколько камер. Это телевидение снимало происходящее. Фоторепортеры бегали и снимали нас с разного ракурса. На таком же расстоянии, но перед нами, стоял микрофон для выступающих. Провожало нас и много гражданских лиц. Многие из них пришли просто

поглазеть, ведь субботний день, на работу не надо. Они разноцветной толпой стояли за спинами официальной делегации. В делегации присутствовали командир части, все его замы, начальник штаба. Приехали нас провожать и несколько офицеров из Северо-Западного военного округа. Кроме военных, были и гражданские чиновники. Присутствовали глава района, мэр города, депутаты. Ну и дополнял эту делегацию местный священник.

День был солнечным. Ветер, как будто жалея нас, стих, но мороз не отпускал. И от этого все перетаптывались с ноги на ногу, пытаясь согреться. Я поднял голову и увидел чистое синее небо, высоко парила какая-то птица. Было так спокойно и хорошо на душе. От нудных, однообразных будней хотелось скорей избавиться. Хоть куда, хоть в Чечню, так все надоело. Будь что будет, но перемены мне нужны, чтоб не сойти с ума.

Оркестр затих, началась торжественная часть. На середину к микрофону вышел командир части полковник Чернышов.

— Равняйся... смирно... равнение на середину, — командовал майор, взяв руку под козырек, и строевым шагом подошел к командиру части. Пока он шел к полковнику, ударил оркестр.

— Товарищ полковник, мотоманевренная группа в связи с отбытием в Северо-Кавказский регион построена. Командир группы майор Проскурин.

— Здравствуйте, товарищи, — обратился полковник к нам.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — дружно хором ответил строй.

— Вольно, — командовал командир части.

— Вольно, — продублировал командир ММГ.

Постучав пальцами по микрофону, на что в ответ тот, протяжно заскрипев, дал понять, что все подключено и работает, командир части начал речь.

— Уважаемые товарищи, за время Чеченской кампании уже более двадцати подразделений пограничных войск несли свою службу в Северо-Кавказском регионе. Это и Ингушетия, и Чеченская республика, и Северная Осетия. Всегда с честью и достоинством пограничники выполняли свой долг. Я надеюсь, что и эта командировка в один из самых сложных районов также будет выполнена вами достойно, на высоком профессиональном уровне.

Затем выступали со своими напутствиями другие офицеры, глава района, мэр. Последним выступил священник, он прочел молитву и окропил нас водичкой.

— По вагонам, — наконец-то услышали мы от командира ММГ.

— Взвод материального обеспечения, отбиться согласно своим местам, — подхватил лейтенант Миронов.

Под громкую музыку оркестра началась посадка. Я быстро вскочил на подножку вагона. Вот и все. Неизвестно, ступлю ли я вновь на эту землю в Пыталово. Верю в судьбу. Совсем забыл, играл гимн.

2

— Когда мы наконец тронемся? — бурчал Ряба. — Уже четыре часа как закончилась посадка.

— Не понять, что там у них происходит? Почему не дают зеленый? — поддерживал Рябу Паштет. — Десять раз нас всех пересчитали.

— Может, кого-то нет из других взводов, — более спокойно ответил я. — Куда спешить?

— Бухнуть хочется, — продолжал Ряба. — А ну его ждать. Может, сейчас, а?

— Потерпишь, как тронемся, так и бухнем. Все терпят, не подставляй командира, — пытался успокоить я, хотя самому уже надоело ждать.

Я, Ряба, Паштет и Саня устроились в четырехместном плацкарте. Рядом на боковых сиденьях были Илья Соболев и еще один водитель «Урала» по имени Влад. Все мы ждали, когда застучат колеса, чтобы накрыть стол, достать пузырек и наконец расслабиться и наслаждаться поездкой. Путь нам предстоял немалый, мы едем в Северную Осетию до Владикавказа. В вагоне стоял галдеж, все пытались чем-нибудь себя развлечь. Кто-то читал, кто-то резался в карты, кто-то просто дремал. Постоянно то по одному, то толпой выходили в тамбур курить. Мы располагались недалеко от тамбура, и постоянный стук дверью начинал раздражать. Хотя в данный момент начинало раздражать все, даже Ряба, который постоянно кудахтал.

— В части уже ужин, мы так и будем сидеть? — Ряба был взвинчен до предела.

— Пойдем покурим, — предложил я, — легче станет.

— Я с вами, — присоединился Паштет.

В тамбуре от сигарет невозможно было дышать. Дыма было настолько много, что разглядеть, кто на противоположной стороне тамбура, было невозможно. Зачем тратить сигареты, можно просто постоять три минуты — и ты закурил надолго. Но мы чадили, как паровозы, добавляя свой дым к уже находившемуся здесь. Когда я выкурил сигарету до половины и в очередной раз затянулся, вдруг неожиданно вагон дернулся так, что я подавился дымом. Паштет влетел в Рябу и сигаретой прижег руку, а Ряба, в свою очередь, ударился головой о стену.

— Урааа! — раздалось по всему вагону.

— Урааа! — прокричал и Ряба.

— Наконец-то, — ответил я.

Курить больше не хотелось. Мы быстро побросали окурки в банку и вышли из тамбура. Качаясь от медленно разгоняющегося поезда, мы добрались до своих мест.

— Теперь гульнем, — развязывая вещмешок, с явной радостью в голосе говорил Ряба.

Мы последовали за ним. На столе появилось много еды, нам перед отправкой заботливо выдали трехдневный сухпаек. Здесь были и тушенка, и консервы, и хлеб. Саня достал сало, кто-то высыпал печенье, появились купленные до посадки в вагон огурцы и помидоры, сыр и лимонад. Только водку, чтоб не палиться, на стол не выставили. Ее разливом занимался Ряба под столом. Наполнив огненной водой алюминиевые кружки, Ряба произнес:

— Ну что, вздрогнем? За хорошую поездку, — чокнувшись со всеми, одним глотком он влил в себя содержимое.

— За все хорошее, чтоб все было супер, — поддержал тост Саня.

От выпитого от горла до желудка сразу побежала теплая дорожка. На голодный желудок в голову ударило сразу. Все набросились на пищу, жадно набивая рты.

— Между первой и второй промежуток небольшой, — не давая как следует закусить, налил по второй Ряба.

— Будем, — произнес я и залпом осушил кружку с алкоголем.

— Ох, хорошо, — закусывая, произнес Саня. — Вся суета позади.

— Неизвестно, что будет дальше, — скептически заметил Соболев, ставя пустую кружку на стол.

— Что будет — то будет, сейчас отдыхаем. А ты, Влад, чего не пьешь? — спросил я.

— Мужики, как выпью, начинает желудок болеть, я лучше подремлю, — ответил Влад и сидя прислонился к стенке, прикрыв глаза.

Прапорщик Малютин был назначен дежурным по вагону и периодически ходил следить за порядком. С каждым разом перерывы между осмотрами были все больше, язык развязней, а походка все неуверенней. Он с прапорщиками из других взводов ехали с нами в одном вагоне. Так как они находились в начале вагона, то и курить ходили в другой тамбур, мимо нас не бегали и не мешались.

— Все в порядке? — уже порядочно поддав, спросил у нас прапор.

— Все отлично, — тоже нетрезвым голосом ответил Ряба.

— Выпьете с нами по рюмочке, так сказать, за удачную поездку? — предложил Паштет.

— Можно, только по маленькой, — качаясь, пробормотал прапорщик.

Все выпили. Прапорщик пошел дальше. Сегодня мы его больше не видели. Через пару часов он крепко храпел на своем месте.

— Помню случай, как нас призывали в армию, — начал рассказывать свою очередную байку Ряба. — Стоим мы в кабинете у врача, голые, выставили свои причиндалы напоказ, а у одного пацана встал. Мы смеемся, а врач ему: сходи, вон за ширмой умывальник, водичкой головку помочи. Выходит он из-за ширмы, и мы видим: у него голова мокрая, а член стоит. Тут мы все попадали на пол.

Мы тоже дружно заржали.

— Я слышал похожую историю, — вытирая от смеха слезы, начал Паштет. — Как тоже на осмотре у парня встал, врач ему: вон, мол, там стаканчик с водичкой для таких случаев стоит. Ну тот вернулся, вытирая рот. Туда смотрят, где стоял стакан, а он пустой. Сколько раз туда макали члены, никто не знает.

Снова взорвался смех.

— Да хватает на свете дебилов, — наливая очередную порцию алкоголя по кружкам, сказал Ряба.

В соседнем купе заиграла гитара, хором запели песню: «Уезжают в родные края дембеля, дембеля, дембеля». До дембеля, как до Китая раком, еще девять месяцев служить, подумал я. Мысли закрутились в голове, опять вспомнил гражданку, отца, мать, брательника. От спиртного что-то замутило, в голове закружилось — перепил. Пока здесь не наблевал, надо в туалет. Качаясь, добрался до туалета — занято. Вышел в тамбур. Он был весь изгажен, кто-то уже наблевал на пол,

все в окурках, свиньи. От накуренного становилось еще хуже. Открылась дверь туалета, бухой солдат чуть ли не ползком выползал. Я метнулся в сортир и закрыл дверь. Смачно выдал в унитаз все содержимое желудка. Постояв еще с минутку, я сделал несколько глубоких вдохов. Вроде стало легче. Вымыв лицо холодной водой, я побрел назад. Ряба и Паштет сидели у соседей и подпевали песни, Саня уже давно вырубился. Ильи Соболева вообще не было. Я знал, что у него кореш во втором взводе едет, они даже вместе учились, и он наверняка зависает у него. Я глотнул лимонада, скинул тапочки, с трудом залез на вторую полку и под дружный стук колес захрапел.

3

Я иду по дороге вдоль поля, засеянного пшеницей. Солнце печет так, что невозможно идти. Во рту все пересохло. Пить, хочется пить. Почему так жарко? Голова вот-вот закипит. Передо мной появляется дом, я узнаю его, это дача, построенная моими родителями, наша дача. Почему я здесь, где все остальное? Я захожу внутрь, там должна быть вода, как хочется пить. В комнате на диване сидят родители и листают фотоальбом. Мать поднимает голову, улыбнувшись мне, машет рукой, чтоб я присоединился к просмотру фотографий. Подошел, сел рядом с мамой. На снимке я вижу: стоят в военной форме с автоматами на плечах Ряба, Паштет, Саня и Соболев. Все улыбаются и смотрят на меня. Вдруг я увидел, на фотографии у всех глаза были выжжены, а на их месте чернели дыры. Я испугался и откинул фотоальбом от себя, убежал на кухню. На столе стояла банка с водой. Пить, хочу пить. Схватив банку, опрокидываю, открывая рот, чтоб наконец-то насытиться, но вода не течет, как я ни старался. С размаху бросил банку о стену, та разлетелась на множество маленьких осколков. Подбежав к крану, наклонился, открыл кран, там пусто, воды нет.

— Что за хрень? — ору я.

Тут за мое плечо кто-то тянет. Поворачиваюсь и вскрикиваю.

— Леха, Леха, что с тобой? — продолжая тянуть, говорит Ряба.

Паштет, Саня и Илья стояли поодаль.

Открыв глаза, я медленно стал осознавать реальность.

Сон. Фууу.

— Кошмар приснился, — продолжая лежать неподвижно, ответил я.

Язык еле поворачивался, все пересохло.

— Пить, дайте попить.

Залпом я осушил полбутылки лимонада. Ох, тяжело. Только сейчас я заметил синяк под левым глазом Рябы.

— Откуда это у тебя? — поинтересовался я, показывая на глаз.

— Ты что, ничего не слышал? — вмешался Паша. — Ну ты здоров спать, здесь такое было. Ха, все проспал.

— Что было-то?

— Да пидор один, из БТРщиков, прикинь, закурил прямо в вагоне. Совсем нюх потерял, ну я ему предъявил. В тамбуре потом выясняли отношения.

— Ну и кто кого?

— Он один раз попал, а так я ему навалял, — гордо сказал Ряба. — Главное, он осознал, что так делать нельзя. Там ему еще и свои объяснили, что он неправ.

— Давно стоим? Где мы находимся? — поворачиваясь набок к нам лицом, тоже только что проснувшись, спросил Саня.

— Уже час точно стоим, где-то в жопе мира, — ответил Соболь, глядя в окно. Никаких признаков жизни, поля кругом.

За окном уже почти рассвело, заснеженные поля уходили вдаль, только на горизонте виднелась полоска леса.

— Завтрак, всем на завтрак, — идя по вагону, вопил с виду уже похмелившийся прапорщик. — Стоим

еще полчаса. Мухой к кухне, набрать котелки и по своим местам.

Проходя мимо нас, прапорщик на секунду остановился, увидев фингал у Рябы.

— Откуда синяк?

— Да с полки ночью упал, — соврал он.

— Ну-ну, — не поверив ни слову, прапорщик пошел дальше.

— Понятно теперь, чего стоим. Кому, интересно, с утра полезет их каша, — пробубнил Паштет. — Чайку надо попить. Может, по рюмочке, так сказать, похмелимся? — показывая наполовину выпитую бутылку водки. — Как раз всем по чуть-чуть.

— Я пас, — с отворачиванием сказал я.

— Я тоже, — поддержал Санек. — К вечеру можно будет под ужин выпить. У меня еще пузырек есть.

— Ну, тогда и я не буду?

— Пойдем покурим, потом в карты сыграем, — подчеркнул свое согласие, что с утра пить рано, Соболю.

До обеда мы резались в карты, сначала просто так, потом на интерес. Играли на спички и сигареты. Когда гора спичек перекочевала к Илье Соболю, а все сигареты ко мне, мы перешли играть на отжимания, приседания и на другие желания. У соседей играла тихонько гитара, кто-то бродил от скуки туда-сюда, кто-то дремал, становилось скучно всем. Карты бросили. Илья ушел к своему земляку, Паштет и Ряба тоже пошли прогуляться, Саня прилег подремать, я устался в окно. Поезд шел медленно, под монотонный стук колес за окном кружил снежок. Я смотрел на заснеженные деревья.

Необъятные поля сменялись то перелесками, то густыми еловыми лесами. Мы уже проехали Тверскую область, мою родину, и подъезжали к Москве. Никакой суеты, внутри на душе было спокойно. Конечно, головой понимаешь, куда тебя везут. Что об этом думать. Думай не думай, а ты

солдат, куда прикажут и что прикажут — туда и пойдешь и все сделаешь. Никогда не возникало мысли от чего-то откосить или вообще сбежать. Это же позор.

Поезд замедлил ход, показались отдельные деревянные домики. Проехали железнодорожную станцию, деревянный небольшой домик с вывеской «Станция Стяжок». Полная женщина, дежурная на этой небольшой станции, проводила нас флажком. Знает ли она, куда мы едем? Вряд ли, ей скорей бы проехал поезд — и вернуться в свою теплую будку, а еще лучше — быстрее бы закончилась ее смена. Проехали переезд с закрытым шлагбаумом, за которым стояли в ожидании две машины. Все кажется таким родным и близким.

Когда я учился в Великолукском лесхозтехникуме, я на каждые выходные ездил домой на поезде. Везде, на каждой железнодорожной станции я видел одно и то же: такая же будка, такая же вывеска с названием станции, такая же женщина с флажком (мне кажется, их набирают на работу по одним критериям, чтоб одинаково выглядели), такой же переезд со шлагбаумом и стоящими за ними машинами. Да и машины, кажется, одни и те же, которым дана кем-то команда преследовать поезд, переезжать с одного переезда на другой. Проехали какую-то речку без названия, появились коттеджи разных типов. Глядя на них, без ошибки можно было определить, что хозяева жили в достатке, в большом достатке. Их сменили огромные заводы с дымящими высокими трубами, какие-то полуразрушенные здания из красного кирпича, высокий бетонный забор с колючей проволокой наверху. Зачем? Для чего? От кого защищает? Прогремел, тяжело набирая ход, встречный товарный поезд. На других путях, которых становилось все больше и больше, также стояли товарняки. Ко мне присоединился Саня. Мы стали вместе наблюдать, что за окном. Наш поезд полз как черепаха, минут пять мы так и наблюдали забор с колючей проволокой и стоящие товарные поезда. Вдруг поезд дернулся и остановился.

— Приехали, — сказал Саня.

— Москва, — произнес я.

После команды на обед все стали высыпаться, гремя посудой, на улицу. Пообедать надо. Мы взяли свои котелки и, спрыгнув в снег, побрели в вагон-кухню. Очередь была длинной, мы заняли свою.

— Куда-то нас завезли на запасные пути, в тупик какой-то, — сказал боец, стоявший впереди нас.

— Ты хотел, чтобы нас высадили на Белорусском вокзале? — посмеялся над ним другой солдат.

— Лучше бы нас обедать расположили на Красной площади, — кто-то продолжал шутить.

— Перед Мавзолеем, — поддерживали другие.

Многие смеялись над шутками, некоторые стояли молча, отходили от сна. Очередь двигалась весело. Вот и в наши котелки налили жидкий рыбный суп и положили густой комок рисовой каши. Взяв хлеб с куском сливочного масла, отрезанный, как полагалось по норме, мы побрели в свой вагон. Встретили по пути Рябу и Паштета, которые с опозданием присоединились к очереди.

Хорошо поесть горяченького супка, не все же на сухпайке сидеть. Свой кусок масла я кинул в кашу, чтоб хоть немного придать вкус. Но доесть так и не захотел. Саня вообще не притронулся к каше. Подсели другие ребята. Кряхтя и причмокивая, стали хлебать жидкий суп, кому-то и кусочек рыбы попался.

4

Поезд тронулся только после ужина, дергаясь как паралитик. Как подсказали умники, перецепляли локомотивы. Теперь мы медленно выезжали в обратную сторону. За ужином мы не ходили, только Ряба сгонял до кухни за хлебом. На столе также была тушенка, а под столом водка. И довольный Ряба радостно разливал в кружки. По шуму

и голосам в вагоне, которые с каждым часом становились все громче и громче, было件нятно, что бухали мы не одни. Весь вагон, весь поезд снова отмечал поездку на Кавказ. Не пили только те, кто был в наряде и кому необходимо было при каждой остановке с оружием охранять вагоны и технику.

Наш взвод заступал завтра и то после ужина, но зато до утра. Поэтому сегодня нам ничего не мешало гулять. Днем мы воздерживались от употребления алкоголя из-за постоянного посещения командиров, как дежурных, так и непосредственных командиров. Наш лейтенант был немногословен, при перечете после обеда только спросил у Рябы, откуда сияк. Ряба повторил заученные слова про то, что упал с полки. Лейтенанту было пох*й откуда. Постоянно был кто-то на шухере, и при появлении офицера все знали, кто идет, и если кто не сдерживался и пил, то притворялся спящим. Прапорщики были свои и пили вместе с нами. Нашего лейтенанта мы тоже не боялись, но не хотели его подставлять. Сам командир ММГ прошелся по вагонам один раз за день. Да все всё понимали, и он тоже закрывал глаза. Самое главное — не пить в наряде. Этого бы майор не простил, был бы конкретный залет.

Паштет достал конверт с письмом, вытащил из нее фотографию и, вертя в руках, стал рассматривать ее, задумчиво что-то вспоминая.

— Покажи, покажи, — с боковой полки просил Паштета показать фотографию Соболя.

— Да подожди, — остановил его Ряба, выхватив фото из рук Паштета.

Мы с Саней по обе стороны склонились над ним, рассматривая снимок. Паштет широко, во все лицо улыбался.

На снимке он с девушкой стоял на фоне разводного моста в Ленинграде, уже как четыре года переименованного в Санкт-Петербург. Паштет был выше ее на полторы головы. И когда он ее обнимал, казалось, что девушка была у него под мышкой, а он накрыл ее голову рукой. Она была полной. Кривые ножки, на лицо — прыщавый ребенок. На обратной стороне была

надпись «Питер 1994», снимок был сделан за полгода до того, как Паштета призвали в армию. На фото он улыбался так же, как сейчас.

— Да она мелкая для тебя, — соскочив со своего места, не дождавшись, глядя через меня, произнес Илья Соболев.

— Ноги кривые, лицо в прыщах — издевался Ряба.

У Паштета улыбка исчезала на глазах.

— Да пошли вы все на х*й, — с обидой выхватывая фотографию, прокричал он.

— Да не обижайся, Паша, — хотел успокоить Саня. — Вы с ней подходите друг другу, ты такой же, только худой.

Все разразились смехом. Паштет, не ответив, засунул снимок в конверт с письмом от нее, которое он хранил в кармане камуфляжа.

В армии так — чем больше ты психуешь, тем больше над тобой издеваются.

— Ряба, наливай, — разрядил обстановку я.

Выпив после тоста «будем», уже никто не вспоминал про снимок, про девушку Соню, подружку Паштета. Тема сменилась, пошли пошлые анекдоты.

«Она реально некрасивая. Что Паша в ней нашел?», — последнее, что подумал я и больше об этом не вспоминал долго.

— Слушайте анекдот, — предложил Ряба. — Собирается муж на работу и вдруг живот скрутило, понос и все такое. Жена: — На таблеточку, съешь, и все пройдет. Но перепутала таблетки и вместо таблетки от поноса дала успокоительную. Через какое-то время звонит мужу на работу и интересуется. — Дорогой ну как ты? — Да ничего милая, — отвечает муж, — обосрался, но спокоен.

Как всегда, в полночь все разбрелись кто куда. Я сам слушал и подпевал блатные песни под гитару в соседнем плацкарте. В конце вагона надрывался магнитофон, пытаюсь перекричать толпу пьяных ребят, поющих под гитару. Прапорщик сидел за столом и все подливал в кружки алкоголь, пытался подпевать. Ряба с тем БТРщиком, с кем вчера

дрался, сидел в обнимку. Парочка твикс: у Рябы фингал под левым глазом, у партнера — под правым. Как братья-близнецы, найди десять отличий. В эту ночь драк не было, но тамбур был облеван так же.

Сквозь сон я слышал, что надо на завтрак, но голову поднять не смог. Мы в очередной раз стояли в жопе мира. Приоткрыв один глаз, я увидел, что дрыхнут все. Во сколько мы легли, не помнил никто, но чувствуя по состоянию — поздно. Или рано утром. Нас растормошили сослуживцы только к обеду.

— Где мы находимся? — поинтересовался Илья Соболев мимо проходившего в курилку солдата, натягивая сапоги.

— Да черт его знает, пару часов назад Воронеж проезжали, — ответил он и удалился.

Шатаясь как зомби, напялив на себя кто что, мы побрели к вагону-кухне. Не хватало оператора с камерой, отличный кадр был бы к фильму «Живые мертвецы».

Горячий гороховый суп был кстати, перловая каша не полезла. До самого ужина мы приводили себя в порядок, отлеживались и, кроме чая, ничего не пили и не ели, не хотелось. После ужина мы в наряде. Вернее, уже во время ужина, пока поезд стоит, мы должны принять у другой смены объекты, которые придется охранять до утра. Главное, чтоб поменьше остановок было, меньше на улицу выскакивать. Но если даже поезд всю нашу смену, с ужина до завтрака, а именно на завтраке нас сменят, не будет останавливаться, то все равно нам нельзя спать.

5

Пужинав на скорую руку гречневой кашей, с дежурным офицером отправились строем сменять ребят, которым выпало дежурить весь день с завтрака до ужина. Днем остановок намного больше, чем ночью, так что легче им не было. Ночь пролетит — и уже до Владикавказа

следующая очередь дежурить, так что до нас во второй раз не дойдет.

Нас распределяли между платформами и вагонами, так чтобы видно было соседа и справа и слева, по обе стороны состава. Мой пост был между платформами, на которых и с одной, и с другой стороны были тщательно закреплены бронетранспортеры. Я проверил БТР справа, мой сосед — БТР слева. Все двери опечатаны, никто ничего не трогал, натяжные тросы и крепления не болтаются, больше и принимать-то нечего. У других тоже не возникло никаких проблем. Старый наряд так же строем за дежурным удалился на ужин.

Было холодно, минус 10-15 присутствовало. Но это пустяки по сравнению с пронзительными ветрами в Пыталово. Пробежав с час-полтора, по цепочке передавали команду «по вагонам», две минуты до отправки. Все бегом кинулись к вагону. Только запрыгнул последний солдат, как состав дернулся, колеса заскрипели, и поезд медленно двинулся в путь.

В вагоне было спокойно, тихонько перебирал аккорды на гитаре сосед за стенкой, не было слышно громких голосов. Неужели у всех закончилась водка или уже никому не лезло? По вагону прошелся наш командир, поинтересовался, все ли у нас спокойно и все ли успели забраться в вагон.

— Товарищ лейтенант, — Рябе везде дело есть, всегда лезет со своими глупыми вопросами. — Скажите, какая остановка следующая?

— Две сосны, три ели, — ответил в шутку лейтенант и пошел обратно к себе в купе.

— Ряба, ну что за вопросы, ну откуда он знает? — облокотившись о стену, сказал Соболев.

— Никто не знает, — сказал я.

В вагоне было тепло. Спиртного, которое нас бы сейчас взбодрило, сейчас нельзя, да и нет его. Может, кто

и заначил, но молчит, но мое точно выпили. Пару часов мы еще разговаривали ни о чем, вскоре стало тихо, даже гитарист перестал играть. Глаза закрылись сами собой. Тепло, хорошо, я даже видел какой-то сон, я бы точно его запомнил, если бы меня нежно, тихонько разбудили.

Но разбудил меня резкий толчок вагона. Кто-то, по-моему, упал с полки, раздались громкие голоса, матерились. Кто-то крикнул: «Что они, дрова везут, что ли!». Сон я забыл. Вагон еще пару раз дернулся и встал. Нам приказано было, никого не дожидаясь, как только произойдет остановка, немедленно бегом встать по своим постам. Так мы и сделали, повывлетали из вагона как пробки из шампанского.

Через 10 секунд я уже был на своем месте, мимо прошел дежурный капитан из первого взвода, проверяя, все ли на месте.

— На соседние рельсы не ступать, пропускаем встречный поезд, передать по цепочке, — орал он.

Я прижался к своему составу и через какое-то время увидел свет фар идущего навстречу поезда. Это был товарняк, одни цистерны, наверное, с каким-то топливом. Перед глазами на большой скорости мелькали цистерны. Была полная луна, чистое небо и я мог рассмотреть, что бочки были черные. Значит нефть, почему-то подумал я. Когда пролетели последние цистерны, я увидел: на опушке стояли две сосны и три ели. Я чуть не подпрыгнул на месте, вот лейтенант провидец. Вот она остановка: две сосны и три ели.

Через полчаса по возвращении в вагон я рассказал увиденное.

— Ого, не врешь? — спросил Паштет.

— Зачем мне это надо? — вопросом на вопрос ответил я.

— Разные совпадения бывают, — поставил этой теме точку Саня.

Попили чайку, покурили, поиграли в карты, снова попили чайку и покурили. Время так медленно идет ночью,

от скуки хоть вой. По вагону раздаются стоны во сне, кто сопит, кто-то громко храпит, задерживая дыхание. Редкие солдаты хлопали дверьми тамбура, выходя кто покурить, кто в туалет. Вчера было веселей, весь вагон гудел до утра. Сейчас два часа ночи всего, устали бойцы.

Пусть приснится дом родной,
Девка с пышной пи*й,
Море водки, пива таз
И о дембеле приказ.

С улыбкой вспомнил я, как, будучи духами, рассказывали такие стишки дедам. Это было всего полгода назад, а кажется давно. Прослужил я всего год и пару месяцев, а как будто три года служу. Скорей бы домой.

Едем быстро, говорят, отстаем от графика. К утру обещали, что будем в Ростове-на-Дону.

Немного удалось поспать. Договорились, что по очереди будем дневалить, и если появится дежурный, то тот, кто бодрствует, немедленно всех будит. Дежурный капитан не появлялся, наверное, тоже дремал, поставив охранять свой сон какого-то солдата. К утру, часам к семи, поезд как всегда подергался и стал. Ростов-на-Дону. Мы разошлись по своим постам. Естественно, никакого Ростова мы не видели. Опять какой-то тупик, где-то на окраине города. Холодно с утра. Особенно чувствовалось, как только вышли из теплого вагона. Справа от меня, перетаптываясь, находился Паштет, слева водитель БТРа Сергей Чуйко (забегая вперед, мне еще придется в будущем с ним пересечься в ужасный момент).

Было еще темно, но силуэты соседей видно было отлично. У каждого был фонарь, и мы иногда пересвечивались друг с другом по приколу. Скоро смена, быстрее бы завтрак. Хочется горячего чая, что-то зябко. В 7.30 уже начинает светать. Через несколько путей — высокий забор

из красного кирпича, который уже отслужил свой срок и был весь раскрошенный. В утренних очертаниях я мог различить какую-то надпись на заборе, но что именно написано, пока не разглядеть.

Я посмотрел налево — Серега Чуйко, подняв ворот бушлата, прохаживался. Посмотрел направо — никого. Где Паштет? Куда этот придурок делся? Я пошел вдоль платформы, вглядываясь вдаль, нету никого. Покидать пост — это преступление. Ладно, я не застучу. А если дежурный появится? Ну Паштет, ну debil. Пройдя до края платформы, где должен был находиться Паштет, я негромко крикнул.

— Паштет, Паштет, — до уха еле слышно доносилось кряхтение.

— Паштет, ты где? — не успокаивался я.

— Да здесь, я, не ори, — буквально в шаге неожиданно донесся его голос.

Я от испуга дернулся, всего прошибло током. Он сидел под вагоном.

— Ты что делаешь, идиот? — спросил я.

— Что, что, не видишь, сру, — спокойно ответил он.

— Блять, ты меня напугал. Предупредить нельзя было?

— Ну, резко накатило, — вылезая и застегивая на ходу штаны, сказал Паштет.

У меня схватило живот, кольнуло в заднем проходе. Вот черт. Глядя на него, самому захотелось в туалет.

Перетерпел. Уже совсем рассвело, через час завтрак и смена. Позавтракаю и лягу спать до обеда. Хоть и дремал ночью, но это не сон, одно название. Я вернулся на свое место. Уже были видны первые лучи солнца — восход. Даже веселей стало, не люблю темноту, грустно в ней. Теперь я мог прочитать надпись на заборе. Красивым почерком, черной краской было написано: «Душу не пропить», а ниже толстым неровным шрифтом было приписано: «Я пропил». Другие надписи я рассматривать не стал, хватило этого, чтобы поднять себе настроение.

Вот и долгожданная смена, и горячий чай. Под дружный хохот ребят я рассказывал, как искал Паштета.

— Прикиньте, подкрадываюсь я к Паштету, он сидит под вагоном, глаза красные, даже в темноте светятся, — сочиняю я для смеха. — Я резко наклоняюсь под вагон и кричу «Что, срешь?». Он как заорет. Был у Паши запор, но я вылечил. Быстро он свои дела сделал.

— Что ты пиз*шь, не было такого, я издалека тебя увидел, — нисколько не обижаясь, а наоборот, улыбаясь, ответил Паштет.

— Да ладно, так и было, — смеюсь я.

— Ужин давно закончился, а мы все стоим, — остановил спор Саня.

— Опять простоим полдня, — поддержал Соболев.

— И спать неохота, под стук колес засыпать легче, — вставил свое слово Паштет.

— Да ты всю ночь храпел, — улыбается Ряба.

— Где всю ночь? По очереди спали, — уже серьезно ответил Паштет.

— Ты и очередь свою проспал, — подначивал Ряба.

— Офигел гнать?

— А вот и не подеретесь, — вмешался Илья Соболев.

— Хватит вам кусалово устраивать, — сказал я.

В вагоне вдруг появилось какое-то оживление, солдаты забегали туда-сюда. Отрывком слышались голоса: «Где? Там в заборе дыра большая. Быстреей давай. Сколько брать?».

— Братан, что случилось, что за кипеш? — хватая пробежавшего мимо солдата за рукав, спросил Илья Соболев.

— Да там, метров триста-четыреста подальше от поезда, самогонку продают. Местные прознали, что здесь поезд с солдатами стоит, вот и притащили на продажу. Там дыра в заборе, за ней и самогон.

— Блин, класс. А долго мы еще стоим? — вмешался Ряба.

— Говорят, еще полчаса точно, — ответил солдат. — Если хотите, поторапливайтесь, а то разберут.

Ряба вскочил как ошпаренный. Для него это было очень важно, такой подарок судьбы он пропускать не собирался. Никогда он так быстро не одевался, наверное, даже в учебке. Представлять себе не хотелось, что ему не достанется самогона, тогда всем не спать до Владикавказа.

— Так, быстрее мне вещмешок, деньги потом отдадите. Я пока за свои возьму. Сколько? Четыре полторашки (полуторалитровых бутылок) хватит? — уже хватая на ходу вещмешок, спрашивал Ряба.

— На месте определишься, — ответил я.

— Если еще не разобрали, то бери четыре, — уже вдогонку прокричал Паштет.

В окно мы увидели, как Ряба промелькнул мимо со скоростью тигра, гнавшегося за своей жертвой. Все опустились на сиденья с мыслями: только бы не всё спиртное разобрали и хватило бы и нам. Вечером разогнать скуку.

Прошло двадцать минут, которые тянулись вечно, а Рябы все не было. Скурили в тамбуре по очередной сигарете. Двадцать пять минут, Рябы все еще нет. Вдруг неожиданно дернулся вагон, и поезд медленно начал набирать ход, в противоположную сторону, куда убежал Ряба. Я, Паштет, Саня и Соболь переглянулись. Паштет открыл рот, из которого на пол упала сигарета. Саня захлопал глазами. Соболь только мог прохрипеть «Пи*ец». Несколько секунд мы приходили в себя.

— Что делать будем? — первым в себя пришел Саня.

— Надо подумать, без паники, — ответил я.

— Какая паника, надо докладывать командиру, — говорил Соболь.

— Стоп-кран, — Паштет подскочил и дернул рычаг вниз. Поезд не отреагировал никак.

— Бл*дь, даже стоп-кран не работает, — разозлился Паштет.

— Да его в первую ночь сломали. Погнали к лейтенанту, не х*й сиськи мять, — открывая дверь тамбура, сказал Илья.

Пройдя через все вагоны, мы вошли в офицерский. У входа дежурил солдат.

— Братан, позови лейтенанта Миронова, командира взвода материального обеспечения, — начал Соболев.

— Быстреей только, срочно надо, — стал подгонять дневального Паштет.

— Надо так надо, сейчас посмотрю где он.

— Шевели батонами, — не успокаивался Паштет.

Солдат исчез в купе лейтенанта. Время летело, поезд с бешеной скоростью удалялся от Ростова-на-Дону и от рядового Руслана Рябова. Где он? Что сейчас делает? Что собирается делать? Мысли путались в голове. Увидимся мы еще раз или нет?

Вышел заспанный лейтенант. Застегивая пуговицы гимнастерки, направился к нам.

— Что хотели? — недовольный, что его разбудили, буркнул он.

— Ряба, точнее Рябов, отстал от поезда, — взял на себя инициативу Илья Соболев.

— Чтоооо? — взглянув на Илью, ответил он.

От сна не осталось и следа. Лицо сначала покраснело, потом стало багровым, затем покрылось красными пятнами. Я такой реакции организма на стрессовую ситуацию еще не видел. Не хотел бы я сейчас оказаться на его месте. Представляю, как влетит сначала ему от майора, а потом и нам. Лейтенант судорожно соображал что делать.

— Прапорщик Малютин трезвый? — неожиданно спросил он.

— С утра был трезвый, — ответил Саня.

— Бегом к себе, никому пока не говорить, я сейчас приду. Найдите Малютина.

Лейтенант подошел только через сорок минут и, как я увидел, в плохо скрываемом хорошем, не по ситуации, настроении. Это потом он рассказал, что доложил капитану, дежурному, и тот посоветовал, как поступить дальше. Капитан не был паникером, был рассудительным, всегда говорил «Не порите горячку».

Мы доложили все лейтенанту, рассказали всю правду, как было.

— Значит так, — начал свою речь лейтенант. — Вы не знаете, куда он делся, сказал, что прогуляется по вагонам. Обнаружили это только, когда он не появился на обед. Через полчаса уже будет остановка на обед. Пока майор спит, мы еще прикинем что к чему. Скажу позже, что вам говорить особому отделу. После обеда я доложу командиру ММГ Проскурину, что Рябов не явился на обед. Вы понимаете, что будет. А будет жопа. Всем будет жопа. Я вас сгною в нарядах. Вас лишат автомобилей, пойдете стрелками по другим взводам. Мало того, вас будут судить как соучастников и подстрекателей к дезертирству. Я не удивлюсь, если некоторые отправятся в дисбат (дисциплинарный батальон).

— Да уж, дела, — протянул прапорщик.

Жути лейтенант навел на нас не по-детски. Настроение было ниже плинтуса.

Поезд остановился на станции типа «две сосны, три ели». Мы с натянутыми как струны нервами побрели с котелками к вагону-кухне. Все молчали. Думали, что теперь будет дальше. Ярко светило солнце прямо в глаза.

— Братва, а вот и я, — услышался знакомый голос.

— Ряба??? Откуда ты взялся? — офигевши, чуть ли не хором спросили мы.

— Да самогонка закончилась. Я ждал, пока новую партию подвезут, пришлось задержаться. Пока рассчитывался, вижу, поезд тронулся. Ну я бегом догонять. В наш вагон уже не успевал, вот только и успел в вагон к поварам запрыгнуть. Пришлось ждать у них, пока следующая остановка будет.

— Да ты знаешь, какой кипеш поднялся? Да ты знаешь, что будет? — задыхаясь от злости, кричал Соболь.

— А что будет? Ну, прыгнул не в тот вагон. Старший по вагону по радиации сразу дежурному капитану доложил, — спокойным голосом ответил Ряба.

Произошло повторение событий в тамбуре. Мы все переглянулись, Паштет открыл рот, Саня захлопал глазами.

— Как так? — как всегда первым выйдя из состояния ступора, спросил Илья.

— Значит, лейтенант знал? Нам не сказал ничего? Отчихвостил по полной, — так же удивился Паштет.

— То-то я заметил, когда он пришел к нам, настроение у него было приподнятое, — сказала я.

— Ну да, вообще в таких ситуациях сразу докладывают старшим, — продолжал соображать Санек.

— Теперь понятно, что они с дежурным капитаном обсуждали, как нас проучить. Чтобы мы понервничали все, — снова предположил я.

— Ну ладно. Мне лейтенант сказал подойти при первой возможности к нему, — произнес Ряба. — Я пошел. Уже пообедал, пока ехали.

— Давай-давай, получишь сейчас пи*юлей, — уже спокойно сказал Соболь.

— А где самогонка? — спросил Паштет. — Ты взял что?

— Три полторашки только, две у повара Кости Сизова оставил, чтоб никто по пути не перехватил, он вам передаст. Одну несу лейтенанту. Он сказал быть у него с тем содержимым, по причине которого произошел инцидент.

— Правильно, молодчик. Давай, ни пуха тебе.

Ряба убежал, мы уже веселые поспешили к кухне. Вместе с горячим обедом еще забрали вещмешок с двумя полторашками самогона. Три литра на пятерых тоже неплохо. Будет чем под ужин настроение поднять. Да еще после всего, что произошло, надо же стресс снять.

— По вашему приказу прибыл, рядовой Рябов, — зайдя в купе лейтенанта, отдал честь Ряба.

За столом сидели наш командир ВМО лейтенант и дежурный капитан. Такое впечатление, что капитан — вечно дежурный поезда. Наверное, проштрафился перед майором, командиром ММГ. Они пили чай. Капитан, отхлебнув глоток, поставил чашку на стол.

— Заходи, заходи, боец, — пригласил пройти на середину купе капитан.

— Рассказывай, как все было, — продолжил лейтенант.

— Ну что рассказывать. Вышел подышать свежим воздухом, прогуляться, так сказать... задумался.

Капитан медленно встал, сложил в замок пальцы, хрустнул костяшками.

— Продолжай боец, — не глядя на Рябу, сказал капитан.

— Значит, задумался я, отошел прилично от поезда. Вижу, поезд тронулся, ну я и...

Не успел он договорить, как капитан с левой руки смачно припечатал правый глаз Рябы. Ряба рухнул как подкошенный. Головой еще приложился о нижнюю полку. Из-за пазухи выпала полторашка с самогоном, с помощью которой Ряба решил сначала попробовать отмазаться и сохранить полтора литра. Это была ошибка, только понял он это спустя пару минут, когда начал приходить в себя.

— Попытка номер два, — прошипел с яростью капитан.

Схватив Рябу за ворот, он поднял и сильно встряхнул.

— Ты только не убей его, — сказал лейтенант, искренне не желая таких разборок.

— Не ссы, — проигнорировал он. — Это что? — поднимая с пола, ткнул в нос бутылкой.

— Самогон, — прошептал Ряба, явно еще потрясенный. Глаз медленно заплывал, появился синяк. — Купил у местных, поэтому и опоздал.

— Кто еще покупал? От кого узнал?

— Гулял, дышал воздухом, из дыры в заборе мужик какой-то помахал, я подошел, он предложил полтора литра.

Капитан замахнулся правой рукой, отчего Ряба инстинктивно попытался закрыться. Удара не последовало.

— Я правду говорю, товарищ капитан, — голос Рябы дрожал, уже срывался на плач.

— Ладно, боец, — не поверив, но понимая, что правды не добьется, сказал капитан. — Значит, синяк у тебя появился от падения с полки. Бутылку мы забираем. Никто чтоб ничего об этом не знал. Ясно?

— Так точно.

— А откуда у тебя синяк под другим глазом?

— Упал с полки, товарищ капитан.

— Часто ты падаешь, рядовой.

— Так точно, часто, а точнее, только один я и падаю. Надо будет поменяться с нижним, — поняв, что с него хватит, отрапортовал Ряба.

— Свободен.

— Есть, — отдал честь и выбежал из купе, не напрасно считая, что легко отделался.

Почти третий раз за день произошло повторение событий в тамбуре. Единственное, что теперь не только Паштет открыл рот, а все мы. Саня захлопал глазами. В проходе стоял Ряба, улыбался во все зубы. На лице под глазами, как у енота, красовались два огромных фингла. Пришли мы в себя одновременно, хохотом заполнился весь вагон.

— Классно тебя подлечили, — смеялся Паштет.

— Я с тобой в ночной наряд проситься буду, не надо будет фонарик брать, — ржал Илья Соболев.

— Смешно вам, — плюхаясь за стол, уже не улыбаясь, сказал Ряба. — Больше никуда не пойду, буду спать до самого Владикавказа.

6

Поезд шел медленно, останавливаясь у каждого столба, постоянно пропускал встречные составы. Время как будто остановилось назло нам, зная, что в вещмешке греется самогон и что мы ждем ужина.

— Башка болит, — пожаловался Ряба.

— Выпей, полегчает. Может, у тебя сотрясение? — сказал Паштет.

— Или к медсестре сходи, таблеточку даст, — посоветовал я.

Старшая медсестра Марина была женой заместителя по технической части капитана Коробова. Лет 30, не красавица, но и не страшная, маленького роста, очень худенькая. Как говорится, третий сорт не брак. Капитан страшно ревновал к ней, может, по этой причине он и взял ее с собой в командировку. Одна из причин точно эта.

— Лучше самогоночки, — кряхтя и подсаживаясь ближе к столу, проскулил жалостно Ряба. — Будет кто еще?

— Наливай уже всем, поддержим, ужина не дожидаться, — сказал Илья.

В секунду на столе появились кружки, можно было подумать, что все держали их постоянно в руках, дожидаясь этого момента. Ряба налил. Самогонка была отвратительной, с привкусом пластмассы, но 40 градусов в ней было, а это главное. Занюхав хлебом и немного закусив, я откинулся назад, упершись головой в стену. Тепло поползло по организму, сейчас даст в голову. У всех поднималось настроение. Живы будем, не помрем.

До ужина мы выпили еще пару раз, но по маленькой дозе — не по полкружки, как привык наливать Ряба, а по четверти. Вот и долгожданный ужин. Поезд остановился у очередного столба. Кроме гречневой каши, мы у Сизова выпросили на закуску пару банок тушенки. Удобно расположились в своем плацкарте и продолжали ужин с регулярным поднятием спиртного в кружках. Но все когда-нибудь заканчивается. К часу ночи закончилась и самогонка. Мне кажется, больше и не надо было, третья полторашка была уже лишняя. Тем более, утром мы должны были приехать в Северную Осетию — Аланию, во Владикавказ.

Глава 4

20 декабря 1995 года

1

— Подъем, — орал прапорщик, — подъезжаем к Владикавказу, через час туалет закроемся, всем привести себя в порядок, по прибытии построение возле вагонов.

Заскрипели полки плацкарта, забубнили солдаты, спрыгивая с верхних полок, к туалету образовалась очередь. Во рту был ужас, я чувствовал сам, как от меня несет, поэтому я был безумно рад почистить зубы, когда подошла моя очередь.

Северная Осетия нас встретила ужасной погодой, шел то мокрый снег, который почти сразу таял, то лил дождь. Вокруг было серо и грязно. Все построились в две шеренги возле вагонов, на середину вышел майор Проскурин.

— Товарищи солдаты и офицеры, — начал майор. — Нам необходимо оперативно разгрузиться, построиться в колонну и своим ходом выдвигаться в столицу Ингушетии, город Назрань. После завтрака все командиры получают инструкции, капитан Коробов определит последовательность колонны, дальнейшие указания в процессе, по обстановке. Если всем все понятно, то разойтись на завтрак.

— Взвод материального обеспечения, — обратился непосредственно к нам наш командир, — после завтрака не разбредаться, находиться на своих местах и ждать указания.

Кроме нас, на погрузочно-разгрузочной площадке были еще ребята из Внутренних Войск Российской Федерации. Они свое на Кавказе отслужили и совершали погрузку на состав. У них были только пассажирские вагоны, техники с ними не было. Вид у них был раздолбайский, кто

во что одет. Кто в берцах, кто в резиновых сапогах, у многих на голове вязаные шапки, какие-то шарфы. Бушлаты на них старые, затертые. Хоть и зима, а лица загорелые, суровые. Видать, хлебнули они горя. Им предстояло ехать до Москвы.

После завтрака нам было приказано проверить свои автомобили, залить воду в радиатор, завестись, прогреть двигатели, отсоединить от буксирующих тросов и крепежей и находиться непосредственно в машинах, ждать дальнейших указаний. Тут и начались у многих проблемы. Две машины, ГАЗ-66, не завелись — сели аккумуляторы. У одного «Урала» вообще вся система вырубилась, не было тока. Половина бронетранспортеров не завелась по разным причинам. Зампотех бегал, как электровеник, и орал на всех. Ну, это же машины, железки, причем здесь мы? Тем более, все БТРы старые, неужели все это не предвидели? Надо было быть большим идиотом, чтоб этого не знать.

Думаю, знали, но ничего сделать с этим не могли. Есть приказ вперед — хоть на чем, хоть на черте, а езжай и выполняй. Моя машина завелась с пол-оборота. Слава Богу, у меня таких проблем нет, думал я, глядя из окна автомобиля, как ребята бегают туда-сюда и пытаются выйти из трудного положения. Дождь, снег, грязь — на это никто не обращал внимания. Ко мне в кабину прыгнул Саня.

— Ну как ты, зёма? — поинтересовался он.

— Все круть. Как сам?

— Тоже норм. Мерзко на улице. Бррр.

— Да, не месяц май. Здесь быстрее лето начинается, успеем позагорать.

— Быстрее бы лето, надоела зима.

— Что там наши, все завелись? — спросил после небольшой паузы я.

— Да, уже все. Дали прикурить тем, у кого аккумулятор сел. Только с «Уралом» копаются, ищут причину, — ответил Санек.

— Найдут, заведут и «Урал», а вот с БТРами проблема посерьезней.

— Хлам один, не повезло ребятам.

Из окна увидели, как Ряба машет нам рукой. Я открыл окно — не хотелось без уважительной причины выходить из теплой кабины.

— Что надо? — чуть выглянув в окно, спросил я.

— Лейтенант зовет всех, у нашего вагона собирает, — крикнул он и побежал дальше всех собирать.

Ничего не поделаешь, надо вылезать. Машину заглушил — что бензин зря жечь. Я был уверен в своей ласточке, что заведется без проблем.

У вагона в окружении лейтенанта находились все водители нашего взвода.

— Ребята, до обеда всем находиться в машинах на платформе, сейчас бронетранспортеры будут стаскивать друг друга. И кто не завелся, заводите с тягача. Не мешайтесь и не путайтесь. Если все пойдет нормально, и все будут на ходу, будем формировать колонну. Кто за кем стоит на составе, так и выезжайте становиться друг за другом. Но по очереди — стала перед вами машина, выезжайте и вы. Без суеты. Кроме всего, регулировщик подскажет. Понятно?

— Понятно, — хором ответили мы и опять разбрелись по машинам.

Дождик со снегом перестал, сквозь тучи иногда пробивались лучики солнца. Мы с Саней сидели в моей машине и наблюдали происходящее на разгрузочной площадке. Один бронетранспортер по очереди стаскивал на тросу незаведенные БТРы, потом перецепляли к другому и таскали до тех пор, пока черный дым столбом не поднимался вверх, давая понять, что БТР завелся. Те, кто завелся, отъезжали в сторону и становились друг за другом, рыча

на весь Владикавказ. После обеда практически все были на ходу, кроме «Урала» и одного БТРа. Их так и не завели, и пришлось прицеплять на буксир для транспортировки в Назрань, в воинскую часть, к которой мы были прикомандированы. Своими колесами бронетранспортеры разбороздили все так, что на автомобиле приходилось включать два моста и с трудом, иногда буксуя, становились в колонну друг за другом.

К ужину колонна была сформирована. Было уже темно. Все устали. Дальнейшие действия были такие: ужин, отбой и утром после завтрака выдвигаемся. Ехать до части 40 километров, так что не спеша за час доедем.

— Ну вот и Кавказ, — после ужина заговорил Санек.

— Наконец-то, поезд уже достал, — сказал я.

— Да ладно, весело было, — улыбнулся Ряба.

— Очень весело, особенно тебе, — смеялся Паштет.

— Что нас ждет впереди? — задумчиво спросил Илья.

— Что будет, то будет, время покажет, — ответил я. —

Каждому своя судьба.

Никто еще не представлял, что ждет нас впереди. А впереди не один день и не один месяц службы на Кавказе. Сейчас, когда все это анализируешь и осознаешь, через что пришлось пройти, то понимаешь весь ужас того сложного времени. Но все это будет позже, а сейчас нам бы только покурить — и отбой. Завтра в Ингушетию, в Назрань.

2

Всю ночь гудели БТРы, заводились по очереди, грели двигатели и глушили. Не хотели, чтобы с утра были проблемы. В общем, выспаться не судьба была. Когда прокричали подъем, я уже не спал. Встал, спокойно оделся и пошел на улицу. До завтрака еще есть время и надо пока завестись. Все же ночью был небольшой минус, а я воду из радиатора не сливал, поэтому немного беспокоился. Я открыл

капот и открыл кран на радиаторе — вода не потекла, все же прихватило морозом. Сердце неприятно застучало. Машина завелась без проблем. Я выдвинул дроссельную заслонку на всю, машина работала на полных оборотах, я вылез из машины и смотрел под капот, на кранчик. Две минуты кран открыт, а вода не льется, три минуты — ничего, пять минут... Из крана сначала закапала, потом полилась тонкой струйкой вода. Фууу, выдохнул я, вроде все нормально. Я закрыл кран, сходил за водой, долил радиатор, захлопнул капот и уселся в кабину. Обороты сбавил на минимум, посмотрел в зеркало заднего вида и... А где зеркало? Через мгновение дошло — украли. Я посмотрел с другой стороной, тоже нет. Бл*дь. Пипец. Кто снял? Я выскочил из машины.

— Саня, у меня зеркала сняли, — подбежал я к нему.

— У меня тоже одно, второе не получилось, резьбу сорвали.

— Кто дежурил сегодня? — разозлился я.

— Да по ходу никто, здесь всю ночь кто хотел, тот и бродил, — Саня злился тоже. — Пойдем к командиру, доложим.

Как выяснилось позже, зеркала лишились еще пять машин, кроме наших с Саньком. Как всегда, расследование ни к чему не привело, никто ничего не видел. Зато всем было понятно, что зеркала сняли бойцы из Внутренних Войск. Они рано утром отправились в путь. Предъявить было некому, да и время терять на нас никто не хотел. Командир сказал, что спросит в части, может, есть списанные машины с зеркалами. Скажу наперед, все семь месяцев, что был в командировке, я ездил без зеркал заднего вида.

После завтрака наша колонна двинулась в путь, в Ингушетию. Включив однокассетный магнитофон, я спокойно вырулил на Черменское шоссе за автомобилем «Урал». Настроение было хорошее, огорчало только одно — не было зеркал. Я сам себя успокаивал, убеждал, что это

мелочи, где-нибудь достану позже. Теперь приходилось открывать окно и высовывать голову, чтобы посмотреть, что происходит сзади. Неудобно, но не смертельно. Колонна двигалась медленно, но без проблем. Через полчаса мы выехали на трассу Беслан — Грозный — Гудермес, и далее дорога уходила в Республику Дагестан. Только мы свернули на эту трассу, начались проблемы у бронетранспортеров. Один за другим закипали БТРы (закипала вода в системе охлаждения), приходилось останавливаться и ждать, пока остынет двигатель. Каждые два-три километра — остановка на полчаса. Вскоре некоторые вообще потекли. Как говорится, водичка дырочку найдет. Вытекавшую воду нечем было заменить, если встречалась большая лужа, то сразу останавливались и подливали грязную воду в радиатор. Доехали бы они до постоянного места дислокации, как мы называли ядро, там бы их и оставили. На большее многие БТРы были не способны.

К обеду мы въезжали в Назрань. Сорок километров преодолели за полдня, супер скорость показали. Нам надо было участвовать в ралли на приз, кто приедет к финишу последним. Я пешком быстрее бы дошел. Трасса проходила через город, перед городом мы, как всегда, остановились. Полчаса — движение не возобновилось, час — стоим. Водители стали выпрыгивать из кабин автомобилей, в воздухе повис вопрос, почему так долго стоим.

— Товарищ капитан, — спросил водитель «Урала», — по какой причине так долго стоим?

Зампотех проходил вдоль колонны, осматривал ее, задавая вопросы, у кого есть какие проблемы с техникой.

— Майор в часть поехал, решать вопрос по технике, что не на ходу, — ответил капитан Коробов. — Мы не будем заезжать в часть. Если договорится, то всю проблемную технику отправим в часть, а сами отправимся дальше, в ядро.

В часть надо было свернуть с трассы на пару километров. Майор вернулся с группой офицеров. Был отдан приказ — автомобиль «Урал», который тащили на буксире, перегрузить, распределить груз по другим машинам, которые могли бы еще что-то зачихать. «Урал» был гружен матрацами и еще какими-то тряпками. Этот «Урал» и еще шесть бронетранспортеров решено было отбуксировать в часть на ремонт. Больше мы их не видели, наверное, ремонту эти машины не подлежали.

Дождавшись группу машин, которые отбуксировали лом, мы тронулись дальше. Дальнейший путь лежал в станицу Нестеровское Республики Ингушетия. Ехали довольно быстро, в среднем 60 километров в час. Через 40 минут мы свернули с трассы в сторону указателя с табличкой «Нестеровское 7 км». Еще 15 минут — и мы пересекли станицу Нестеровское, затем проехали по мосту реку Асса. Дальше путь лежал в гору, ехали по серпантину в сторону Чечни к административной границе Чечено-Ингушетии.

Через пару километров колонна пересекла границу, которой в натуре нет, и мы въехали в Чеченскую республику. Еще спустя пару километров мы остановились. Блокпост, а за ним — наше новое место службы, ядро. И в горах погода была мерзкая. Часто шел мокрый снег, который сразу таял, лишь изредка выглядывало солнышко. Дорога была разбита, вокруг была грязь, горы были холодные, они явно были нам не рады.

Ну вот и все, приехали.

Часть 2

ЯДРО. ЗИМА

Глава 1

21 декабря 1995 года

1

Небо становилось черным, темнело на глазах. Черным было не только небо, черным было все. Черной казалась земля, перемешанная и взборожденная колесами машин и бронетранспортеров грязь. Черными казались горы. При отсутствии солнца они каменными глыбами различных форм нависали над ядром. Черными казались машины и другая техника, от постоянного буксования они снизу доверху были покрыты грязью. Вдобавок ко всему, рычавшие бронетранспортеры выпускали из глушителей тяжелый, черный дым.

Колонна медленно продвигалась. К машине, которая в свою очередь подъезжала к блокпосту, подходил дежурный офицер и объяснял, куда надо проезжать. Открывался шлагбаум, машина уезжала в темноту, шлагбаум закрывался, подъезжала следующая машина. От блокпоста дорога раздвигалась, и машины уходили кто правей, кто левей. Это зависело от груза и места разгрузки.

Вот подошла и моя очередь. Я медленно подъехал к посту. Блокпост представлял собой такую картину: по обе стороны дороги находились железобетонные прямоугольные плиты, между ними шлагбаум — сваренная труба, покрашенная в красно-белую полосу с противовесом на конце. Противовесом был диск с большим диаметром от колеса автомобиля. С левой стороны — сложенный из плоских камней домик, похожий на дзот. Крышей был большой лист

железа, из окошка торчало дуло пулемета. Спереди, до самого окна — сложенные друг на друга мешки с песком. Также из стены дзота торчал импровизированный флагшток с красным флагом. Рядом с ним на деревянном столбе, можно сказать жерди, ярко светил прожектор, направляя свой свет на дорогу перед блокпостом. Кроме всего, к этой жерди подходили провода. Один провод, свисая, уходил в каменный домик, это был телефонный кабель. И с правой, и с левой стороны далее был прокопан ров, так что объехать шлагбаум было невозможно. Дежурили на блокпосту, как я увидел, три солдата и старший наряда офицер. Один боец стоял возле шлагбаума и пропускал технику. На нем была каска, бронежилет одет прямо на бушлат, через плечо висел автомат АКС. Двое других находились в дзоте, пулеметном расчете. Офицер, лейтенант, был главным и отдавал распоряжения.

— Чем загружен? — поинтересовался он, когда я опустил окно.

— Кровати, — ответил я.

Лейтенант удалился, он звонил старшему командованию, чтобы узнать, куда мне ехать со своими кроватями.

— Значит так, боец, твои кровати сейчас разгружать не будут. Поедешь сейчас левее, вон в ту сторону, — он указал рукой на дорогу, которая уходила влево, — Через триста метров, также с левой стороны, увидишь две полуразрушенные бывшие овцефермы — кошары.

Кошарами, или овчарнями, здесь назывались помещения, сложенные из железобетонных плит или из кирпича для содержания овец. Многие умники скажут, что не только из этих материалов делались кошары, есть и деревянные, и железные и еще какие-то. Наверное да, но я там видел только такие, какие описываю.

— Рядом с ними найдешь удобное место стоянки, ночуешь сегодня там, в машине. Понял?

— Так точно, — произнес я.

— Открывай, — лейтенант, махнув вверх рукой, приказал солдату открыть шлагбаум.

Проезжая шлагбаум по нарезанной колее, моя машина на половину колеса утопала в грязи и с надрывом, с включенными двумя мостами продвигалась вперед. Ужас. Как здесь вообще можно находиться, ездить, ходить, жить? Куда я попал, за что мне такие испытания? В тот момент в темноте, по правую сторону, я мог видеть кое-где свет фонарей. Это были обычные лампочки, висевшие где на стене каких-то развалин, где на шесте, на жердине метров в двух-трех от земли. На фоне тусклого света я мог разглядеть силуэты палаток. По левую сторону была сплошная темнота. Впереди я увидел описанные лейтенантом кошары. Я остановился рядом с ними. Надо было разведать, где лучше встать. Выпрыгнув в грязь, я увидел сзади свет автомобиля. Саня догнал меня. Ну понятно, тоже кровати, куда еще, как не сюда. Я был рад.

— Тоже сюда? — улыбаясь, я приветствовал Санька.

— Ага, — откликнулся он.

— Прыгай, присмотрим место для парковки.

Саня прыгнул в грязь.

— Ну и дерьмо, — еле вытаскивая сапоги, бормотал Саня.

У входа одной из кошар на земле были положены плиты. Отличное место и как раз хватит для двух машин. Я развернул автомобиль, Саня регулировал, куда надо крутить колеса, чтоб ровней встать. Трудно без зеркал заднего вида, да еще в темное время суток точно встать на отмеченное место. Задним ходом я заехал на плиты и остановился. Санек проделал то же самое с моими подсказками и остановился рядом, сбоку. Ну вот, не в грязи стоять. Удобное место. Вскоре к нам присоединился Паштет со своими тумбочками.

— Жрать охота, — заглушив свою машину и прыгнув в грязь, сказал Паштет.

— Надо перекусить, — добавил я. — Доставай, у кого что есть, и пойдем под крышу, вернее то, что от нее осталось.

Перед движением из Владикавказа нам выдали сухпак. Неизвестно, когда будет горячая еда. По пути сюда, на одной из остановок я уже перекусывал, но оставалось еще полбуханки хлеба, банка тушенки и банка сметки в томате. Также еще с Пыталова в машине были припрятаны печенье и минеральная вода. Про печенье я никому не сказал, и доставать его на общий стол даже в мыслях не было. Банку тушенки тоже оставил в машине, хотя про тушенку я рассказал, что оставил на завтрак.

Внутри кошары были обгорелые доски и бревна, повсюду обломки бетонных блоков и кирпичей, на одном крупном куске бетонного блока мы накрыли стол.

— Может, прогуляемся по ядру? — предложил Паштет, потягиваясь после вкусного ужина.

— Ты что, придурок? Тебя никто не знает, повсюду посты, наряды, часовые. Хочешь пулю в лоб? — отреагировал Санек.

— А как другие ходят? В темноте не видно, свой ты или нет, — поинтересовался Паштет.

— Пароль какой-то есть, — сказал я, закуривая сигарету. — Мы пока не в курсе, завтра по светлomu все разузнаем.

— Хорошо, — сказал Паштет. — Что-то холодно.

— Прохладно ночью будет, но воду из радиаторов сливать нельзя, где потом воды набрать, — сказал Саня.

— Да мы десять раз машины заведем, по-другому не согреться будет, — ответил я.

Если кто-то интересуется, откуда столько бензина, чтобы постоянно работала машина для обогрева кабины, я отвечу. Это сейчас с бензином проблема, а тогда топлива было хоть жопой ешь. У нас были постоянно заполнены два бака, а это более двухсот литров. Как только заканчивался бензин в одном баке, то переключали на второй и при первом удобном случае заправляли пустой. С колонной двигался бензовоз, который также пополнялся в определенных точках. Где именно, до этого мне дела не было.

Я знал одно — если мне надо, я подъезжал и заправлялся, и никто не интересовался, где я столько мог сжечь. Да и на обогрев кабины расход был небольшой. Более того, вся округа, все более-менее крупные станицы, которые находились рядом с нами, пользовались нашим топливом. Хватало всем — и нам, и врагам.

Да, именно враги. Я понимал, что это своего рода гражданская война. Я понимал недовольство чеченцев. На их вопрос, зачем мы пришли на их землю, у меня ответа не было. С другой стороны, это такая же земля, как и моя, здесь везде Россия. Но если они стреляют по нам, по мне, берут в плен, отрезают головы нашим солдатам, то они враги, и я так же буду стрелять и убивать своих врагов. А еще мне в то время было всего 19 лет, и я был солдатом срочной службы, приказали — сделал.

Становилось все холодней. Тучи ненадолго отошли, и на небе появились звезды. Такого количества звезд я никогда не видел. Они были разных размеров, были просто огромные и, казалось, нависли совсем близко от земли.

Я забрался в машину к Саньку, он завел двигатель, через несколько минут в кабине задул теплый воздух. Кабина в ГАЗ-66 небольшая и поэтому нагревалась быстро. Паштету не сиделось, он решил обследовать две кошары и заодно сходить по-большому в туалет.

— Что слушать будем? — спросил Саня, у него был точно такой же магнитофон.

— «Сектор Газа» ставь, по приколу песенки, — ответил я.

Саня вставил кассету в магнитофон. Когда он нажал на кнопку «Пуск», одновременно с этим недалеко от нас прозвучал одиночный выстрел. Мы подпрыгнули на своих местах. В первые секунды показалось, что Саня, нажав на кнопку «Пуск», чуть ли не произвел запуск ракеты «Земля-Воздух». Осознали, что это выстрел из автомата АКС. В голове появилась новая мысль: «Паштет что-то

учудил». Мы выскочили из кабины, бряцая своими автоматами. На все, от нажатия кнопки «Пуск» до входа в кошару, нам понадобилось три секунды. Реакция отменная. Мы быстрыми перебежками пробирались через полуразрушенную бывшую овцеферму на другой конец. Слышны были громкие голоса, я расслышал команду «лежать». Чужие. Голос не принадлежал Паштету. Я немного вспотел, стало жарко, но это точно не от того, что мы несколько минут в кабине в тепле просидели. От страха все сжалось, казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди. Крепче сжав в руках автомат и уже медленнее, стараясь не зацепиться об обломки бетона и кирпичей, мы пробирались вперед. Саня бежал за мной. Впереди виднелся выход, мы перешли на шаг.

— Стоять! — непонятно откуда раздался голос. — Оружие на землю.

Мы остановились, не опуская автоматы, всматривались в темноту. Голос раздавался где-то правее выхода. Никого не было видно.

— Оружие на землю! — орал незнакомый голос.

Автоматы мы положили на землю только после очередного выстрела со стороны голоса. Это инстинкт выживания сработал. Мы его не видим, а он прекрасно смотрит из-за угла на нас, так что ничего другого не оставалось. Задница не железная, хотя выстрелы были в воздух.

— Руки за голову, выходим, на колени, — раздался другой голос.

Мы медленно вышли из кошары, держа руки за головой.

— На колени.

Мы подчинились. Плюхнулись в грязь. Рядом в грязи лежал Паштет. На нас смотрели дула трех автоматов. Три солдата в касках и бронежилетах, с автоматами в руках стояли перед нами. Разглядеть, в каком кто звании, было невозможно. Но один, который больше всех орал

и впоследствии задавал вопросы, явно был старше всех. Большие, густые усы переливались в свете звезд и луны. У другого солдата из-за спины виднелась антенна рации, он кому-то докладывал, что все в порядке и повода для беспокойства нет.

— Кто такие? Почему не знаете пароля? — произнес усатый грубым голосом.

— Мы только что прибыли, — начал я. — Смена.

— Не знаем мы никакого пароля, — продолжил Саня, — нам никто ничего не говорил о пароле.

Паштет молчал, лежал неподвижно. По рации они узнали, кто такие мы и что здесь делаем. Удивительно, но или из-за неразберихи, или из-за распи*яйства, или из-за неграмотных командиров наряд про нас не знал. А если бы кто из нас запаниковал и открыл огонь?

— Понятно, — уже более мягко сказали усы. — Бардак. В связи с вашим прибытием сейчас усиленная охрана ядра. И местные боевики знают, могут быть разные провокации. Поднимайтесь.

Мы поднялись, попытались отряхнуться от грязи — бесполезно. Ноги мокрые, руки тряслись. Паштет весь мокрый, даже лицо было в грязи.

— Пароль сегодня 4, — сказал незнакомец. — Чтоб знали, если другой патруль спросит.

— Как понять 4? — наконец пришел в себя Паштет. — Вы мне кричали цифру 2.

— Мы любую цифру до 4 могли спросить, а в ответ ты должен ответить другой цифрой, чтоб в итоге получилось 4. Понятно?

— Это если спрашивают один, мы отвечаем три, если спросят два, то мы тоже два и так далее? — уточнил Саня.

— Именно так, — ответили усы.

— Понятно, — сказала я.

— Ладно, извините за грубость, но это необходимо, перестраховаться всегда надо. А вот почему нам не успели

доложить, что здесь вы? — главный смачно плюнул на землю. — Ну, хорошо, потом разберемся, — напоследок сказали усы, и наряд ушел в темноту.

Мы подобрали свои автоматы и, опустив головы, побрели к машинам. Паштет шел позади, широко расставляя ноги и не сгибая колен. Было впечатление, что обделался. На самом деле он испытывал неудобство из-за мокрой одежды.

— Ну что, Паштет, сходил по-большому? — не выдержал и первый заговорил я.

— Обосрался, придурок, — высказался Саня.

— Кто знал. Ну, меня бы не встретили, к машинам подошли бы, — отбивался от словесных нападков Паштет.

— Увидев машины, они бы по рации пробили, а встретив одного идиота, что угодно можно подумать, — выпалил я. — Бля, Паштет, ты как ходишь по-большому, всегда проблемы.

— Ты хоть успел сходить? — спросил Саня.

— Не успел, да уже и расхотел, — ответил он.

Всех немного отпустило, обстановка разрядилась. Глядя на Паштета, нельзя не засмеяться. Мы с Саньком расхохотались, улыбнулся и он, в темноте блеснув своими зубами.

— Надо теперь сушиться, — констатировал Саня.

— Нам-то проще, сапоги долой и портянки на печку, мигом высохнут, а вот ему, — кивнул я на Паштета.

— Подменка у тебя есть, пока переодеться на время? — спросил у Паштета Саня.

— Есть, просушу до утра, а там все равно в стирку, — ответил он.

У всех водителей была сменная одежда, роба, подменка. Выдана на случай ремонта техники, чтоб переодеться и не пачкать камуфляж. Она была песочного, однотонного цвета.

Мы вернулись к своим шишигам (так называли автомобили ГАЗ-66). Музыка никто уже слушать не хотел, все расселись по своим машинам и дружно завели двигатели. Трясло,

то ли от пережитого, то ли от холода. Надо прогреть хорошенько машину, повесить сушить вещи и ложиться спать. Усталость за целый день давала о себе знать. Для отдыха водителя ГАЗ-66 комплектовался съёмной подвесной брезентовой койкой, по существу гамаком, который подвешивался на четырёх крючках в кабине. Машина наполнилась теплом, я снял сапоги, развесил портянки. Коленки почти высохли, и я решил больше ничего не снимать с себя.

Я натянул гамак и почти забрался в него. Или оттого что машина долго стояла и швы в районе крючков пришли в негодность, или от заводского брака, но сначала один, через две секунды второй крючок оторвались. Я крутанулся на гамаке и с размаху рухнул вниз. Не знаю, что было громче — треск отрывающихся крючков и шум падения моего тела или мой надрывный стон от боли. Но Саня прибежал поинтересоваться, что случилось. Со злостью сорвав два оставшихся крючка, я сложил кусок брезента, служившего когда-то гамаком, и сунул его под сиденье. Что-то не совсем хорошо начинается служба здесь, подумал я, уселся удобней на водительском сиденье, включил тихонько магнитофон и закрыл глаза.

2

— Подъем, — барабанил в дверь Ряба.

От неожиданности я вскрикнул в ответ, открыв глаза и осознавая, что происходит. Ночь была холодная, много раз приходилось прогревать кабину машины, поэтому спал плохо, крепко заснул только под утро, а этот debil орет как резаный. Кроме всего, я вскакивал от каких-то отдаленных выстрелов. Я понимал, что стреляли где-то далеко, но все равно было не по себе осознавать, что идет перестрелка, хоть и в десятке километров от нас. А может и в пяти, кто его знает. В горах гул далеко слышен, не определишь.

— Что орешь, нормально разбудить нельзя? — недовольно, глядя на его улыбающуюся физиономию, в ответ крикнул я.

— Через полчаса построение, вон там около штаба, видишь где антенна длинная торчит из блиндажа, — показывая рукой в сторону антенны, продолжал улыбаться Ряба. — Всем быть в полном снаряжении, в касках и бронежилетах.

— Понятно, — выдавил я.

Тело все затекло, одну ногу вообще не чувствовал. Поудобней сядясь, я начал растирать ногу, пока не появились колики. Посидев минутку, я открыл дверь и спрыгнул вниз. Ряба уже разбудил других. Паштет и Саня по очереди вылезли из машины. Ряба, крикнув «увидимся», убежал. Глядя на Паштета, на его робу, сразу в подробностях вспомнил вчерашний день. Даже неудобно как-то, неловкая ситуация произошла вчера. Но ни сегодня, ни завтра, вообще никогда и никто эту историю никому не рассказывал.

Приведя себя в порядок, надев каски и бронники, мы пошли к тому месту, куда указал Ряба. Дорога виляла, шли мимо разрушенных до основания построек, где-то торчал только один фундамент, вокруг множество разбитого красного кирпича. Дорога пересекалась с несколькими такими же дорогами, по бокам дорог были тропинки. Сами дороги представляли собой грязевую мешанку. Проезжающие машины плыли по грязи, как корабли, приходилось отпрыгивать в сторону, чтоб не окатили грязью. Тропинки были проходимые, в большинстве устелены осколками бетона и кирпича. Вдоль тропинок на тонких столбиках висели провода. В одном полуразрушенном здании стояли мощные генераторы, которые вырабатывали электроэнергию. Вокруг виднелись палатки, в которых жили солдаты. Для офицеров были вырыты, укреплены и замаскированы землянки. Над многими важными объектами, например капонирами, где находились бензовозы, машины связи и так

далее, были натянуты маскировочные сетки черно-серо-белого цвета. Летом, когда все вокруг стало зеленое, мы эти сетки заменили сетками камуфляжного зеленого цвета. Даже автопарк на десять машин, где в будущем и я буду ставить свою машину, был частично замаскирован сеткой. Одним из самых важных объектов, над которым была натянута такая маскировочная сетка, была полевая кухня, столовая. Сама столовая — это два длинных, грубо обструганных деревянных стола, с такими же скамейками.

Само ядро было площадью гектаров 150. В основном это была равнина с небольшими холмиками. Раньше здесь был кирпичный завод, но теперь от него остались кое-где стены, кое-где разрушенные постройки, а в основном — фундамент. Вокруг завода, который занимал небольшую площадь, были поля. Со стороны Чечни вверх уходили горы, со стороны Ингушетии — низина, внизу которой протекала горная речка Асса.

Само ядро было неплохо защищено, по кругу были окопы с блиндажами, где круглосуточно несли свою службу солдаты. На определенном расстоянии друг от друга, на важных участках в вырытых котлованах, стояли замаскированные бронетранспортеры — те, которые по разным причинам были не на ходу, но выполняли функцию пулеметных расчетов и могли помочь огнем из крупнокалиберного пулемета Владимирова танкового (КПВТ). Кроме нас, здесь несли службу минометчики и три расчета на зенитные установки (ЗУ 23-2). По всему горному хребту, со стороны Чечни, была вторая линия обороны, первый и второй пункты боевого охранения (ПБО). Находились они в двух километрах друг от друга. Между ними — линия окопов с отдельными гнездами для пулеметных расчетов. Полностью первый взвод мотоманевренной группы дислоцировался на 1 ПБО, второй взвод, соответственно, на 2 ПБО. Третий взвод, наш взвод материального обеспечения и прикомандированные

к нам минометчики с зенитчиками находились в ядре, охраняли, несли свою нелегкую службу. Вот где мне придется семь месяцев находиться, жить в палатке, часто ночевать в окопе, прижимая к себе своего боевого друга — автомат АКС-76.

— Привет, привет, — пожимая руки, приветствовал я Соболя, затем повара Сизова, водителя БТРа Серегу Чуйко и других знакомых ребят. Со всех сторон подтягивались солдаты мотоманевренной группы и вставали в строй, в две шеренги.

— Слышали ночью стрельбу? — заговорил Паштет.

— Слышали, конечно, где-то со стороны Грозного, — пояснил Илья Соболев.

— Ты где стоишь? — спросил Афанасьев Саня у Соболя.

— Вон там, — показал он пальцем в сторону автопарка, — рядом с Рябой.

— Прохладно с утра, — размышлял я, — хочется в тепло и выспаться.

Я вспомнил воинскую часть в Пыталово, точнее сушилку, где так тепло и можно в свободное время поспать.

— Ну, не так, как на Псковщине, — сказал Саня, подняв ворот бушлата.

Закурили. Было пасмурно, но ни дождя, ни снега не было. Горы с одной стороны веяли прохладой, виделась их могучая сила, с другой стороны в них была красота и изящность. Весь этот пейзаж завораживал. Вечно можно смотреть на огонь, воду, а в этот момент захотелось добавить — и на горы.

— Так, выравнивались, — скомандовал наш командир лейтенант Миронов. — Майор идет.

Строй выравнился, шум стих, все усталились на командира ММГ майора Проскурина. Он вальяжно, качающейся походкой подошел на середину импровизированного плаца. Его красное, гладко выбритое, улыбающееся лицо выражало хорошее настроение.

— Бойцы, — начал командир. — Поздравляю вас с прибытием на место военной службы и началом выполнения миссии. Надеюсь, мы с честью выполним поставленные задачи. А задачи наши такие. С левой стороны — Чечня, где чинят беспредел бандитские формирования, боевики. Наши солдаты успешно дают им отпор и проводят зачистки. Многие банды распадаются на мелкие группировки и некоторые пытаются покинуть Чечню. Большинство пытаются проникнуть в Ингушетию, и самое для этого удобное место здесь. Для того чтобы не позволить им пересечь Чечню, есть мы. Наша задача не допустить перехода бандитов административной Чечено-Ингушской границы. Все боевики должны быть уничтожены, а в лучшем случае — захвачены в плен. С правой стороны Ингушетия, — майор слегка повернулся вправо, подняв правую руку. — С ней мы не воюем, поэтому в эту сторону стрелять запрещено. Ну и последнее, круглосуточное дежурство на блокпосту, который находится на Грозненской дороге. Проверка не только документов у всех, кто проходит или проезжает пост, но и осмотр транспортных средств. Полная конфискация огнестрельного оружия и взрывоопасных веществ. Непосредственно перед дежурством будет проведен дополнительный подробный инструктаж. Всем командирам взводов для дальнейших указаний через 10 минут собраться в штабе, остальным разойтись, — командир отдал честь, развернулся и такой же несолдатской походкой пошел в свою землянку.

— Пока всем на завтрак и по своим местам, —скомандовал лейтенант. — После совещания всем собраться. Рябов, сегодня за дежурного, быть рядом со штабом, чтоб, как я выйду, по моей команде собрал взвод. Всем все понятно?

— Так точно, — ответили мы хором и стали расходиться кто куда.

— Надо идти за котелками, — сказал Паштет, глядя, как большинство солдат направились в столовую.

— Пойдем, все равно очередь сейчас большая, пока ходим, рассосется, — вставил я.

— Ну и грязи кругом, — буркнул Саня, и мы втроем пошли к своим машинам.

3

В столовой почти никого не было. Большинство солдат, взяв свой завтрак — рисовую кашу, разбрелись по палаткам. Мы втроем подсели к группе контрактников, их было четыре человека. Как выяснилось, боевой расчет на зенитную установку. Они уже больше года находились здесь.

— Приятного аппетита, — пожелал всем Санек.

— Приятного, — ответил старший сержант.

Он явно был метра под два ростом, крепкого телосложения, лицо суровое. Видно, что не первый год служит на Кавказе и повидал многое. На груди его красовался орден Мужества — знак первой чеченской войны.

— Мужики, вы давно здесь? — начал Паштет. — Расскажите, как здесь? Часто стреляют? Ночью слышали выстрелы.

— Привыкнете, это поначалу страшно и тяжело, а стреляют практически каждый день. Идут бои в районе Ачхой-Мартана, Самашки. Грозный постоянно горит, — показывая рукой в сторону Грозного, сказал старший сержант. — До Грозного напрямую 30 километров.

— А здесь как, спокойно? — вмешался я.

— И нас часто обстреливают, — заговорил другой солдат контрактной службы, ефрейтор. — Большинство вон оттуда, со стороны Ассеновского и Бамута. Бамут через горный хребет в трех километрах от нас. Они в темное время суток поближе подходят и начинают палить из автоматов и пулеметов. Ну и мы в ответку.

— Откуда прилетит, не узнаешь, — улыбнулся старший сержант. — Могут и с других аулов пострелять. Вон рядом вокруг нас небольшие аулы, деревни по-нашему — Шалажи, Мар-Усой, Алхи-Салан и другие. Из любой кошары могут обстрелять, здесь надо быть начеку всегда. Кстати, меня Саня зовут, Александр Соловьев, кличка Горыныч, а это Кеха, там Леха и Стас.

— Горыныч у нас старший, с первых дней войны воюет, много где был, и в Грозном был, и в Гудермесе, и в Аргуне повоевал, — объяснил нам ефрейтор Кеха.

— Очень приятно, — ответил я, протягивая руку. — Алексей Тихомиров, погоняло Тихий. Это Саня Афанасьев, кличка Афоня, а это Паштет — Пашка Кулагин.

— Ну и жути вы нагнали, — сказал Саня.

— Не сыте, повоеюем. Зимой спокойно, им близко не подойти, издалека обстреливают. А вот весной, когда зеленка появится, травка высокая, на деревьях и кустиках листочки, вот тогда жопа, — продолжал Горыныч. — Близко могут незамеченными подойти. Еще могут снайперы работать, от них никуда не спрятаться.

— Да и со стороны Ингушетии не думайте, что все спокойно, — вставил свое слово боец по имени Стас. — Ингуши и чеченцы один народ, и также нас ненавидят. Они днем мирные жители, улыбаются тебе, а ночью достают автомат и воюют с нами.

— Ну и дела. Куда мы приехали? — отхлебнув из кружки чай, задумчиво проговорил я.

— А вы убивали духов? — спросил Паштет.

Духами называли боевиков, также иногда чехами,

— Лично я не видел, — ответил Кеха. — Горынычу приходилось, а так идет огонь по нам из зеленки, и мы по ним из всех орудий. После боя, обычно с утра, разведка пойдет прочесывать местность, обнаруживает их места, откуда палили. Крови иногда много повсюду, но они и раненых,

и убитых с собой забирают. Ну чтобы не опознали, кто это. Могут быть местные.

— Ладно, мужики, удачи вам, — поднимаясь из-за стола и давая понять, что разговор окончен, сказал Горыныч.

— Спасибо, и вам удачи, — сказал я.

Солдаты удалились. Мы сидели молча, переваривая полученную информацию. Посмотрел в свой котелок — он был полон, я даже не попробовал рис. Аппетит пропал, хотя до этого голод давал о себе знать. Сделав очередной глоток чая, обнаружил, что никто также не притронулся к каше. Мимо проходил Костя-повар.

— Добавки не надо? Каши много осталось, — остановившись в двух шагах от нас, спросил он.

Мы переглянулись. Он что, издевается? Не видит, что у нас полные котелки. Ничего не ответив, Паштет почерпнул ложкой приличную порцию каши, повернул ложку в сторону повара, пальцами левой руки оттянул ложку вниз и как из катапульти все содержимое пульнул в сторону Кости. Каша была средней вязкости, и после точного попадания между глаз она там большим пятном и осталась. Пауза. Дикий гогот с нашей стороны. Костя, выругавшись, попытался стереть кашу, но по факту только размазал ее по лицу, оставив на щеке следы, такие же по форме, но другие по содержанию, как у Сильвестра Сталлоне в фильме «Рэмбо».

Я все же сунул в рот пару ложек рисовой пресной каши, остальное вывернул в бидон с надписью «Для отходов». Саня сделал то же самое. Паштет умудрился за пять секунд доесть то, что у него осталось в котелке после нападения на повара.

4

— Итак, все собрались? — спросил лейтенант у Рыбы.

— Так точно, — ответил он.

Весь взвод построился в автопарке. Лейтенант Миронов, прохаживаясь перед строем туда-сюда, явно думал, с чего

начать. Лицо покраснелось. Похоже, в землянке, где проводилось совещание, было душно. Я заметил, да не только я, многие заметили, что на погонах бушлата не было звездочек лейтенанта, и на шапке отсутствовала офицерская кокарда. Вместо них были дырочки и отпечатанный след, напоминающий их присутствие в прошлом. Зная, что иногда работает снайпер и работает, в основном, по офицерам, можно было понять их предосторожность, погибать не хочется никому. Я не считаю это трусостью офицеров, которые сняли звезды с погон (были те, кто не снял). Я не трус, но поступил бы, наверное, так же. Прежде чем осуждать людей, всегда надо поставить себя на их место: что бы сделал ты, как бы поступил на их месте. Офицерская честь, их смелость не определяется наличием на погонах звездочек, что неоднократно проявлялось в настоящем бою. Наши офицеры — это гордость могучей страны, гордость России.

Кто-то сейчас скажет: я недавно говорил о них, что распиздяи и неграмотные. Да, я не отказываюсь от своих слов, есть и такие, но их мало и долго они не служат, карьера у них коротка. Еще можно списать на неопытность, многих офицеров кидали на амбразуру войны, только что выпустив из военных училищ. Ну и время было такое. Таких зарплат и привилегий, как в настоящее время, раньше не было. Они реально служили за идею, за Родину.

Что-то меня понесло не туда. Итак, вернемся в 1995 год.

— Значит, по порядку, — начал лейтенант. — Первое — мы должны помочь загрузиться ребятам, у кого закончилась здесь командировка. Чем быстрее они упакуются и уедут, тем быстрее мы оборудуем свой быт и не будем ночевать где придется, а наконец-то спать будем в кроватях. Вон там, видите две палатки и рядом две машины «Урал» и ГАЗ-66? Их надо погрузить, а уже на их месте оборудуем свое жилище.

— Хорошее место, укромное, — сказал Соболев, — а главное, недалеко от кухни.

— Товарищ прапорщик, — продолжил командир, не обращая внимания на юмор Ильи. — Вы подыщите хорошее место для вещевой палатки, главное, чтоб под нее во время дождя вода не натекала.

— Сделаем, — ответил прапорщик Малютин.

— Это понятно. Значит, спать придется опять в машинах, личный состав отбывающих уже сегодня уедут в Назрань, а с утра уедет вся груженная техника. Завтра мы устраиваемся сами. Второе — каждый день после ужина, в 18.30, построение около штаба, где сегодня было общее построение. Это касается всем, кто не в наряде и не на дежурстве. На вечернем построении я отчитаюсь майору, что день прошел без проблем. Надеюсь, так и будет. Нам скажут пароль на следующие сутки. Это будет цифра, предположительно, до шести, чтоб легче вам соображать ответ.

— Мы это уже знаем, — сказал с улыбкой Саня, глядя на Паштета. — Надо, чтоб в сумме была цифра, которую доведут на вечернем построении.

— Все правильно. Раз всем понятно, значит идем дальше, — лейтенант сделал паузу. — Третье — что касается нарядов, дежурств и наши охраняемые позиции. Раз в сутки, по очереди, по ядру заступает дежурная машина — выполнять разные распоряжения командиров, может, куда кому приспичит съездить. Но в основном это будет доставка воды, продуктов питания и боеприпасов по пунктам боевого охранения. Любая свободная машина может также привлекаться, если занята дежурная. По обстоятельству все. Также, приблизительно вон там, — лейтенант показал рукой на горный хребет между первым и вторым ПБО, ближе к первому, — место нашего основного поста. Мы с прапорщиком сегодня там побываем и определимся на месте точнее. И потом каждого по ходу смены ознакомим. Я или прапорщик будем сопровождать до места и на месте инструктировать. Также нас будут привлекать на другие посты, если потребуется усиление или другие солдаты будут

заняты. Еще мы должны обеспечить круглосуточное дежурство возле вещевого палатки, дежурство в ночное время возле палатки личного состава, чтоб обеспечивали безопасный сон. Вся техника после разгрузки должна стоять здесь, в автопарке. Места хватит всем, сами распределите. В автопарке также будет вестись круглосуточное дежурство, а то не только зеркала и колеса снимут. Мы сегодня с прапорщиком составим все графики дежурств на месяц. В палатке будет висеть, все будут видеть и знать, кто куда заступает на следующие сутки. Посуточное дежурство начинается с 20.00. После построения будет полтора часа для подготовки к наряду. Все ясно?

— Так точно, — ответили мы.

— Вроде ничего не забыл, — задумчиво произнес лейтенант. — Ладно, если что вспомню, доведу до каждого, а сейчас, если нет вопросов — на погрузку на помощь. Да, и на сегодня дежурная машина рядового Рябова. По местам. Разойтись.

Глава 2

23 декабря 1995 года

1

Гул груженых автомобилей заглушал все в ядре. Мы стояли вдоль дороги и провожали отслуживших здесь ребят. Завидовали, что они живыми и здоровыми едут домой, а нам еще здесь выживать, нам еще далеко до дома. И что будет с нами через полгода... да что там через полгода, через месяц... даже завтра неизвестно что будет. Все ли мы вернемся домой? Кому судьба вернуться, а кому нет. Весь погрузившись в собственные мысли, не заметил, как на глазах появились слезы. Вот и последняя машина, посигналив, проехала контрольно-пропускной пункт дислокации ММГ. Шлагбаум закрылся, они уехали, мы остались. Ну ничего, пройдет время — и нас будет провожать смена, и мы им будем сигналить, уезжая, и желать удачи в службе.

Ночью выпал снег, на лужицах появился тонкий лед, грязь загустела. Идти было трудно, сапоги вязли, и надо было приложить усилие, чтобы вытащить ногу из грязи. Перейти дорогу, по которой проехали техника, было невозможно. Чтобы дойти до нужной точки, приходилось петлять по тропинкам или искать другой путь, где не было грязи, где дорога была не так разбита. В общем, там где мы ставили палатки, грязи не было. Ставили на старое, уже подготовленное место. Весь участок, на который ставили палатки, был устелен цельным красным кирпичом. Наверное, разобрали что-то. Но на эти кирпичи со стороны сапогами натаскали столько грязи, что кирпичей практически видно не было. Сначала пытались сгрести с кирпичей лопатой грязь, но при установке палатки грязь на них появлялась вновь. Мы отказались от этой идеи и решили: поставим палатку, потом уберемся.

— Поддай мне эту палку. — Какую? — Вон ту. — Это не палка, а колышек. — Да хоть х*й, давай быстрее. — Держи этот конец. — Конец у тебя в штанах. — Натягивай здесь. — Пипец, другой возьми. — Долбоеб, здесь держи. — Иди ты нах*й.

Приблизительно такие разговоры на повышенных тонах раздавались при установке нашего жилища.

Палатка была большой, неудобной. Длина ее составляла десять метров, ширина шесть, высота по гребню три с половиной метра. Она имела четырехскатную крышу, вертикальные боковые стенки, два отдельных входа с тамбуром посередине торцовых стенок, по шесть окон на боковых стенках. Предусмотрены два места для установки печек для обогрева в холодное время года.

Вот и представьте, как такую ставить, не имея опыта, а имея дофига умных советчиков, после которых приходилось начинать все сначала. Палатка не новая, и инструкции не было. Но, если долго мучиться, что-то и получится. И к обеду она стояла на своем месте, а к ужину в ней стояли застеленные кровати, тумбочки, две печки-буржуйки, стол, на котором стоял телевизор с видеоплеером. Мое поколение помнит такие. Молодые, конечно, не представляют. Электричество до нас было проведено, нам оставалось провода завести в палатку.

В этот день я нигде не дежурил, поэтому после ужина, сняв грязные сапоги, в одежде плюхнулся на кровать. Раздеться означало замерзнуть. В палатке было холодно, от буржеек тепло доходило только в радиусе пары метров. Конечно, если на улице около нуля, то в палатке в среднем 10-12 градусов тепла. А если на улице минус? Думаю, объяснить не надо. Самые холодные места — около входа, углы палатки и боковые стенки с окнами. Иногда по утрам все они были покрыты инеем. Почему такие зверские условия? Очень просто, палатка старая, имелись дырки, а самое главное, в комплекте с такой палаткой должны быть:

наружный намет, внутренний намет, навесные стенки отепления и прибор для установки, собираемый из двусоставных центральных стоек с гребнем и деревянных боковых стоек. Навесные стенки отепления из байки используются в холодное время года и предотвращают продувание при сильных порывах ветра. Этого ничего не было. А зачем это надо? Мы же не люди, мы солдаты. Слышали мы только одно — терпите, ждите весны.

2

— Леха, вставай, завтрак принесли, — толкал меня Саня Афоня.

Мы договорились, что дежурный по палатке всем, кто не в наряде, приносит завтрак в палатку. Нас в палатке проживало шестнадцать человек. Некоторые, например как повар Сизый, только приходили ночевать, а с утра уходили по своим делам. Половина людей — в нарядах. Так что дежурному оставалось принести завтрак от шести до восьми порций. Столовая была рядом, и не составляло труда сделать пару ходок. Впоследствии мы разжились своим чайником, большой кастрюлей, и дежурный брал завтрак на всех в одну посуду. Мы рассаживались за столом и трапезничали из общего котла.

— Ага, сейчас, — ответил я.

Я был с головой закутан двумя одеялами, но даже через все это пробирался холод, или как мы называли — Синий. Когда было очень холодно, и мы сидели вокруг буржеек, чтобы согреться, всегда говорили: «Опять Синий пришел». Или если кто заходил в палатку, то чуть ли не хором все кричали: «Быстрее закрывай палатку, а то Синего запустишь». Печка-буржуйка могла нагреться докрасна, но стоило отойти от нее два-три метра, и тут тебя ждал Синий.

Я приложил усилие и выбрался из-под одеял, намотал портянки и засунул ноги в грязные сапоги. Первым делом

подошел к печке, закурил сигарету и пока курил, грелся. За столом сидели четыре человека. Я присоединился к ним, взял кусок белого хлеба и немного перекусил рисовой кашей. Я уже не помню, что еще, кроме риса, нам варили. Знаю точно, что запасы риса у нас были большие. Налил из чайника горячий чай. Чайник стоял на краю печки, на кирпиче, и шумел, почти закипал. Горячий чай приятно согревал пищевод, а от него и все тело. Сегодня мне после вечернего развода в наряд, на пост в горах. А пока я свободен, и мне приписывалось до обеда находиться в автопарке, непосредственно возле машины, на всякий случай. После обеда — подготовка к наряду, в нее входило чистка автомата и отдых, сон.

— Ну что, ночью все спокойно было? — спросил я Санька.

У него сегодня заканчивалось дежурство по палатке.

— Немного постреляли где-то далеко, а так все тихо, — ответил он, убирая стол после завтрака. — Ты сегодня в горы?

— Ага, в первую смену, — ответил ему.

Дежурство было таким: шесть часов в наряде, смена, шесть часов отдыхаешь, смена, шесть часов в наряде и опять смена. То есть в сутки двенадцать часов на посту.

Сняв с дужки кровати автомат, натянув бронежилет, я вышел на улицу. Зашел в туалет и закурил очередную сигарету. Туалет был обычный, дощатый, на дверце была прибита на проволоке табличка с надписями — на одной стороне «свободно», на другой «занято». Удобно, издали видно, сидит там кто или нет. И да, первое время даже в туалет мы ходили с автоматом и бронежилетом, через пару недель такой ерундой мы не страдали.

Выйдя из сортира, я не спеша побрел в автопарк. Сзади услышал рев, повернулся, на меня на приличной скорости летел БТР, пришлось подальше отпрыгнуть в сторону, чтобы не окатил грязью. Поравнявшись со мной, он

как вкопанный встал. Из люка торчала голова Сереги Чуйко. Он улыбался во все зубы, а они у него были очень белые, как будто искусственные. Не заметить такие зубы было невозможно, все голливудские актеры отдыхали. На БТРе сидел зампотех капитан Коробов и еще два солдата.

— Боец, ты свободен? — спросил капитан.

— Так точно, — ответил я, — мне вечером в наряд.

— Тогда прыгай на броню, прокатиться надо, — пытаюсь перекричать работающую технику, продолжал он.

— Мне надо доложить своему командиру? — в свою очередь спросил я.

Но в ответ я услышал, что командир он, а я тупой засранец, который ничего не понимает и повторять он не будет, а даст сразу в бубен.

Очень подозрительно зачесался нос, повторять мне не надо. Пару секунд — и я на броне. Если что, он знает, что мне вечером в наряд, а значит, далеко не поедем.

— Вперед, — постучав прикладом автомата по броне БТРа, приказал капитан.

БТР дернулся, я чуть не слетел вниз. За что-то я успел схватиться, даже не знаю, какой выступ помог мне остаться наверху. Через сто метров мы подобрали еще одного солдата. Перед тем как залезть на БТР, ему пришлось также услышать в свой адрес от капитана много информации о том, какой он придурок и урод.

Зная, что Серега не умеет плавно страгиваться с места, я вцепился что есть силы. Новенький еще этого не знал. Я смотрел на новенького, на его лицо. БТР дернулся, новенький исчез. Там, где только что было его лицо, появились ноги в сапогах. Он готов был сделать кувырок назад, вернее, он не готов был, но сделал бы. Я не дал совершить ему спортивный элемент, схватив за ногу. Другой солдат взял за бронежилет и рывком посадил на место. Теперь он держался крепче меня.

Наш бронетранспортер мчался вдоль горы. Немного обогнув ее, он полез вверх. Дорога вела по более пологому склону, но иногда были и крутые места. Холодный воздух пронизывал до костей. В голове были мысли, что холод — ерунда, главное, чтоб не обстреляли или не подорвались бы на mine. Минут пять быстрой езды (я понял, что Сергей Чуйко медленно ездить не умеет) — и мы подъехали к первому ПБО. Ура, благополучно добрались, не обстреляли. Капитан спрыгнул с техники, нам приказал ждать его здесь. Подбежал старший лейтенант, командир первого взвода, что-то доложил капитану, после чего они удалились в палатку.

— Кто научил тебя так ездить? — не выдержав, спросил новенький у Сергея. — Я задубел, пипец.

Все спрыгнули с БТРа и стали топтаться, приседать, бегать на месте, махать руками. Надо было согреться, на такой скорости в такую погоду — жуть. С утра был небольшой минус, сейчас около нуля. Хорошо, что дождя со снегом нет.

— Да уж, летаешь как шальной, — поддержал его другой боец.

— Сам научился, — сверкая своими зубами, ответил Серега.

— А если в поворот не впишешься? — уже вмешался и я.

— Я водила от Бога, — продолжал гнуть свою линию Чуйко. — Даже пуля не догонит. Все под контролем, не бздите.

— С другой стороны, никакой боевик нормально не прицелится из шайтан-трубы, — выразил свое мнение еще один сослуживец.

Шайтан-трубой мы называли ручной противотанковый гранатомет — РПГ-26, предназначенный для борьбы с танками, боевыми машинами пехоты, самоходными артиллерийскими установками и другими бронированными объектами противника.

— Нафига мы капитану нужны? Похватал первых встречных, — задал вопрос новенький.

— Вы в роли десанта, обязательно должны быть сопровождающие. Вдруг засада, растяжка. Кто отбивать капитана будет? — ответил Серега.

Мимо шли два солдата, и всё внимание переключилось на них.

— Привет, бойцы, — сказал Чуйко. — Как вы тут?

— Здорово, — ответил один. — Норм всё, держим оборону.

— Вы зачем сюда? Привезли нам что? — спросил второй.

— Капитана привезли, сейчас в палатке с вашим старлеем о чем-то трут.

— На то они и командиры, чтоб дела думать, — сказал первый. — Есть закурить?

Закурили все. Болтали о всякой ерунде, ни о чем. Минут через сорок из палатки появился сначала капитан, за ним старший лейтенант. Они вместе пошли в сторону окопов.

— Пошли осматривать передовую, — пошутил местный боец. — Как мы здесь закрепились. Ладно, давайте, пойдём мы.

— Удачи, — пожелал я.

— По местам, — скомандовал капитан Коробов, вернувшись через час. — Едем на второе ПБО, — уже обращаясь к Чуйко, сказал он.

Только немного согрелись, как опять ледяной воздух обжигал участки незащищенных мест на теле, руки и лицо. Сжал зубы, закрыл глаза, теперь мысли были совершенно другие. Думалось только одно — не замерзнуть бы, а то заболешь. На втором пункте боевого охранения капитан проделал точно такие же манипуляции. Также поговорил с командиром второго взвода, также осмотрел все позиции, дал какие-то распоряжения. К обеду мы приехали в ядро.

Я шел за своим командиром, лейтенантом Мироновым, сегодня мой первый наряд в горах. За мной шел напарник, рядовой Сергей Захаров, водитель автомобиля ГАЗ-66.

Из-за его высокого роста и худого телосложения его прозвали Лом. В наряды на периметр или где была повышенная опасность, по одному не ходили, по одному дежурили только в центре — ядре. Шли, а точнее, забирались в горы по довольно широкой тропе, под ногами шуршали камни, скатываясь вниз. Кое-где росли короткоствольные кривые деревья неизвестного мне вида. Какие-то колючие кустарники цеплялись за камуфляж. Все молчали. Говорить пока было не о чем, да и бронезилет и другое военное снаряжение (на мне висела вдобавок рация) убавляли немало сил. Зато было не холодно.

— Стоять, три, — потребовав ответить на пароль, крикнули солдаты, которых мы должны сменить.

— Два, — ответил лейтенант, — смена пришла.

— Отлично, а то замерзли здесь, — выходя из кустов, сказал один боец.

Обойдя куст, из которого вышел он, подошли к окопу. Из окопа выпрыгнул второй, повесив автомат за плечо.

— Все спокойно? — спросил командир.

— Так точно, все спокойно, — ответил первый.

— Хорошо. Тихомиров, Захаров, ваша позиция здесь, — лейтенант прыгнул в окоп, мы последовали за ним.

— Вот ориентир, — он показал пальцем вдаль. — Наблюдайте и в эту сторону. Вообще диапазон вот отсюда и вот досюда. Это понятно?

— Понятно, — ответил я.

— Так точно, — ответил Сергей.

— Рацию включить. Ваш позывной номер пять. Ядро первый, слева в ста метрах пост третий, справа шестой. Каждый час выходить в эфир и докладывать обстановку. Все просто и понятно: если обнаружили что-то подозрительное, немедленно сообщить в ядро и соседям, дальше действовать по обстоятельствам и распоряжениям из ядра. Если, не дай Бог, — лейтенант плюнул через левое плечо и постучал себе по голове, — если заметите боевиков или

подвергнетесь обстрелу, сразу пустить из ракетницы красную ракету.

— Да знаем мы все, товарищ лейтенант, — сказал Сергей. — Если показалось, что духи, но ракету красную выпустил, то немедленно сигналить отбой, выпустив белую ракету.

— Повторить всегда нелишне, — добавил Миронов. — И последнее, без приказа пост не покидать, хоть тысяча боевиков на вас попрут. Держать оборону до подхода наших. Если они прорвутся, то ядру не устоять.

Лейтенант с солдатами ушли, мы расположились в окопе. Я положил рацию, вытащил прибор ночного видения, поставил рядом автомат, уселся удобней. Предстояло шесть часов торчать здесь на холоде. Сергей устроился рядом.

— Как думаешь, могут здесь духи пойти? — спросил он у меня.

— Не знаю, не верится, что пойдут, — ответил я.

— А если теоретически подумать, из Бамута наши выбьют, до нас всего три километра, им сюда легче двинуть, в Ингушетию.

— Ну, если теоретически, то да, может, — соглашался я.

Откуда мне знать, откуда хоть кому-то знать, полезут здесь или нет. Главное, если полезут — не проспать.

Это не игры в солдатиков, и не наряд в Пыталовской части, где на посту можно поспать, здесь надо смотреть в оба. Стемнело. Периодически, по очереди, смотрим в прибор, напрягаем слух. Вот скажу вам так, чем больше всматриваешься, тем больше чудятся какие-то тени, чем больше прислушиваешься, тем больше шорохов ты слышишь, это сводит с ума. Когда ты осознаешь всю ответственность, когда понимаешь, что вокруг стреляют, что вокруг идет война, ты находишься на посту весь в напряжении. Я помню этот первый наряд, камушек зашумел, сижу неподвижно пять минут, весь превратившись в слух. В стороне Ассеновского

прозвучал выстрел, в ответ — автоматная очередь. Я вглядываюсь пять минут в ту сторону. За первые шесть часов покурил один только раз, и то, чтобы незаметно было уголька сигареты, я чуть ли не лег в окоп и прикрывал окурки со всех сторон.

— Сколько там времени? Когда смена? — интересовался Захаров.

— Полчаса до смены, — шепотом ответил я.

— Холодно как. Я в следующую смену второй бушлат возьму. Хочешь анекдот? Вчера рассказали в столовой.

— Давай, а то уже глаза болят смотреть в эту трубу.

— Ну, значит, отец говорит сыну: — Ешь кашу, а то писюн расти не будет... Бахх, подзатыльник от жены. Муж: — Мне то за что? — Жена: — Почему в детстве кашу не ел?

Засмеялись вдвоем. Последние полчаса смотрели в звездное небо, в очередной раз благодаря Всевышнего, что нету дождя. Смену привел прапорщик Малютин. Объяснив ребятам все то же самое, что объяснял лейтенант нам, мы удалились, пожелав им удачи. На часах была полночь, надо поспать немного, через шесть часов вновь сюда.

4

В 14 часов дня я был свободен от наряда. Воскресенье — банно-прачечный день. Сегодня был день нашего взвода, баня в нашем распоряжении. Была в ядре и баня, точнее одно название. Сделана своими руками. Снаружи выглядела так: задняя стенка из рубленой древесины, сухая и наполовину обгорелая, местами головешки, а не бревна. Когда то была постройкой, сараем или хлевом каким. Этот хлев, скорей всего, сгорел. Кое-что не догорело и вот это кое-что было стенкой бани. Боковые и лицевая стены — из красного кирпича. Этого добра здесь полно, не одни развалины можно разбирать на кирпичи. Кирпичи колотые, кладка неровная. Присутствовали в кладке и обломки бетона,

часть стены была обмазана глиной. До стен лучше не дотрагиваться, они шатались, если рукой надавливать. Крышей служили листы толстого железа, неплотно прилегающие к стенкам. Между стенками и листами железа шел дым, когда топилась печь, ведь трубы не было. Дверь была из досок, между которыми тоже были щели. Сама постройка была размерами два метра шириной и четырьмя длиной. Представляете, что внутри? Нет? Но тогда я расскажу.

Как заходишь, была раздевалка, стояли ящики из-под снарядов, на них сидели и клали одежду. Далее — мойка. Предбанник и мойка были разделены стеной из кирпича и дверью из досок. Мойка и парилка были одним целым, в углу — самодельная печь. Явно, кто ее делал, ничего не знал про печное дело. Сложена напрямую, но котел в нее был вставлен настоящий. Респект, кто его добыл. Вокруг котла наложены камни разных размеров. Сама печка и стенки рядом с печкой были заштукатурены толстым слоем глины. Пол в бане, как вы уже догадались, был из кирпича и крупных кусков бетона. Естественно, сажка была везде, ведь баня топится по-черному. Здесь, главное, задача одна — надо умудриться, помывшись, выйти не грязней, чем ты заходил мыться.

Очередь была расписана на весь день. Записываться надо было у прапорщика. Я записался на 20.30. Во-первых, Саня просил занять, а он — дежурный на машине до 20.00. Во-вторых, раньше не было мест. В баню ходили по двое, часто протапливали между посещениями, а это ждать, пока полностью прогорит и выйдет дым. В 19.30 я подкинул дровишек в печку, хотелось пожарче. Не попариться, а хоть посидеть погреться, в наряде промерзли до костей.

В 20.30 мы зашли в баню. Сразу гарью ударило в нос.

— Мы здесь не угорим? — недоверчиво спросил Санек.

— Не должны, дрова сторели, если подождем, то и жар весь уйдет, — ответил я. — Здесь всегда гарью воняет.

Разделись, зашли, в бане сильней пахло. Но несмотря на это, мы сели на ящики около печки. Я взял ковш, черпнул полковника горячей воды и плюхнул на камни. Камни были хорошо накалены, жаром мгновенно наполнилась баня, но ненадолго. Я поддал еще. Класс! Пот приятно покатился по спине. Если бы не угар, то было бы просто супер. Поддал еще. Вместе с паром уходил и угар. Что еще надо в походных условиях! С потом стекала грязь, поэтому пот был коричневым. Давно в бане не были. Поддал еще, не жалея камни. Все уже помылись, мы последние.

Глава 3

31 декабря 1995 года

1

До Нового года оставалась пара часов, и все ждали этого часа. В предвкушении Ряба налил по полкружечки — типа надо, проводить старый год. Никто не отказался. Мысленно сочувствуя тем, кто был сейчас в наряде, мы, чокнувшись, выпили содержимое. Содержимым была водка. Водитель БТРа Серега Чуйко, наш вездесущий, был в сопровождении с командиром мотоманевренной группы. Тот ездил в Назрань в воинскую часть с какими-то делами. Мы знали, что ему надо сопровождать машину командира, и скинулись, что у кого было в загашнике. Повар Костя Сизов припас кое-какие деликатесы. В общем, праздник должен был состояться и, конечно, должно было быть весело. Работал телевизор, шла какая-то музыкальная программа. Все рябило, картинка была ужасной, трудно рассмотреть. Как мы ни пытались настроить самодельную антенну, но лучше сигнала не нашли, хотя звук был сносный. Да и вообще ловился только первый канал, да еще какое-то местное телевидение. Праздничный стол был накрыт. Мы закурили.

— Вот все думаю, что людям не хватает? Почему начинают воевать? — завел тему Руслан Рябов. — Вот чеченская война отчего?

— Из-за территории. Дудаев захотел провозгласить Чечню независимой Ичкерией, — умничал Саня. — Вот мы и проводим операцию по восстановлению конституционного порядка в Чечне.

— И не только. Вообще, войны начинаются не по одной причине, а при назревании комплекса причин, — решил тоже поумничать я. Как-никак, а я окончил второй курс Великолукского лесхоза-техникума. — Одна

из причин — это, как правило, конфликт между религиозными или политическими образованиями, который выливается в открытое вооруженное противостояние. Вторая, а может, главная причина — это ресурсы. Всех и всегда притягивали богатые земли. Еще порабощение более слабых государств сильными, навязывание своей воли.

— Я считаю, главное — деньги, — перебил Серега Чуйко. — Кто-то на этой войне здорово разжился, кому-то она выгодна.

— Это точно, есть уроды, которые богатеют на костях других, — заключил я.

Продолжать перечислять причины уже не имело смысла, так как все равно сбили с мысли.

Примерно такие разговоры были в тот вечер. Ну о чем еще говорить, не о бабах же. Выпили еще по маленькой. В палатке было вроде как тепло сегодня, сидели без бушлатов. Печки-буржуйки гудели, стенки печек красные. На кровати сидел Марат Мухамедов (кличка Чибис), перебирал аккорды на гитаре. Скоро Новый год.

— Погромче сделай, сейчас Ельцин выступать будет, — крикнул Паштет.

Ряба сделал погромче.

— Ну, наливай быстрее, — кричал Саня.

Ряба подбежал к столу и разлил по кружкам. Все встали, началась речь президента Российской Федерации.

31 декабря 1995 на улицах Грозного умирали наши солдаты, горели танки и БМП. В ту тяжелую новогоднюю ночь президент России Б. Н. Ельцин сказал народу России:

«Мои новогодние поздравления тем, кто в это время несет службу, обеспечивает безопасность граждан нашей страны. Охраняет ее рубежи, выполняет свой долг, может быть, рискуя своей жизнью. Даже в эту новогоднюю ночь. Вспомните, что вы служите России. Защищайте Россию и россиян. Не везде в нашей стране сегодня мир. И может быть, поэтому мы сейчас особо остро чувствуем его

ценность и значимость. Для меня нет более важной задачи в следующем году, чтобы восстановить мир и нормальную жизнь в Чеченской республике, Северной Осетии и Ингушетии. И тогда беженцы смогут вернуться к своим погасшим очагам. Не пожалеем усилий для этого».

— Козел, сам развязал эту войну, — отвлекал Паштет.

— Тише ты, дай дослушать, — проворчал Санек.

«В эту новогоднюю ночь особо хочу обратиться к россиянам, живущим за пределами России. в странах СНГ и Прибалтики. Дорогие соотечественники, мы помним о вас. Делаем и будем делать все возможное, чтобы защитить ваши законные права нашей тысячелетней истории нашей великой России».

— Если будет избираться на второй срок, х*й я буду за него голосовать, — продолжал Паштет.

— Заткнись, — не выдержал Ряба, строго взглянув на Паштета.

Даже мне было не по себе от этого взгляда.

Речь закончилась, куранты пробили свое.

— Урррраааа! — раздалось в палатке.

Звон кружек, крики «За нас!», «С новым годом!», «Ураааа!». Послушали стоя гимн.

На улице прозвучал выстрел, потом второй, где-то вдали послышалась автоматная очередь. Так наши Новый год празднуют. Мы высыпались из палатки, все небо озарилось разными цветами, в небо били автоматы, пулеметы, летели ракеты разного цвета, висели осветительные парашютики. На этот случай у нас тоже по магазину были заряжены патроны с трассирующими пулями — специальным боеприпасом к огнестрельному оружию, у которого поражающий элемент начинает светиться в полете снаряда и оставляет видимую траекторию для осуществления точной стрельбы. Мы от души разрядили по одному магазину. Весело. Вернувшись в палатку, мы продолжили

праздновать Новый год. Пили и закусывали, пели песни под гитару, слушали телек, гуляли до утра.

2

Спали до обеда, даже дежурный не пошел за завтраком. Вообще мало кто пришел на кухню за кашей. Сонный Костя-повар злился, что ему пришлось растапливать кухню и варить кашу. Хорошо еще додумался мало сварить, но все равно половину пришлось выкинуть. Сегодня мне заступать дежурной машиной. Свои обязанности, кроме непредвиденных, я знал. Вечером надо было подогнать цевешку к роднику, который был недалеко от кухни, и наполнить ее водой. Цевешкой называли прицеп — цистерну, расположенную на раме на одной оси, емкостью 1000 литров. С утра отвезти воду сначала на первый ПБО, потом вновь заполнить и отвезти на второй ПБО. Потом стоять рядом со штабом и исполнять любые поручения любого офицера. Они, в свою очередь, у дежурного штаба записывали в журнал, куда едут, зачем, во сколько и, предположительно, на сколько по времени. Если были накладки и дежурная машина уезжала по делам надолго, то ее подстраховывала свободная машина из тех, кто не в наряде.

После вечернего развода, узнав новый пароль, я не сразу отправился в автопарк. Куда спешить? Успею подогнать к роднику эту бочку. Пусть стемнеет, движение по ядру прекратится, будет более спокойная обстановка. Эта была моя ошибка. Когда я пытался задом подогнать цевешку к роднику, вспомнил плохим словом тех, кто снял у меня зеркала.

Родник был небольшим. Аккуратно горкой были сложены крупные плоские камни. Из середины горки торчал желоб, по которому текла холодная вода. Из самой верхушки родника выходил шланг диаметром пять-семь сантиметров. Из-за того что он был коротким, метров пять, у меня были проблемы.

Итак, мои попытки. Включив два моста, пониженную передачу, я медленно стал сдавать назад. Было темно. Это была моя ошибка. Надо было в светлое время поставить бочку под воду. Хотя над родником светила лампочка и ориентир был, но что там было под колесами — не видно. Без зеркал мне приходилось выворачивать голову в открытое окошко, что было неудобно. Машина прыгала, дергалась. Дорога была сильно разбита, из колеи было не вывернуть. Прицеп сложился далеко от родника. Я дал вперед, выравнивая прицеп-цистерну, вновь включил заднюю передачу. Рыча на пониженной скорости, машина сделала вторую попытку выбраться из колеи — тщетно. Это очень раздражало. Я с силой дергал рычаг переключения передач, включая то первую, то заднюю передачу и раскачивая машину. Но цевешка предательски складывалась, не доезжаю родника. Я то пытался проехать дальше вперед, то ближе, то подъехать с другой стороны — все бесполезно. На надрывные рычания машины прибежал дежурный по палатке. Выскакивал из землянки дежурный штаба — посмотреть, что происходит. Часа три я совершал безнадежные попытки. Но когда-то же это должно закончиться, и вот одна из попыток удалась. Цевешка сложилась не так далеко от родника. Спрыгнув из кабины в грязь, я схватил шланг и полез на бочку. Конец шланга еле доставал горловину бочки, но было приятно слышать, как вода с шумом ударяла о дно цевешки. Я проволокой привязал конец шланга к горловине. Закурил с радости, посидел на бочке, пока курил. Потом с хорошим настроением пошел в палатку. Напор воды не такой сильный. И чтоб ее полностью наполнить, надо минут сорок. Не сидеть же на холоде.

Через час я вышел из палатки, закурил и направился к бочке. Настроение исчезло сразу, когда я, подходя, увидел, что шланг валяется на земле, в грязи. Забравшись на цевешку, заглянул внутрь — бочка практически пустая. Как же так, как шланг соскочил? Теперь я не только

привязал проволокой, но еще на шланг сверху положил тяжелый булыжник. И никуда не пошел, мерз, но сидел и наблюдал, когда бочка заполнится полностью. После чего поставил машину с бочкой возле штаба на дороге в направлении первого ПБО.

3

Утром, перекусив кашей (конечно рисовой) вприкуску с белым хлебом, я надел бронежилет, взял автомат и направился к машине. Завел свою ласточку, закурил, давая движку прогреться. Прапорщик с поваром загрузили мне лоток белого хлеба и коробку с консервами. После чего я плавно стронулся и поехал вдоль горы по дороге, которая вскоре начала уходить вверх. В кабине постепенно стало тепло, играл магнитофон. По пути на крутых участках мне с первого раза не удавалось подняться, приходилось спускаться назад и с разгону вскарабкиваться.

Когда я подъехал на ПБО, к бочке с водой сразу выстроилась очередь солдат с 40-литровыми бидонами. Начали опустошать цевешку. Местный прапорщик с местным поваром забрали белый хлеб и консервы.

— Что нового в ядре? — поинтересовался прапорщик у меня.

— Да ничего нет. Видел, офицеры вчера из Назрани какие-то приехали, но это обычное дело. Часто приезжают, но ночевать остаются редко, — ответил я и добавил. — Наверное, продолжали Новый год отмечать.

— Скорей всего. Весело Новый год, конечно, прошел, — с грустинкой сказал прапорщик.

В самый разгар праздника, когда началась стрельба в воздух, то первое ПБО, под шумок, обстреляли неизвестно кто. Одного бойца ранило в ногу. Ранение легкое, но неприятный осадок остался.

— Да уж, воспользовались моментом, гады.

Бочку слили за полтора часа. Пора было ехать обратно, наполнить еще раз и на второе ПБО. При воспоминании, что снова могут быть проблемы с подъездом, меня всего перердернуло. Ну, может по светлому легче будет, успокаивал сам себя.

Подъезжая к роднику, увидел скопление солдат и офицеров. Я остановился невдалеке.

— Что происходит? — спросил я у первого попавшегося солдата.

— Капитана убили. Снайпер, — ответил он.

— Какого капитана? Как убили? — не понимая происходящего, я продолжал задавать вопросы.

— Не нашего, вчера из части приехал. Вот с фляжкой на родник пошел. Водички холодненькой захотел. Его снайпер и снял, — отвечал он.

И тут я увидел неподвижно лежавшего на спине офицера. Руки были раскиданы в разные стороны, одна нога неестественно подогнута под себя. Командирский бушлат расстегнут, на погонах были звездочки капитана. Может, эти звездочки — это основной сигнал для снайпера нажать на спусковой курок. За офицеров им много платят. Шапки не было, и его волосы трепал небольшой ветерок. Правая сторона лица в крови, рот был приоткрыт. Пуля попала над бровью. Сама бровь была вдавлена в черепную коробку, из-за чего глаз выдавило из глазного яблока. Была видна раздробленная кость. Скорей всего, сзади полчерепа снесло. Вокруг кровавая грязь. В метре от тела лежала фляжка, та самая фляжка, из-за которой погиб офицер. Только сейчас кто-то додумался накрыть его каким-то плащом. Наверное, это произошло совсем недавно, минут десять назад. А если бы капитан не подходил за водой, приехал бы я на родник. Или если бы на 15 минут раньше капитана я здесь оказался, снайпер мог бы меня застрелить. От таких мыслей стало не по себе. Стоял в горле комок, сердце стучало не на шутку.

— Кому сказал, разойтись! — кричал майор.

Стали расходиться. Я стоял на месте. Капитана положили на носилки и понесли в медицинскую палатку. Все разошлись, я больше ни о чем не мог думать. В голове — все мысли о капитане. Перед глазами стоял выпавший из глазницы глаз.

Даже не обратил внимания на то, что подъехал к роднику с первой попытки. Сунул шланг в бочку, хорошо закрепил и пошел в палатку.

— Не повезло капитану.

— Звезды на погонах подвели.

— Наверное, семья есть.

— Конечно есть, ему лет сорок, и дети, скорей всего, тоже есть.

— Жалко их, жалко капитана.

— Это война. Любой может оказаться на его месте. Он знал, на что идет и какой это риск.

Я лежал на кровати, прикрыв глаза. Разговоров теперь о происшествии на неделю. Мне не хотелось вступать в полемику. Вникать, кто что говорит, тоже не собирался. Хотелось быстрее отдежурить и лечь поспать подольше.

4

Вечером после ужина, когда я сдал дежурство, только снял сапоги и прямо в грязной одежде плюхнулся в грязную кровать. Белье давно не меняли, надо будет самому постирать, подумал я. Впрочем, зачем? На следующий же день она опять будет в грязи — мы же не раздеваемся. Капитан... Жалко его. Может, он своей смертью спас меня. С такими мыслями я заснул.

— К бою! — кричал Паштет. Он был дежурный по палатке. — Красная ракета!

Я вскочил как ошпаренный. Натянул сапоги, схватил автомат, накинул бронник, каску и выбежал из палатки. Темно. Понял, что сейчас всего десятый час вечера.

Поспал-то всего пару часов. Я побежал в направлении гор. Нам в таких случаях надо было занимать позицию в окопе в горах и вступать в бой, если обнаружил врагов. Если нет, то ждать указаний от командира.

Взмыла в небо еще одна красная ракета. Шел нештучный бой на первом ПБО. Звуки автоматов и пулеметов смешались, слышны были отдельные взрывы минометов. Пригнувшись, как мог, я через пять минут спрыгнул в окоп, сел, прижался спиной к стенке. Надо отдышаться. Началась пальба с разных сторон. Что-то страшно было даже высунуться. Рядом ко мне спрыгнул Лом, за ним Ряба, дальше еще кто-то, потом еще. С другой стороны Марат, дальше Санек. Ряба короткими очередями стрелял в темноту. Каждый третий патрон с трассирующей пулей. Марат тоже начал палить из автомата.

— Куда стреляешь, хоть видишь? — спросил я.

— Вижу, — ответил он. — Цели конкретно не вижу, но откуда по нам бьют, вижу.

Я медленно выглянул из окопа. Через ущелье с соседних гор трассера летели в направлении первого пункта боевого охранения. С ПБО трассера летели в обратную сторону. Я вскинул автомат и дал короткой очередью в сторону, откуда палили по ПБО. Боковым зрением я заметил, что с новой точки застрочил пулемет, от него трассирующие пули летели по нам. Я вновь сел прижимаясь к стенке окопа. Жопа. Наши ребята сразу переключились на новую, опасную для нас точку и залпом разрядили автоматы в том направлении. Вот и наш пулеметный расчет занял свою точку, раздался залп пулемета. Я посмотрел вверх, на звездное небо. О Боже, не дай погибнуть! Отполз на несколько метров вправо, высунулся и дал автоматную очередь по соседним горам. Наш пулемет, после короткой паузы для перезарядки, громкими выстрелами запел опять. Нажав на курок, Лом с криками «Получайте, гады» и «Говорила мама: учись на гинеколога — и руки в тепле, и деньги в карманах» разрядил полностью магазин.

Через десять минут боя все затихло. С той стороны перестали стрелять. С нашей кое-кто достреливал магазин короткими очередями, но вскоре тоже все затихло. Все сидели, укрывшись в окопе. Согнувшись, по окопу бежал лейтенант.

— Все живы? Раненые есть? — спрашивал на ходу командир.

— Живы, раненых нет, — отвечали бойцы, мимо которых он пробегал.

За ним бежал радист с рацией и что-то докладывал, скорей всего, в ядро.

— Не высовываемся, ждем, — продолжал лейтенант. — Что с боеприпасами? Есть еще?

— Маловато будет, товарищ лейтенант, — жаловался Ряба.

— Сейчас будут патроны, уже на подходе.

Как можно расстрелять почти все, что у тебя есть, за десять минут боя? У каждого с собой шесть спаренных магазинов. В каждом рожке по тридцать патронов. Ну, можно конечно, учитывая, что тридцать пуль вылетает за три секунды. Но вопрос: зачем? Зачем лупить длинными очередями? Точности все равно ноль. Час просидели — тишина, второй — тишина, так просидели четыре часа. Периодически в небо с нашей стороны взлетали осветительные ракеты, подвешивались парашютики.

— Сегодня наряд усиленный, — наконец появившись, сказал лейтенант. — Кто сегодня только с наряда, поднимите руку.

Я поднял руку.

— Кто должен заступать в наряд завтра?

Руки подняли несколько бойцов.

— Понятно, значит, здесь на усиление остаются Рябов и Мухамедов. Остальные по одному за мной.

Мы по одному стали вылезать из окопа и вереницей проследовали за лейтенантом до ядра.

— Сон перебили, теперь не заснешь, — сказал я, сидя на своей кровати и закуривая сигарету.

— Ну, как там было? — любопытствовал Паштет.

— Вдоволь постреляли, — улыбался Санек.

— Везет же! А я в наряде, черт побери. Тоже хотел бы с вами.

— Навоюешься еще, — затушив окурок, сказал я и лег на кровать. — Ты лучше за буржуйками смотри, да подкидывай почаще, холодно здесь.

— Уже поздно, надо поспать, — ерзая на кровати, пробубнил Сергей Чуйко.

Это был первый мой бой. Я думал, будет страшней, но оказалась все терпимо. Конечно, я не видел бегущего с автоматом на меня духа, а именно так я представлял бой. От этого не так и страшно. Неизвестно, как поведу себя я, увидев человека, который бежит тебя убивать. Может, обосрись.

Такие обстрелы зимой были не часто, но позже, весной и летом, нас обстреливали каждую неделю, а то и чаще. После этого боя у нас были потери — один солдат убит и четверо ранены. Один из раненых — тяжело. Его изрешетило всего осколками от мины. Это были солдаты, которые несли свою службу на первом ПБО.

Глава 4

24 января 1996 года

1

Был пасмурный день. С утра мела метель. Уже две недели не было колонны с продовольствием. Доедали рис, который уже стоял поперек горла, и белый хлеб, который покрылся плесенью. Плесень с хлеба аккуратно срезали ножом, только потом употребляли в пищу. Нам, водителям, было полегче. Мы развозили не только боеприпасы и воду, но и провизию. Так что из коробки можно было вытащить баночку консервов, хотя это было редко. Еще реже кто-то из нас возил командира ММГ Проскурина в станицу Нестеровское, где командир налаживал дружеские связи с местной администрацией, или в Назрань, откуда привозил что-нибудь из продуктов.

Вот и сегодня мы ждали из Назрани своих ребят. На машине «Урал» с командиром поехал Илья Соболев, в сопровождении двух бронетранспортеров. За рулем одного из БТРов находился Сергей Чуйко. На этот раз командир взял большую машину, чтобы привезти побольше боеприпасов. Собственно говоря, поэтому и сопровождение усилили. Вообще, боеприпасы, как и продовольствие, привозила колонна из Назрани. Но ждать, когда она придет, командир не стал. На первом ПБО бои шли интенсивно, и надо было срочно пополнять припасы.

Уже темнело, а их все не было. У дежурного по штабу узнали, что они давно покинули воинскую часть в Ингушетии. Сведений, что их обстреляли, не было. Поэтому приходилось ждать и нервно курить. Все-таки боеприпасы везут — если души прознали, то спокойно могли организовать засаду.

— Ну, где их носит? — не находил себе места Паштет.

— Да успокойся ты, — говорил Марат. — Может, по пути сломался кто.

— Если бы сломались, то кого-нибудь из нас отправили бы навстречу, — трезво размышлял Санек.

— У них же есть рация. Если бы что произошло, было бы известно всем, — в свою очередь успокаивал всех я. — Не нагнетайте обстановку.

— Что-то дежурный по штабу недоговаривает, — продолжал озвучивать свои опасения Паштет. — Что значит, двигаются согласно маршруту? А почему так медленно двигаются? Что, снарядами перегрузили? Тяжело «Уралу»?

— Значит, ему приказали молчать, — задумался Санек.

— Или сам не знает. Не все же можно говорить дежурному, — произнес Марат.

— В любом случае, если нас не поднимают по тревоге, то страшного ничего нет, — больше для Паштета, чем для остальных заметил я.

— Дрова подходят к концу, — перевел тему дежурный. — Надо опять запас делать.

— Завтра сходим, наготовим опять на неделю, — ответил Марат. — Разберем обрешетку на кошаре.

— Лучше бревенчатую стенку попилить опять, а то доски как порох горят, не напасешься, — сказал Санек.

— Бля, их пилить замучаешься, — заныл Паштет.

— Ничего с тобой не случится, не развалишься, — констатировал я. — Надо настоящие дрова заготовить.

Неожиданно в палатку вбежал Соболь. Весь запыхавшийся, лицо красное, бушлат нараспашку. Подбежал к ведру с холодной водой, взял кружку, снял крышку с ведра и почерпнул почти полную. Большими глотками быстро осушил воду. Мы наблюдали молча, не мешая ему прийти в себя. Он отдышался, почерпнул еще полкружки и уже медленно, мелкими глоточками стал пить.

— Ну что там? Что произошло? Почему так долго? — не вытерпев, засыпал Паштет своими вопросами Илью.

— Пипец, полная жопа, пацаны, — Илью начало заметно потряхивать. — Серега Чуйко на своем БТре ларек сбил, вдребезги все. Бабу, продавщицу, насмерть сразу. Сам видел кишки на колесах.

Все просто ох...ели. Кто стоял — тот сел, кто сидел — тот встал.

— Как он так? Где это произошло? — пытался спокойно спросить я.

— Уже Нестеровское проехали, на окраине. Его отправили вперед обстановку разведать, — немного придя в себя, заговорил Соболь. — Ну вы же знаете дурака, не может спокойно ездить. В поворот не вписался, занесло его. Сегодня скользко, метель была.

— Где он сейчас? — спросил Саня.

— В штабе сидит. Ждут сотрудников из военного особого отдела.

— Скорей всего, посадят, — сказал Паштет.

— Может, отмажут командиры? — сам не веря в это, произнес я.

Дружно вышли на улицу, закурили. Совсем стемнело, на небе появились звезды. Большая, полная луна освещала ядро. К нам подошел Ряба, который был на посту в горах и только что сменился. Мы ему рассказали о случившемся. Ряба закурил с нами.

— Пойдем к штабу, узнаем у дежурного, — туша окурков, предложил Ряба.

— Пойдем, — отозвался Паштет.

— Толпой нефиг ходить, — вмешался я, — только получим по шее.

— Да мы с Паштетом сходим, узнаем, — соглашаясь со мной, сказал Ряба.

— Давайте, попробуйте разузнать подробней, — сказал Марат, туша свой окурков.

Ряба с Паштетом скрылись. Мы все зашли в палатку и сели вокруг печки согреться, было холодно.

— Может, чайник поставим, чайку попьем, пока ждем? — спросил Марат.

— Да, поставь, будь другом, надо согреться, — попросил Соболь.

Ему точно горячий чай не помешает, такой стресс получил.

Пока пили чай, в палатку вернулись Ряба с Паштетом. В первую очередь подошли к печке, протянули руки погреться.

— Ну, узнали что? — первым спросил Соболев.

— Да ничего не узнали. Зампотех Короб наорал на нас, — начал Ряба. — Отправил сюда, типа, если сейчас же не смоемся с его глаз, то по пять нарядов вне очереди. Что-то не греет пять суток подряд дежурить.

— А Серегу самого только что особисты увезли в Назрань, в следственный изолятор, до выяснения, — сказал тихим голосом Паштет.

— По-другому и быть не могло, — отметил Марат. — Надо ждать новостей. Узнаем позже, что будет. Но скорей всего, мы его больше не увидим. По-любому срок светит.

— Не каркай, — произнес Санек. — Может, обойдется.

Весь вечер мы проболтали о Сереге. Каждый выдвигал свои соображения, что с ним будет дальше. Все возомнили себя крутыми юристами. Отличало только то, что кто-то возомнил себя адвокатом, а кто-то прокурором.

2

На следующий день я заступал в наряд в горы. После ужина и построения до наряда решил почистить автомат. В 19.30, полностью укомплектовавшись (с собой взял еще один бушлат — спастись от холода), вышел из палатки и закурил. Я ждал Марата, нам выпало сегодня вместе дежурить.

— Я готов, — высказывая из палатки, сказал Марат.

— Что так долго? Опаздываем, ребята будут недовольны, — буркнул я.

Мы пошли быстрым шагом, торопясь сменить товарищей на посту. Шли вдвоем. Больше нас ни лейтенант, ни прапорщик не сопровождали — не было смысла.

— Опаздываем, — прошептал боец, которого мы сменяли.

— На десять минут всего, — сказал Марат.

— Сами знаете, здесь десять минут как час тянется, — продолжал он.

— Знаем. Ладно, не бурчи. Жрать все равно нечего. Сечка жидкая сегодня — и то две ложки положили, да белый хлеб с плесенью, — успокаивал их я.

— Достали. Мало того, что от холода по ночам воем, еще и от голода кишки скручивает, — совсем потеряв настроение, бормотал сменяемый солдат.

— Ребятам на ПБО еще хуже, им вообще мало что достается, — сказал Марат.

— Ладно, давайте. Удачи, — пожелал боец, и они с товарищем удалились.

Мы поудобней расположились в окопе. Ночка сегодня темная, все небо заволокло тучами. Только бы снег с дождем не пошел или метель. Так тихо вокруг, спокойно. Кажется, что вовсе нет никакой войны, что находимся на очередных учениях. Сейчас скажут отбой, построение — и мы пойдем в теплые казармы, радуясь, что прошел еще один день в армии, и с каждым таким прошедшим днем мы приближаемся к своей мечте. А мечтали мы все поскорей вернуться на гражданку, домой.

Как всегда неожиданно, прервав тишину и заодно напугав нас, раздались выстрелы. Высунувшись из окопа, мы увидели перестрелку наших ребят из ПБО и неизвестных с другой стороны. В небо взвилась красная ракета. Марат, не раздумывая, произвел короткую очередь из автомата. Началось, пронеслось у меня в голове. Я так же очередью поддержал Марата. Через пять минут к нам в окоп спрыгнули товарищи. Приняли бой. Я уже разрядил четыре рожка, решил дать автомату передохнуть, а сам зарядить патроны в магазин. Теперь у нас на посту всегда было много патронов, по несколько ящиков. Да и с собой приносили

не один ящик те, кто по тревоге прибежал сюда. Я сидел, прижавшись спиной к стенке окопа, и по одному патрону вставлял в обойму. Услышал, как над головой просвистели пули. Инстинктивно я прижал голову к ногам. Рядом присел Марат, также прислонился к стенке.

— Леха, меня, кажется, ранили. Ой, руку жжет, — откинув голову назад, он схватился одной рукой за предплечье другой, где было больно.

— Куда ранило? — бросив рожок и патроны, приник я к нему.

— В руку, блин. Больно как, — стонал Марат.

— Терпи, сейчас перетянем.

Я извлек из аптечки жгут и крепко затянул поверх ранения. Достал бинт и прямо поверх бушлата стал бинтовать рану на руке. Марат стонал и вздрагивал. Оказав первую помощь, я по цепочке передал, что есть раненый. К нам подбежал лейтенант.

— Мухамедов, как себя чувствуешь? — спросил он.

— Больно, товарищ лейтенант, — ответил Марат.

— Терпи, солдат, — сказал лейтенант. — Идти можешь?

Марат кивнул. Лейтенант приказал двум ребятам помочь ему спуститься вниз, в ядро.

Бой длился недолго, огневые точки противника были подавлены. Для усиления были оставлены еще два солдата. А мне пришлось всю ночь провести в окопе.

3

— Ну и ночка, — зайдя в палатку после длинной смены, сказал я. — Как там Марат?

— Он в норме. В госпиталь отправляют, жить будет, — сказал Захаров (Лом), он был дежурный по палатке.

— Ну и слава Богу, — подчеркнул я. — Жрать хочу. Есть что?

— Вон буханка, почти без плесени, чайку согрей, — ответил он. — Сегодня даже кухню не разжигали.

Хлеб невозможно было есть. Он был с сильным вкусом плесени и вызывал изжогу. Но, блин, жрать-то хочется. Я отрезал кусок, ножом срезал всю корку и этот белый мякиш стал жевать, запивая горячей водой. Можно сказать, запивая чаем, но так как он раз сто уже заваривался, то был похож на ржавую воду.

Проспал до обеда, меня разбудил Лом.

— Вставай, вкусный обед проспипшь, — улыбаясь, говорил он.

— Какой обед? Опять водичка с сечкой? — я смотрел на него с подозрением. Он явно что-то не договаривал, смотрел на меня и улыбался.

— Сходи на кухню и все увидишь сам, — продолжал гнуть свою линию Лом, не признаваясь, что он скрывает. — Поторопись, а то не достанется.

— Колонна с продовольствием была? — так и не раскусив его, спросил я.

— Нет, но тебе обед понравится, иди уже.

В столовой никого не было, все уже пообедали. Рядом с полевой кухней споласкивал бидон горячей водой повар Костя Сизов.

— Привет, Сизый, — поздоровался я. — Что там сегодня на обед? Что-то Лом какими-то намеками говорит.

— Привет, — Сизый заулыбался. — Сегодня плов с бараниной. В отдельном котле сварил для нашего взвода и ребрышко тебе оставил поглотать. Вкуснотища.

— Не фигу себе! Где раздобыл? — не скрывая своего восхищения, спросил я.

— Да в соседнем ауле, — продолжая улыбаться, ответил он.

— Что-то Лом и ты подозрительно улыбаетесь.

— Не бери в голову, садись, сейчас принесу.

Я уселся за длинный стол, размышляя, врет Сизый или правду говорит. Но что-то здесь нечисто. Интуиция мне подсказывала, что здесь какой-то обман.

Но все мысли моментально исчезли, когда на столе появился полный котелок наваристого плова с мясом. Из блюда торчали обещанные ребра. А запах, какой запах! Он ударил мне в ноздри, в желудке заурчало, рот заполнился слюной. Я жадно накинулся на еду. Как вкусно! Я смаковал каждый кусочек мяса, я с наслаждением облизывал ребра. Что это? Сон? Я не верил, что это происходит наяву со мной. Немного насытившись, я включил мозги. Заметив, что повар Костя стоит рядом и продолжает улыбаться, я вопросительно взглянул на него.

— Ну что, вкусно? — спросил он.

— Конечно, вкусно, — ответил я. — Что-то не так?

— Все так, — Сизый взял паузу. — Просто это не баранина.

Я продолжал молча смотреть на него. Что-то стало не по себе, мысли путались.

— Это ты про что сейчас? — напряженно спросил я. — В смысле не баранина? А что тогда?

— Собачка, — уже не улыбаясь, сказал Костя. Видимо, опасался, что могут быть последствия из-за такой шутки. — Точнее, две собачки: одна маленькая, другая побольше.

— Так, — соображал я. — А почему сразу не сказал? Зачем весь этот цирк?

— Да неизвестно, как бы ты отреагировал, — видя, что я настроен позитивно, продолжал он. — Может, от еды отказался бы. А это правда вкусно, и ничего вредного нет. Многие народы употребляют собак в пищу. Вот французы вообще лягушек едят. Жратвы не будет — и сами начнем лягушек есть.

— Ну, уж с лягушками перебор, а собачек жалко только. А так реально от баранины не отличить. Правда, я уже вкус баранины забыл, — сказал я, продолжая доедать

плов. — Только если они больные были, и будут проблемы со здоровьем, ты пи...юлей получишь, учти. Ты сам ел это?

— Конечно, ел, первый пробу снимал, — ответил Сизый. — Не ссы, все будет отлично. Сегодня праздник живота, когда ты такое вкусное блюдо попробуешь. А отличия по мясу практически нет, только по ребрам можно понять. Видишь, ребра круглые, значит, собака. У баранины ребра плоские.

— Понятно. Так, а где ты раздобыл собак?

— Горыныч принес. Они с Кехой ходили в Алхи-Салан и там подстрелили, — ответил повар. — Офицерам не говори только, да и другим, кроме нашего взвода, тоже знать необязательно.

— Молчок, между нами только, — произнес я, стараясь выскоблить все до крошки из котелка. — А как насчет добавки?

— Извини, Леха, еще ребята с наряда придут, их покормить надо.

— Ну ладно, и на этом спасибо. Вкусно было. Чайку налей, я в палатке попью.

Взяв кружку чая и закулив сигарету, я пошел в палатку. Молодцы зенитчики, добыли обед. И Костя молодец, приготовил на совесть. Когда сыт, не так и холодно. Жизнь-то продолжается.

Глава 5

21 февраля 1996 года

1

Сегодня ровно два месяца, как мы находимся в командировке на Чечено-Ингушской административной границе. Два месяца холода, два месяца голода, частые обстрелы. Но нас не сломить, мы достойно защищаем рубежи своей родины. От этих слов мне становится смешно. Кого мы защищаем? Але, люди, мы защищаем сами себя. Вот приехали сюда, заняли оборону по кругу и защищаемся. Чеченцы как ходили в Ингушетию, так и ходят, им нетрудно обойти ядро.

Чеченцы и ингуши — один народ. Раньше это было одно государство, которое до 1991 года называлось Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика (АССР). Многие семьи разделились, мать и отец — в Ингушетии, сыновья — в Чечне. События 19–21 августа 1991 года в Москве стали катализатором социально-политического взрыва в Чечено-Ингушетии. 6 сентября 1991 года Дудаев объявил о роспуске республиканских структур власти. Ингушская Республика (впоследствии переименованная в Республику Ингушетия) после распада Чечено-Ингушской АССР взяла курс на лояльность России, в то время как Чеченская Республика Ичкерия, которую в июне 1991 года возглавил в качестве председателя исполкома Джохар Дудаев, объявила о выходе из состава России.

Простыми словами скажу так. Кто решил воевать, взял оружие и пошел в горы, тот стал чеченцем, а кто не захотел воевать и остался, те стали ингушами. Ингушетия превратилась в один из самых бедных субъектов Российской Федерации, где держался высокий уровень безработицы и нищеты. Вдобавок рядом с ней долгие годы шла война. Что касалось наших потерь за эти два месяца, то они были

такие: четыре солдата погибли, плюс офицер и семнадцать раненых. Половина легкораненых — осколками от мин. Многих даже не госпитализировали, но это не уменьшает ужаса, происходящего в этой дыре. Еще десятка два солдат попали в госпиталь с инфекционными заболеваниями. Говорили, что у многих дизентерия.

— Тихомиров, сегодня идешь в наряд на контрольно-пропускной пункт (КПП). Там надо помочь, людей не хватает, — приказал лейтенант Миронов, зайдя в палатку.

— Товарищ лейтенант, я только с наряда, — пытался откосить я от наряда.

— Дежурная машина — какой это наряд? Спал спокойно всю ночь, — повысил голос командир. — Это приказ. Готовься. После ужина, сразу после развода — в распоряжение лейтенанта Клишкова.

Лейтенант Клишков был заместителем командира третьего взвода по воспитательной части. На КПП старшим в наряде всегда был или офицер, или прапорщик.

— Есть заступить в наряд на КПП, — отрапортовал недовольно я.

— Так-то лучше. И уберите в палатке, — выходя, сказал он. — Живете, как в помойке.

— Да пошел ты, — тихо, чтоб лейтенант не услышал, сказал Ряба.

Приказ есть приказ. После вечернего развода я подошел к лейтенанту Клишкову, взял под козырек и доложил.

— Рядовой Тихомиров в ваше распоряжение прибыл.

— Отлично, солдат, — также отдав честь, произнес он. — Вставай за пулеметчиками. За мной шагом марш.

Мы вчетвером пошли в сторону КПП. Лейтенант первый, за лейтенантом один солдат с пулеметом, второй солдат с канистрой (зачем ему канистра, я сначала не понял) и замыкал строй я. Мы сменили товарищей на блокпосту. Пулеметчики заняли свою позицию в дзоте, лейтенант доложил по проводному телефону в штаб. Меня старший

поставил у шлагбаума. Холодно. Как же достал этот холод, быстрее бы весна. Рядом со шлагбаумом — плита, на которой можно посидеть, но долго не посидишь из-за холода. Приходилось прыгать и бегать вокруг шлагбаума. Вроде и мороза нет, но зябко.

Вдалеке я заметил парочку местных жителей, которые направлялись в нашу сторону.

— Товарищ лейтенант, — позвал я старшего и, когда он высунулся из дзота, добавил. — К нам гости.

Лейтенант вышел, достал бинокль и стал разглядывать гостей.

— Знакомые лица, это Захид из Мар-Усойя, с сыном, — улыбнулся лейтенант. — Что-то хочет выторговать, наверное, бензин нужен. У него есть своя машина, жигули-копейка.

Парочка подошла вплотную. Захид пустой, а у сына за плечами — мешок чем-то наполнен.

— Ассалам Алейкум, — произнес Захид.

— Алейкум Салам, — ответил лейтенант. — Зачем пожаловал?

— Ой как бензин нужен, в город хочу ехать. Дочка болеет, врач нужен, — забубнил он.

— Так я тебе и поверил, — с ухмылкой сказал лейтенант. — Ладно, так и быть, канистра за две бутылки водки и палку колбасы.

— Много будет, без колбаса давай, две бутылки только, — пыхтел ингуш.

— Тогда сам пей, не будет тебе бензина, — ответил лейтенант и демонстративно отвернулся, давая понять, что разговор на этом окончен.

— Ладно, чего сердишься, командир, — сдался Захид. — Вот водка, вот колбаса.

— Так-то лучше, — повеселел старший. — Витя, тащи канистру.

Витя вытащил канистру и передал местному. Вот зачем была нужна эта канистра. Да у них тут рынок налажен.

Почему мы до сих пор не в теме? Вопросов было много, но не задавать же их лейтенанту. Сделка прошла, водка ушла в дзот, колбасу поделили. Досталось и мне, чему я был беспрельно рад.

— Товарищ лейтенант, скоро праздник наш, 23 февраля, — у меня вдруг созрел план. — Можно организовать на стол колбаски и немного спиртного. Бензина у нас много, в долгу не останемся. Вам за посредничество сольем, сколько скажете.

— Подумаем, боец, — улыбнувшись, сказал лейтенант.

— Ну, мы будем надеяться на вас, — не успокаивался я.

— Ладно, ладно, рядовой. Решим этот вопрос. Завтра после наряда ко мне в блиндаж принесешь пару канистр с топливом.

— Так точно, — зачем-то приложив ладонь под козырек, радостно ответил я.

2

Впоследствии наладили связь и мы. Практически все из старших, заступая в наряд, контактировали с местными. Мы передавали бензин, взамен мы получали продовольствие. Порой сами ходили с канистрой на КПП и ждали Захида, или Назира, или Ибрагима. Но, бывало, местные не приходили неделю, да и обмен скудный. За 20 литров можно было выменять две бутылки водки или палку колбасы и пару банок тушенки. Но и этому мы были рады. Очень ценились боеприпасы, патроны, снаряды, порох, да что угодно. Но ни я, ни кто другой из нашего взвода не промышляли этим. Я вообще не слышал, что кто-то пачку патрон променял на бутылку водки, хотя я этого не исключаю.

Дежурство на КПП прошло без происшествий. И как только нас сменила другая группа, я пулей влетел в палатку. Мне не терпелось сообщить товарищам радостную новость, что праздник должен состояться не на сухую.

— Класс, — Ряба соскочил с кровати. — А мы голову сломали, где можно раздобыть.

— Отличные новости, — сказал Илья Соболев грустным голосом. — А мне нельзя будет пить, мне вечером в наряд, в горы.

— Ну, не дежурной же машиной. Ничего не будет от пары рюмочек. Вмажешь и на пост — службу нести, — подбадривал его Ряба.

— Многие на посту будут. Мне повезло, я после праздника сразу заступаю в наряд, — не скрывая свое довольное лицо, произнес я.

— Короче, как стемнеет, идем в автопарк. И каждый, кто желает отпраздновать, по ведру бензина сливает в общак, — присоединился Лом.

— Паштет в наряде, он-то точно будет с нами. Надо за него слить, он потом отдаст, — предложил Ряба. И потом добавил. — Я за него дам.

Глава 6

23 февраля 1996 года

1

Утро выдалось замечательным, солнышко уже встало, и выпавший ночью снег медленно таял. Проснулся я от шума в палатке. Паштет громко спорил с Рябой. Я был укутан в два одеяла — по ночам Синий не на шутку просачивался в палатку.

— Задолбали кричать! Что за спор? Спать не даете, — крикнул я.

— Да уже солнце высоко, а ты все спишь, — буркнул Ряба.

— Леха, вот скажи Рябе, что бронежилет — это ерунда, от пули не защитит. Так, если только от осколков мин, — сказал Паштет.

— Нашли о чем спорить. Сегодня вообще-то праздник, поздравляю всех, — вмешался в наш разговор Лом.

— Не знаю, я про калибр 5.45 из АКС. Но пуля 7.62 из снайперской винтовки точно пробьет, — сказал я, выбравшись из-под одеял. — Дубак какой. Блин, когда же потеплеет. Надоел холод.

— Так что не спорь. Херня этот бронежилет, не спасет, — издевался над Рябой Паштет.

Зря Паштет нажимал на Рябу. Ну знает же, что он псих и легко возбуждается. Я только успел почерпнуть водички из ведра, как Ряба пронесся мимо, как метеорит, чуть не сбив меня с ног. Он схватил автомат, бронежилет и выскочил из палатки. Через несколько секунд рядом с палаткой раздался выстрел. Кто-то присел от неожиданности, кто-то стоял с раскрытым ртом, осознавая происходящее. Этим кем-то с открытым ртом был и я. Понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Мы высыпали на улицу. Ряба стоял, опустив

автомат, и смотрел на пробитый бронежилет, который лежал на куче битого кирпича.

— Ты debil, — Лом явно хотел вмазать Рябе, но сдержался.

— Ты знаешь, что могло отрикошетить и в тебя или в палатку, где люди? Ты о чем думал? — спросил тоже злой Саня Афоня.

— Зато проверил. Никакой надежды на бронежилет нет, — спокойно ответил Ряба.

Я пошел к броннику, поднял его и посмотрел отверстие. Точное попадание между пластин, где наименьшая защита.

— Ты попал в плохо защищенное место, да еще и в упор, поэтому и дырка, — начал объяснять я, понимая, что и сам я теперь в бронежилет верить не буду.

— Вон из штаба бежит дежурный. Сейчас все на выстрел сбегутся, — констатировал Паштет.

— Не хватало теперь праздника лишиться, — Лом все еще злился на Рябу.

— Прорвемся, — Ряба повернулся к уже подбежавшему дежурному.

— Что случилось у вас здесь? — запыхавшись, выпалил он.

— Ничего, все норм, — Паштет стал заступаться за Рябу. — Бронник проверили. Вот видишь, ненадежный оказался.

— Вижу. Кто стрелял? Майор слышал выстрел. Послал узнать, что случилось, и виновного в штаб на объяснение, — продолжал дежурный.

— Я стрелял, пошли в штаб, — отдавая автомат Паштету, пробормотал Ряба и зашагал в сторону штаба.

Дежурный двинулся за ним.

— Сейчас получит на орехи, — заявил Лом. — Придурок. Как бы все боком не вышло.

На наше счастье серьезного ничего не произошло. Скорей всего, на счастье Рябы. Может, из-за праздника начман был добрый. Единственное, приказал нашему командиру взвода, лейтенанту Миронову, провести разъяснительную работу с личным составом.

Что касается бронежилетов, их стали носить все реже и реже. В туалет уже точно не ходили с ним. Сначала перестали его надевать, когда ходили по ядру, потом и в наряды. Многие из них разорвались, пластины терялись. Могли надеть, только если командир замечание сделает. Мой бронежилет, как и у многих водителей, висел на двери автомобиля, пользы от него было мало. Хотя многих ребят он защитил, в первую очередь от осколков мин. Но прослужив несколько месяцев, мы стали такими пофигистами, страх потеряли, и кто-то поплатился за такое безразличие.

2

После обеда начальник мотоманевренной группы майор Проскурин Александр Григорьевич построил нас возле штаба для поздравления с праздником. Строй в две шеренги ждал майора. Стоял гул, солдаты разговаривали друг с другом, перетаптывались на месте. Снег, который выпал ночью, растаял. Небо было чистое. Солнышко пыталось изо всех сил согреть землю, согреть нас и этим поздравить с 23 февраля.

Настроение было хорошее, праздничное. Утренний казус был уже забыт. Вечером перед ужином накроем стол и отпразднуем день Защитника Отечества. Именно так назывался праздник после распада СССР, хотя и не был выходным днем.

— Равняйся, смирно, — скомандовал заместитель по технической части капитан Сергей Петрович Коробов. Он сегодня был дежурным по ядру, и в его обязанности входило построение бойцов.

— Вольно, — махнув рукой, отреагировал майор.

На его лице была ехидная улыбка. А это означало либо хорошее настроение, либо то, что уже какое-то количество алкоголя было в его организме.

— Поздравляю с днём Защитника Отечества и хочу пожелать силы, мужества и отваги! Пусть каждый день будет успешным, каждый поступок — достойным, каждая идея — отличной, каждое слово — твёрдым, а каждое действие — уверенным. Желаю быть здоровыми и непобедимыми! — начал свою речь Проскурин.

Речь была недолгой. Смысл был такой, что все зависит от нас — и победа над террористами и возвращение домой. Затем он развернулся, сказал нам «разойтись» и удалился в свой блиндаж, напевая песню Линды:

«Мало, мало, мало, мало, мало огня,
Я хочу еще немного больше,
Мало, мало, мало, мало, мало огня,
Разрешаю — это значит можно».

3

Стемнело. Кто-то готовился к наряду, чистил автомат, кто-то в наряде, кто-то спал. А у нас был накрыт стол и мы веселой компанией сели отмечать. Есть водка, нарезают колбаски, в котелках — гречневая каша. Хлеб, как всегда, белый и с плесенью. Но кто на это обращает внимание. Сейчас бы собачку тушеную на стол — вот бы был пир. Но где ее взять, всех местных бездомных дворняг съели. Настроение хорошее, по-домашнему уютно. Печки-буржуйки гудят, как паровозы. Дров не жалели, поэтому стенки накалились докрасна. Я даже отсел подальше от печки, чтоб спину не жгло. Работает телевизор, идет какой-то концерт. В честь праздника немного убрались в палатке, хотя обычно бардак и грязь везде. Опять же, к празднику выдали новое постельное белье. Перед этим

месяц уже не выдавали, да и что толку — ведь ложишься спать в грязной одежде. И всем было наплевать. Выживали как могли, и пока не подозревали, что весной будет намного хуже, когда с дизентерией начнут появляться и бельевые вши. Но это в будущем, а пока праздник, надо отмечать.

— Ну, давайте кружки, сколько уже ждать можно, — прыгал Ряба с бутылкой алкоголя.

— Давай, давай, наливай, — подвигая кружки ближе к разливающему, облизывался и потирал ладони Паштет.

— Ну, с праздником. Главное, удачи и всем вернуться домой целыми и невредимыми, — чокаясь со всеми, сказал я. — Урааа!

— Ураааааа! С праздником, — подхватили товарищи.

Все выпили, смачно крякая в кулак. Загремела посуда. Приятной теплотой отозвался желудок. Отлично сидим. Ряба выпил, не выпуская бутылку из рук. Надо было быстрее закусить, ведь сейчас, со словами «между первой и второй промежутки небольшой» он опять наполнит кружки. Так и произошло. Выпили по второй. Пока закусывали, вдалеке послышалась стрельба. Все стали прислушиваться, откуда звук.

— Наверное, наши в честь праздника салютуют, — предположил Паштет.

Но случилось то, чего мы надеялись избежать в эту праздничную ночь. Обстрел первого пункта боевого охранения. Послышался звук ракетницы, и красная ракета взмыла в темное небо. После чего послышался крик дежурного: «К бою, всем по своим местам». Что за люди, точнее, что за сволочи. Ну хоть в праздник бы не провоцировали и не обстреливали. Праздник же у людей, прекрасно знают. Похватав автоматы, на ходу натягивая бронники и каски, мы выбежали из палатки и знакомой тропой побежали на свои позиции.

Стрельба была интенсивная, трассирующие пули летели в разные стороны. Я сидел в окопе, не высываясь,

сильно вжался в стену. Надо отдышаться. А если честно, не было никакого желания вести бой. Было страшно, к этому никак не привыкнуть. Да еще обида давила в груди. Там в палатке накрыт стол, играет музыка, а ты опять в окопе. И неизвестно, сколько придется здесь сидеть, может и всю ночь.

Потихоньку стрельба стала утихать, и вскоре слышны были только одиночные выстрелы, которые спустя полчаса тоже прекратились. По цепочке передавали, что убитых и раненых нет. В темное небо то там, то здесь поднимались осветительные ракеты. Стало прохладно, да что там прохладно, холодно. Дул северный пронзительный ветер.

— Сколько нам здесь сидеть? — услышал я голос Рябы. Он на карачках пробирался по окопу в мою сторону. — О, Леха! Как дела? Не видел Паштета?

— Норм все. Да где-то недалеко, — ответил я.

— Паштет? — крикнул Ряба.

— Здесь я, — ответил Паштет. — Что хотел?

— Иди к нам, дело есть, — под светом звезд сверкнула его улыбка.

Паштет почти ползком приблизился к нам. Я смотрел на Рябу, пытаюсь понять, что еще он замыслил. Человек непредсказуемый, и от него все можно ожидать. Но такого я точно не ожидал. Он сел рядом и из-за пазухи достал полбутылки водки. Прямо с горла сделал глоток.

— Согреемся? — сказал Ряба и протянул бутылку Паштету.

— Бля, красавчик, — Паштет взял и сделал большой глоток.

Передал мне, я также отхлебнул прилично. Тепло поползло по всему телу. Молодец Ряба, не растерялся и схватил полбутылки со стола. Бутылка пошла дальше по окопу, с восторженными возгласами солдат. Назад она больше не вернулась.

Тишину вновь прервала автоматная очередь, за ним запел пулемет. Понеслось опять. Разрядив рожок, я плюхнулся на дно окопа. Перезарядил и вновь открыл стрельбу. Затем вновь затишье и вновь стрельба. В ядро мы вернулись только под утро, очень уставшие. Хотелось спать. Выпив сразу полкружки спиртного и закусив колбаской, я плюхнулся в кровать. Снял только бушлат и сапоги. Вечером мне заступать дежурным на машине, так что надо отдохнуть, выспаться. Заснул почти сразу. Многие сделали то же самое. Только Ряба, Паштет и Лом не успокоились, пока все не выпили. Кто б сомневался.

Праздник начинался весело, с прекрасным настроением, хорошей и солнечной погодой, а закончился в плохом настроении и под утро пошел дождь со снегом.

4

Зима подходила к своему финалу, а с ним и вторая часть моего рассказа. Писать еще можно долго. Но надоел холод, надоела зима. И чтобы вы, мой читатель, не заскучили, мы перейдем к более теплomu времени года — весне. Служить пришлось еще долго. Впереди нас ждали много реальных случаев, больше трагических, ведь находились мы не на курорте. Так что дальше будет много интересного, оставайтесь со мной.

Часть 3

ЯДРО. ВЕСНА

Предисловие

Только спустя два месяца я вновь сел за свою рукопись. Как сказали бы настоящие поэты и писатели — не было вдохновения. Но мне простительно вдвойне. Во-первых, я не поэт и не писатель, во-вторых, как я сказал, не было желания. Все, что было написано в предыдущих частях, я, конечно, не забыл. Да и как можно забыть, когда это все происходило с тобой. Ну ладно, почти все. Я могу закрыть глаза и мысленно оказаться опять там — в тех далеких трудных временах, где были холод, голод, грязь, вши, летом — невыносимая жара, постоянные обстрелы, где погибали или получали ранения наши солдаты, мои боевые друзья, сопливые пацаны девятнадцати лет.

У меня сейчас сыну девятнадцать лет. Я просто представить не могу его в окопе с автоматом. Я сейчас пишу, а мысли мои то там, то здесь. Я могу оценить и проанализировать те события и сегодняшнюю жизнь. И когда я сегодня вижу и слышу, как некоторые деятели хаюют мою страну, мою родину, мне становится больно. Ну ладно, если это делают предатели, которые за это получают гонорары из-за границы. Но есть и те, которым живется, по их мнению, плохо. Конечно, не так все гладко и хорошо сейчас, но так и хочется им крикнуть: «А ты бы пожил в те времена!». Не буду продолжать поносить ущербных. Им хоть что дай, а все равно будет плохо. А если реально кому-то стало хуже жить сейчас, чем было в 90-х, то, может быть, что-то не так в них самих. Может, надо было что-то предпринять, сделать шаг вперед, а не ныть всю жизнь. Тема, конечно, неоднозначная. Здесь все индивидуально.

Скорей всего, если дело дойдет до редакции, они все это вырежут или переделают. Но я думаю так, как пишу. И пусть именно в этом виде, в черновом варианте, все останется со мной. А если, по разным причинам, не будет редактироваться и не будет издаваться, то тогда я вообще останусь со своими мыслями наедине. Хотя, вообще-то нет. Я дам прочесть только близким мне людям, которые меня поймут и не осудят, даже если в чем-то и не согласятся.

Но хватит лирики. Надо сосредоточиться и полностью уйти в те события, в ту жизнь. Начать свою третью часть хочу с праздника — Международного женского дня 8 Марта. Вообще, праздники там — только геморрой: либо ночь в окопах на усилении, либо реальный обстрел наших позиций. Как свадьба у лошади — голова в цветах, а жопа в мыле.

Но 8 Марта хотелось бы описать. Во-первых, потому что мы очень любим наших девушек, сестер, мам, тетей и бабушек. Все мы тогда по ним очень скучали и мечтали поскорей вернуться, обнять, поднять на окрепшие за это время, превратившиеся из юношеских в сильные мужские руки и расцеловать. Во-вторых, вы все прочтете ниже.

Глава 1

8 марта 1996 года

1

Утро выдалось теплое, из-за гор вставало солнышко, на небе ни одного облачка. Скрипнув кроватью, я повернулся набок, потянулся, отходя от сна и возвращаясь в реальность. В палатке, кроме меня, было еще семь человек. Трое еще спали после нарядов. Пятеро — Паштет, Илья Соболев, Лом, теперь и я — бодрствовали.

— Доброе утро всем, — садясь на койку, поприветствовал я.

— Доброе, — сказал Паштет.

— С праздником, — улыбнулся Соболев.

— С каким праздником? — не понял я.

— Как с каким? С 8 Марта, с Международным женским днем, — ответил Паша.

— Я что тебе, баба, поздравлять меня? — без обид сказал я.

— Хоть и не баба, а праздник есть праздник, — произнес Лом. — Вот сейчас на стол накроем, правда, кроме бутербродов, ничего нет.

— Зато с паштетом, — улыбнулся Паштет. — Костяповар подогрел, да и Ряба, может, литрушку водки принесет.

— Откуда принесет? — соображал я.

— Да час назад Ряба с канистрой бензина на КПП ушел, вот ждем, — ответил Сергей Захаров.

— Ну вы нашли, кому доверить такое важное дело, — удивился я. — Забыли, как он на станции за самогонном ходил.

— Да все хорошо будет. Праздничный банкет организуем, пока чайком отпразднуем, — поднимая кружку чая, сказал Паштет. — Давайте за наших мам, девушек, за всех женщин.

Мы чокнулись.

— Интересно, как там моя Соня. Соскучился, — доставая фото из конверта, сказал Паштет.

— Дай взглянуть, — попросил Илья.

— Уже глядели, — недовольно буркнул Паштет, помня, как плохо отзывались мы о ней.

— Да ладно тебе обижаться, ну дай.

Паштет протянул фотографию. Из-за плеча Ильи я тоже еще раз взглянул на фото, хотя знал, что именно увижу. Но увидел я совсем не то, что ожидал. С фото на меня смотрела не та прыщавая, полная девушка, а молодая, симпатичная девица. Вроде и ножки не такие кривые, и полнота ее стройнит. И как будто прыщей не так много. Наверное, я тогда плохо по пьяни рассмотрел. Или столько времени не видел девушек, что теперь любая покажется красивой. Как бы там ни было, но свои мысли я вслух говорить не стал. То же самое сделал и Илья. Просто посмотрев, передал Паштету фото.

Допили чай, съели по паре бутербродов, Рябы все не было. Появилось какое-то чувство тревоги за него. Чуйка подсказывала: что-то случилось. Вслух я ничего не сказал, только достал сигарету из пачки и, спросив, кто со мной покурить, вышел из палатки. Паштет, Лом и Илья вышли за мной. Курили молча и, не сговариваясь, все посматривали в сторону КПП, откуда должен был уже вернуться Ряба. Рябы на горизонте не было.

— Ладно, — туша окурков, сказал Паштет. — Айда в карты поиграем.

— Айда, — сказал Лом. — На интерес или на желание.

— На какое желание будем играть? — спросил Илья, тасуя колоду карт.

— Ну, раз сегодня 8 Марта, то тот, кто проиграет, тот бежит три круга вокруг палатки и поздравляет женский пол с праздником, — посоветовал я.

— В одних кальсонах, — поддержал Лом.

— Неинтересно в кальсонах, без них давайте. Это прикольней, — засмеялся Паштет.

Это сейчас в российской армии два комплекта нижнего белья: летнее и зимнее. В летний набор входят трусы (боксеры) и футболка. Зимний комплект содержит кальсоны, футболку с длинным рукавом, мастерку и флисовое бельё. А когда я служил, трусов не выдавали ни зимой, ни летом. Так и ходили в кальсонах. Хотя трусы были положены. Всё, наверное, зависело от части, где срочники проходили службу. А вообще, трусы зимой в армии носить запрещено. Почему в армии нельзя носить трусы зимой? Ведь в обычной жизни большинство мужчин носит данный вид одежды и зимой, и летом? Здесь несколько вариантов объяснения. Во-первых, в целях гигиены и удобства. Кальсоны ничего не натирают. Кальсоны безразмерные, а для трусов нужно подбирать свой размер. Во-вторых, зимой в кальсонах теплее. В-третьих, трусы под кальсонами — это перебор, лишний элемент одежды.

Все согласились на условия. Про Рябу на время забыли. Мы сосредоточились на игре. Никто не хотел бегать голым днем вокруг палатки. За стол, под игру в дурака, сели пять человек. Первым проиграл Паштет. Все высыпали на улицу посмотреть на шоу. Сапоги ему разрешили надеть. В одних сапогах, не прикрывая свое достоинство, он, смеясь, побежал вокруг палатки, бубня поздравления с Международным женским днем 8 Марта. Мы все ржали — выглядело действительно смешно. А вот Паштету вскоре стало не смешно. Он проигрывал раз за разом. Да и на улице солнце хотя и светило, но грело плохо. После трех проигрышей подряд Паштету, наконец-то, улыбнулась удача. А вот мне не повезло. Пришлось раздеваться и бегать. На третьем круге я встретился с медсестрой Мариной. Она шла из своего блиндажа в медицинскую палатку проверить больных. Я, прикрываясь руками, краснея от стыда, только и мог сказать «Здравия желаю, товарищ прапорщик», но руку

под козырек я не смог приложить по понятным причинам. Она же сначала растерялась, потом удивилась и, немного смущаясь, улыбнулась. Промолчав, она пошла дальше. Она за свою карьеру военной старшей медсестры привыкла к таким выходкам солдат срочной службы. А еще сегодня ее праздник, и обращать внимание на эту ерунду она не собиралась.

После такой позорной встречи я отказался продолжать играть. Не стали играть и остальные.

— Ну, Леха, ты чего не поздравил девушку с праздником, — шутил Паштет.

— Очень смешно. Я, блин, растерялся. Не знал вообще, что делать. Готов был сквозь землю провалиться.

— Да где же делся Ряба? — напомнил о нем Илья.

2

В палатке стало тихо, улыбки исчезли, настроение пропало. Все задумались об одном. Что делать? Время стремительно бежит. Уже скоро обед. Всем понятно, что так долго невозможно ходить. Каждый придумывал свои версии. Самое предпочтительное было, что он, возвращаясь со спиртными напитками, наткнулся на офицера или вообще на майора Проскурина и сейчас он в штабе и объясняется, откуда такое добро. Решили, что эту версию надо проверить.

— Парни, кто пойдет в штаб узнать у дежурного, там Ряба или нет? — спросил Илья Соболев, почему-то, смотря на Паштета, явно выделяя его и давая понять всем, что лучше всех это сделает он.

— Хорошо, — ответил Паштет.

— Надо еще сходить на КПП и узнать у постовых. Они должны были видеть его и знать, куда он делся.

— Я пойду на КПП, — отозвался Лом.

— Я с тобой пойду, — решил я.

Втроем мы вышли из палатки и разошлись в разные стороны. Паштет повернул вправо и пошел к штабу, я и Лом направились по дороге прямо на КПП. Шли молча. В мыслях было только одно: надежда что ребята прояснят непонятную историю с Рябой. Как только я услышал, что Ряба один пошел, сразу почувствовал тревогу. Ну и где же этот придурок?

Заморосил дождик, я запрокинул голову и взглянул на небо. Со стороны гор небо затягивало тучей, с другой стороны еще виднелись лучики солнца, но было понятно, что скоро их не станет. Все шло к дождю. А как с утра все хорошо начиналось — и небо чистое, солнечное, и бутерброды с паштетом, и Ряба с водкой должен подойти. Настроение действительно было праздничное. Надеялся, что к вечеру все прояснится и все будет хорошо. Но Ряба свое отгребет по полной! А мне сегодня заступать дежурным на машине. Придется опять мучить машину, пытаюсь пробраться с бочкой, полной водой, через грязь к пунктам боевой охраны. Интересно, а Рябе надо в наряд сегодня?

— Лом, ты не знаешь, заступает сегодня Руслан на дежурство?

— Не знаю, он ничего не говорил, — задумался Захаров. — Надо будет посмотреть в графике дежурств.

Дождик все усиливался, сапоги вязли в грязи. Если сойти с настила из кирпича, то можно было вообще сапоги оставить в этой жиже. Когда же все высохнет! Быстрее бы лето. «Все придет, — пытаюсь уйти от негативных мыслей, подумал я. — Была же зима, мучились, выживали как могли. Вот и весна, дождались все-таки. Так и лета дождемся. Все будет хорошо, надо верить. Главное, не распускать сопли, ты же солдат. Думай, Леха, о хорошем. Бл...ть, ну где же Ряба?»

Немного повиляв, дорога, а точнее, тропа, вывела на финишную прямую. На горизонте показался КПП. Рядом с будкой (дзотом) вдоль опущенного шлагбаума прогуливался

часовой. На нем был плащ, на голове каска, от дождя был полностью защищен. Биение сердца участилось.

— Что говорить будем? — спросил Лом, явно так же нервничая, как и я.

Неизвестно, кто там старший. Если офицер, да еще противник такого бартера, то могут быть проблемы. А может, и вообще он Рябу отвел к командиру и сдал его с потрохами — тоже версия вполне рабочая. Зря мы одновременно пошли узнавать. Надо было сначала дожидаться Паштета, и если Рябы в штабе нет, то идти сюда. А если старший наряда отвел его не в штаб к майору, а в блиндаж к нашему командиру Миронову? Одни вопросы, на которые нет ответов. Надеюсь, пока нет.

— Будем действовать по обстоятельствам, — подумав, ответил я. — Если кто-то из знакомых которые в курсе таких дел, то прямо все скажем и спросим, а если незнакомый, то про сделку ни слова. Просто спросим, не подходил ли солдат один, может, чтобы курить стрельнуть.

— Или давай так: сослуживец в свое свободное время к кому-то в гости пошел, вроде как к земляку, а его в наряд вместо заболевшего бойца ставят. Вот ищем его, чтобы предупредить, — предложил идею Лом.

— Неплохая мысль. Шансов мало, что нам поверят, но и проверять не станут, — решил я.

Метров за пятьдесят нас заметил постовой. Вскинув автомат, он скомандовал, «стой, три». Мы хором в ответ «один», на этот день пароль был «четыре».

— Товарищ прапорщик, к нам гости, — крикнул в сторону дзота часовой, ловко закинув автомат на плечо.

Из будки вышел знакомый прапорщик из первого взвода. Конечно, любой прапорщик поддерживал связь с местными жителями и участвовал в разных сделках. Лицо у него было недовольное и красное. Скорей всего, от принятого спиртного. Праздник же. Хотя дело вовсе не в празднике. Если есть возможность и желание бухнуть, то никто

в этом себе не отказывал. А желание есть всегда. Он рассматривал нас, соображая, кто мы такие, из-за кого ему пришлось вылезать на дождь.

— Здравия желаю, товарищ прапорщик. Мы тут одного бойца разыскиваем, рядового Руслана Рябова, — начал я. — Он еще с утра к вам на КПП ушел.

Я на минуту сделал паузу, не стал пока говорить, с какой целью он ушел на КПП. Хотел посмотреть реакцию прапора.

С Ломом я, конечно, не посоветовался, что не надо сразу говорить, зачем он ушел сюда. А у него совершенно другое было мнение, и он все карты выложил на стол.

— За водярой он ушел, — вставил свои пять копеек Лом.

Прапорщик закрыл рот, он явно хотел что-то сказать. Но вмешавшийся Лом все спутал, и теперь он взял паузу, обдумывая, что сказать.

— Вы чего-то путаете, ребята. Здесь никого не было, ни вашего товарища, ни местных, — наконец произнес он. — Мальцев, ты видел кого?

— Никак нет, товарищ прапорщик, — четко произнес Мальцев.

— Слышали? Так что ступайте вон с поста, ищите своего солдата в другом месте.

Прапорщик развернулся и полез обратно в будку. Мы стояли неподвижно. Ну не то что мы были в шоке, такой вариант ответа подозревали. Но мы-то хотели услышать другое. Что теперь делать? Где этот урод Ряба? Куда он делся? Врет ли прапор? Опять одни вопросы. Я пронзительно посмотрел на Мальцева. Тот уловил мой немой вопрос, но ответом было пожатие плеч.

— Как думаешь, врут они? — когда мы немного отошли, спросил Лом.

— Да фиг его знает. Может, врут, а может, нет. В принципе, зачем им врать? Не вижу смысла скрывать правду.

Назад в палатку мы вернулись довольно быстро. Промокли почти до нитки. Дождь усиливался. Паштет уже

вернулся от дежурного по штабу. Глядя на то, какими вопро-
сительными глазами все смотрят на нас, мы поняли, что
Паштет вернулся ни с чем.

— Нуууу??? Не молчите, говорите. Узнали что? — начал
Паштет.

— Да никто его на КПП не видел, — снимая мокрую оде-
жду и пытаясь пристроить к печке, чтобы просушить, отве-
тил я.

— У меня тоже пусто, не было его в штабе, — не дожидая-
сь нашего вопроса, сказал Паштет. — Что делать будем?

Мы с Ломом одновременно направились к противопо-
ложной стене палатки, где висел график дежурств. Быстро
найдя фамилию Рябова, сопоставили с числом 8 марта.
Ну да, он сегодня в 20.00 заступает дежурным по автопарку.
Кого он сменяет? Получается, Саню Афоню.

— Надо все доложить своему командиру. Может, он
что-то придумает, — сказал я и добавил, — Хотя что он может
придумать? Побежит к начальнику ММГ.

— Может, до ужина подождем? Вдруг вернется, а мы
только панику навели, — предложил Лом. — После ужина
еще есть пара часов до наряда. И если Ряба не вернется, то тог-
да доложим, и командир назначит другого дежурного по ав-
топарку. Я сегодня свободен от нарядов, предложу себя.

Все согласились подождать, но праздник был испорчен
напрочь.

3

На обеде повар, Костя Сизый, передал нам еще одну
банку паштета и пару банок сгущенки, типа к праздни-
ку припас. Говорить ему про Рябу не стали. Он на сво-
ей кухне иногда ночует. Да если и приходит в палатку
сюда, то очень поздно. Не стоит его втягивать, а то бу-
дет переживать. После обеда предприняли еще попыт-
ки поискать Рябу. Илья Соболев сходил в медицинскую

палатку, я сходил к Сане в автопарк, Паштет сгонял в горы на пост. Все впустую — Рябы нигде нет. Каждый занимался своими делами, разговаривали мало. Выходя покурить, все смотрели в сторону КПП. Я вспомнил, как меня, никого не предупредив, забрал в качестве десанта на БТРе зампотех капитан Коробов. Но в эту версию уже никто не верил. Вспомнили Сергея Чуйко, нашего водителя бронетранспортера. Мы знали, что он сидит в следственном изоляторе и ждет своей участи. Посадят, наверное.

— Лом, ты Рябу последний видел. Может, он что говорил, что-то запланировал, намекнул как-то? — не выдержал Илья Соболев. — Ну надо что-то делать, не сидеть же, как инвалиды.

— Да везде уже вроде искали, — хотел было остудить пыл Ильи я. — Нет его в ядре, давно дал бы о себе знать. Он же, хоть и дурак, но должен понимать, какие могут быть последствия.

— Да вроде ничего такого не говорил, — начал вспоминать, нахмурившись, Лом. — Сказал, что быстро вернется. Что слышал от кого-то, что с утра к девяти часам вроде на точку Захид придет.

— На какую точку придет? У нас она не одна, не только на КПП, — подскочил Паштет.

— Вроде про КПП говорил, — Лом смотрел на Паштета отсутствующим взглядом. — Что-то я уже сомневаться начал. Разговор про КПП точно был.

— Может, он вчера на КПП узнал, что Захид придет на другую точку сегодня? — я также стоял возле Лома и смотрел ему в глаза.

— Да черт его знает, — развел руками Лом. — Все может быть.

Появилась пауза, все стали обдумывать сказанное. Я решил первый прервать молчание и выдвинуть свою версию из сложившейся ситуации на данный момент.

— Мужики, предположим, что он встретился с Захидом не на КПП. И тогда его там и местных действительно не видели. Возникает вопрос, и что дальше? Захид не взял спиртное или уже всю водку слил кому-то до встречи с Рябой, и тот пошел с ним в аул?

Немного отойду от текста. Не знаю, почему мы называли что чеченские, что ингушские населенные пункты аулами. На самом деле там небольшие деревни, как и у нас, назывались селами, поселками, если покрупней — то станицами. Я могу по привычке и дальше говорить аул. Не обращайтесь внимания, ведь по сути смысл написанного не теряется.

— А может, Захид не пришел в указанное время, и Ряба прождал какое-то время и решил пойти сам в аул за водкой? — предложил свою версию Илья.

— Да блин, что гадать. Может так, а может, еще что, но скорее всего, так или иначе, Ряба не в ядре, а в ауле. Если это как-то связано с Захидом, то искать его надо в Мар-Усойе, откуда этот чужак родом, — сказал Паштет.

— Ты, дурак, собираешься идти Мар-Усой прочесывать? — почему-то не удивился я.

— Конечно, надо идти. Вдруг что-то выясним. Может, вообще помощь нужна, — поддержал Паштета Лом. — Кто с нами?

— Я с вами иду, — вставая с табуретки, сказал Илья.

— Отлично, еще четырех нет, часа за два обернемся, — снимая со спинки автомат, подытожил Паштет. — Леха, ты с нами? Ряба, не раздумывая, за любого из нас пошел бы.

— Да с вами, куда я денусь, — был мой ответ.

Главное, чтобы можно было незаметно покинуть ядро. До аула километра три. По дороге идти опасно. Но даже если по бездорожью рядом с дорогой двигаться, то бегом за полчаса доберемся.

— Ну, помчали, нефиг сиськи мять.

Мы вчетвером с автоматами за плечами вышли из палатки. Дождик моросил, но уже не так лихо. Что промокнем, мы, конечно, знали. Да еще и после утреннего похода на КПП одежда не до конца высохла. Но, с другой стороны, это играло нам на руку — больше вероятность, что прорвемся незамеченными. Мало кто любит гулять под дождем. Мы пешком, не спеша, чтобы на всякий случай не привлекать внимания, пошли в сторону КПП. Решили идти, разбившись на две группы по два человека, с интервалом в метров пятьдесят, не выпуская друг друга из вида. Через некоторое время показался КПП. Мы резко повернули в сторону овцефермы (кошары), где когда-то, по приезду сюда, мы ночевали в своих машинах.

Местность мы знали уже хорошо, не раз колесили по этим дорогам. Бывали и в этом маленьком ауле в Мар-Усой. По крайней мере, я точно один раз посещал это место, когда был в наряде дежурной машиной. С начманом приезжали для налаживания контакта с местным населением. Начальник ММГ поговорил с каким-то старейшиной полчаса, после чего мы уехали в другие населенные пункты.

Мы зашли за кошары, далее надо было спуститься с холма. Проселочная дорога сильно петляла. Мы решили идти напрямую, прячась за отдельные деревья, за сопки. Чуть в стороне виднелся населенный пункт под названием Шалажи. От ядра до Шалажи напрямую всего с полкилометра. Нам же надо было уходить правей. Спустя двадцать минут быстрого бега мы уже подходили к аулу.

Перед нами выросли отдельные глиняные домики. Многие были выкрашены в белый цвет. Кто был побогаче, у тех дома были облицованы красным кирпичом. Сам населенный пункт имел дворов тридцать со своей маленькой лавкой. Дома были хаотично расположены на холмистой местности. Более-менее выделялась главная улица

с насыпной дорогой. Дорога проходила по центру села и уходила дальше, к другим населенным пунктам. Некоторые дома находились выше, некоторые ниже от центральной улицы. К многим дворам от главной дороги шла только тропа. Повсюду виднелись какие-то развалины. Некоторые дома стояли черные, с выгоревшими окнами и сторевшими крышами. Хозпостройки также напоминали груды камней. Заборы из сложенных друг на друга камней. У некоторых и забора не было, только загоны для овец. И везде была грязь. Только три дома в начале села и пара в конце были большие, из красного кирпича, с высоким кирпичным забором. Непонятно, как их обошла война.

Мы остановились перед селом возле большого каменного валуна. Хорошее место для наблюдения. Весь аул как на ладони. Даже у тех крутых домах из-за высокого забора можно было видеть часть двора.

— Какой у нас план будет? — почти шепотом спросил у всех Паштет.

— Наблюдать надо, — ответил Илья.

— Да, согласен с Ильей, — произнес я. — Полчасика посидим, отдышимся заодно. Потом немного стемнеет, и можно будет поискать дом Захида. И если он дома, то все разузнать. Надеюсь, многое прояснит.

— Если он дома, — сказал с сомнением Лом.

— Ну больше мы ничего сделать не сможем. Будем надеяться, что он дома и что встречался с Рябой и знает где он, — хотел я развеять сомнения.

Но есть же Паштет, который своим вопросом «А если он в плен к боевикам попал, если убит?» вызвал у нас настоящий гнев и, получив леца от Лома, замолчал надолго.

Каждый из нас об этом думал, но надеялся, что все обойдется. Если все действительно плохо, то мы в нарядах сгнием, а этот аул завтра будет зачищен десантниками. Может, и нас привлекут к зачистке. Пострадают жители, постройки, дома. И по любому все налаженные связи

и контакты с местными жителями, а конкретнее, со старейшинами этого села будут потеряны.

В это время закат солнца приходился примерно на шесть часов вечера. Но так как солнце было спрятано за тучами, казалось, что уже темнеет. Шел мелкий дождик. Все были мокрые, но на это никто не обращал внимание. При наблюдении мы уже вычислили дом Захида, потому что рядом с воротами стоял его жигули. Он не раз на этой красной «копейке» приезжал на КПП. Когда пригляделись, поняли, что в данный момент она не на ходу. Машина стояла без передних колес на подложенных вместо них кирпичках.

За то время, что мы наблюдали за селом, видели всего пару человек, которые из одного дома в другой ходили, да некоторые возились в своих дворах. Вообще, хорошее место для скрытой слежки. Даже промелькнула мысль: вот здесь бы поставить пулеметный расчет — и этому селу капец. Шансов на победу у них никаких. А лучше сюда поставить зенитную установку.

— Ну что? — первым нарушил тишину Илья Соболев.

Все понимали, что лежим уже долго. Время неумолимо летело. Надо было что-то предпринимать, дальше тянуть нельзя. Пофиг с ужином, если опоздаем. Но не вернуться к наряду будет катастрофой. Тогда точно всех поднимут в ружье. Еще посчитают дезертирами. Потом замучаешься доказывать особому отделу.

— Пора, — сказал Лом.

— Надо одного здесь оставить для прикрытия, — подал умную мысль Илья.

— Согласен, — поддержал я. — Пусть Паштет останется здесь, Лом станет у ворот, а мы с Ильей зайдем во двор. А там по обстановке. Как Бог даст.

Паштет после оплеухи слушался как школьник. Лом тоже не отказывался от своей миссии.

Я поднялся во весь рост, закинул автомат на плечо, поправил каску. Сердце бешено билось, ноги были какие-то

тяжелые. Все тело трясло, руки предательски дрожали. Хотелось думать, что от холода, но я прекрасно понимал, что это от страха. В это время на мое плечо положил руку Илья, прикладывая усилия, чтоб я пригнулся.

— Тише, тише. Смотрите, — прошептал он.

Я пригнулся и взглянул в сторону, куда кивнул Соболев. Увидел распахнутую калитку, которая открывала вход во двор дома Захида.

Думаю, здесь самое место вставить все, что установили впоследствии. Я немного подкорректировал, придав сюжету больше трагедии.

Ряба вместе с Ломом вышел из палатки покурить. На улице было прохладно, но чувствовалась весна. Солнце вовсю уже красовалось в чистом небе.

— Лом, у меня есть тема одна. Всем понравится, только пока никому не говори, — туша окурков сапогом, сказал Ряба.

— Что за тема? — заинтересовался Лом, пуля окурков далеко от палатки в грязь.

— Праздник же сегодня, надо отметить, — улыбался Ряба.

— Да кто бы отказался, — Лом посмотрел на Рябу. — Ты знаешь, где можно достать?

— Знаю, я уже припас канистру бензина в кошаре на краю ядра. Ребята с КПП говорили, что Захид придет на точку к девяти часам. Так что пару бутылок водяры с меня. Праздничный стол будет не пустой. Только правда, не говори пока никому. Пусть будет секретом.

— Отлично, молодчик, — обрадовался Лом. — С тобой сгонять?

— Да не, не надо. Я быстро, через часик-полтора обернусь.

Ряба ушел в сторону КПП, Лом вернулся в палатку. Конечно, секретом это не стало. Паштет сразу заметил веселое настроение Лома. Тот долго не мог сопротивляться, и после множества вопросов типа «Что такой довольный?» или «Куда ушел Ряба?» он поведал Паштету план Рябы. Паштет, в свою очередь, другим, и в итоге через полчаса знали все в палатке.

Ряба быстро дошел до кошары, отрыл канистру с бензином и побежал в сторону Мар-Усой. Он обманул Лома насчет встречи на точке, знал, что его могут не отпустить ребята, поэтому отказался от предложения Лома идти с ним. Он знал, где живет Захид, да и Захид его знал. Он уже с ним имел дела и, конечно, придурок Ряба думал, что это пустяк сгонять туда по-быстренькому.

Канистра была нелегкой, все-таки двадцать литров бензина. Приходилось часто делать остановки и отдыхать под каким-нибудь кустом или сопкой. Да и держался он ближе к дороге, которая вела в село. Так что на дорогу он потратил больше времени, чем предполагал. На обратную дорогу он думал потратить меньше, канистру оставить Захиду. А уж с парой бутылок будет легче, можно наверстать время. Главное, чтоб дома был Захид или сын.

И вот он остановился около машины, которая была без передних колес, подумав, вот почему его давно не видно за рулем, отдышался и постучал в калитку. Забор, ворота и калитка были высокие, и даже подпрыгнув, он не мог увидеть, что происходит за ними. На стук никто не ответил. Он забарабанил ногой — тишина. Промелькнула мысль, неужели нет никого дома. Но когда дернул за ручку двери, понял, что заперто на внутренний замок. Ударил ногой сильнее. Залаяла собака, послышался голос «На место псина». Ну наконец-то идет. Значит, дома. Повезло.

— Кто там? — рявкнул незнакомый голос.

— Мне с хозяином поговорить, с Захидом, — негромко в щелку калитки сказал Ряба.

— Зачем он? Ты кто такой? — настойчивый грубый голос задавал вопросы.

— Водка нужна за бензин, я канистру притащил. Служу здесь недалеко. Захид меня знает, мы уже с ним такое проворачивали, — стал быстро говорить он.

Дверь калитки приоткрылась, показалась страшное бородатое лицо незнакомца. Плохого ничего не подумал, может, родственник. Это действительно был племянник Захида. Он внимательно оценивающе посмотрел на Рябу. Немного подумав, приоткрыл дверь немного шире, чтоб только мог пролезть Ряба.

— Ну заходи, — произнес он.

— А Захид дома? — насторожился Ряба.

— Скоро будет, заходи, — улыбнулся бородач, сверкнув золотым зубом.

Ряба протиснулся в калитку. Бородач захлопнул дверь, лязгнув внутренний замок. Сразу бросился в глаза джип, стоявший во дворе сразу за закрытыми воротами. Немного подтолкнув Рябу в спину, незнакомец сказал «В дом иди, не бойся, сейчас дядя подойдет и все организует». Ряба, как под гипнозом, пошел через двор в направлении к дому. Залаял пес, бросившись навстречу. Длина цепи не позволила достать до Рябы. Но он инстинктивно отпрыгнул в сторону. Сзади шел бородач, он отогнал собаку. Ряба спиной чувствовал дыхание незнакомца. Он забрался на крыльцо, повернулся последний раз, бородач кивнул головой на дверь, давая понять, чтоб заходил. Скрипнула входная дверь, теплый воздух ударил в лицо. Перешагнув порог дома, Ряба увидел, что в холле, возле окна, за столом сидел второй незнакомец-бородач. Он заметил, что стол накрыт разными яствами, а рядом с бутылкой коньяка «Кавказ» на столе лежал автомат Калашникова. Еще успел подумать: «Пипец, сам пришел в гости к боевикам».

Дальше как будто выключили свет. Удар сзади по голове был такой силы, что Ряба рухнул на пол без чувств.

Сколько пролежал на полу, было трудно понять. Приходя в себя, Ряба попытался пошевелиться. Резкая, сильная боль в голове заставила прекратить все движения. Сознание приходило медленно. Ряба не понимал, что произошло, где находится. Подумать об этом не давала головная боль. Стучало в висках, стоял ком в горле, в желудке спазмы. Стошнило желчью. Ряба застонал. Боже мой, как больно. На глазах появились слезы. Прошла еще пара минут, как Ряба все осознал. Пошевелился, опять застонал. Он лежал на животе, руки были связаны сзади. Он повернулся на бок, в ушах все гудело и звенело.

— Очнулся, свинья русская, — услышал Ряба голос.

Бородатый здоровяк подошел к лежащему на полу нашему другу, схватил за воротник бушлата, рванул резко на себя, чтобы поставить на ноги. Рябу шатало. Незнакомец, продолжая держать его за воротник, чтобы тот не упал, ногой подвинул табурет и усадил его. Руслан стонал от боли, голова болталась, как на шарнирах, затем упала на плечи. Сзади волосы слиплись от крови.

Боевик небрежно взял за подбородок и, приподняв голову, спросил.

— Что собака, пришел на нашу землю с нами воевать? Шакал.

И с размаху ударил Рябу кулаком. В глазах искры, из носа брызнула кровь, его свернуло набок. Ряба со всего размаху слетел с табурета на пол. Бородач повторил ту же манипуляцию и усадил Руслана обратно на табурет. Слезы текли по щекам, кровь ручейком струилась на бушлат, окрашивая его в красный цвет.

— Шакал, молись своим Богам, жить тебе недолго осталось.

И второй удар в подбородок с отмашки не заставил долго ждать. Челюсть выдержала, но губы превратились в кровавое месиво. И опять вместе с табуретом он оказался на полу. Не успокоившись, боевик со всего размаха добавил ногой по ребрам. Если бы не бушлат, то ребра были бы переломаны.

— Пожалуйста, не надо. Ой, больно как, — стонал тихо Ряба.

Во рту он чувствовал вкус крови, который полностью заполнил рот. Попытался сплюнуть накопившуюся жидкость, но только смог приоткрыть рот. Губы распухли, и кровь со слюной просто стекали изо рта.

Боевик подошел к столу, налил рюмку коньяка, выпил одним глотком. Оторвал маленький кусочек лепешки, закусил. Плюхнулся на табурет за столом. Второй, кто назвался племянником Захида, до этого все сидел за столом, наблюдал за происходящим и периодически смеялся. Ему явно все увиденное приносило удовольствие.

— Может, выкуп за него дадут? — спросил племянник и взглянул на валявшегося на полу Рябу.

Лежа на боку, поджав колени и всхлипывая, Ряба плакал, приговаривая «Пожалуйста, не надо, прошу, пожалуйста».

— Не до него сейчас, сам знаешь. Кончать его надо.

С этими словами он встал и вытащил из ножен большой нож-клинок. Подошел к пленнику, за воротник поставил на колени, зашел за спину и схватил за волосы.

— Сейчас, как барана, буду резать, — произнес боевик.

Они оба захохотали.

— Сука, стрелял по нашим?

— Пожалуйста, неееет, я не стрелял, честно говорю, — взмолился Ряба.

Глаза были красные, все в слезах, лицо наполовину залито кровью.

— Врешь, падла.

Боевик резким движением дернул за волосы так, что голова задралась назад.

— Честно, прошу, не надо. Я жить хочу. Пожалуйста, меня дома мама ждет, сестренка, — умолял Ряба, слезы текли ручьем.

И тут Ряба почувствовал холод стали ножа у себя на шее. Острый кинжал стал впиваться в его горло. Это конец, подумал Ряба.

Вернемся к нам.

Мы затаились, стали наблюдать. Из калитки показалась фигура человека. Разглядеть, кто это, было невозможно. Все же расстояние было приличное, да и на улице пасмурно. Он осторожно посмотрел в разные стороны, понял, что никого нет на улице, и махнул кому-то внутри двора. Через несколько секунд показались еще две фигуры, одна из них поддерживала за руку другую. Все трое стояли рядом, о чем-то разговаривали. Жаль, что не было с собой бинокля.

— Один из них точно Захид, — предположил Лом.

— Скорей всего. Подождем, как разойдутся. Нам не стоит встречаться с его друзьями, — мыслил вслух Санек.

Паштет и я промолчали, мы были такого же мнения.

Как быстро летит время, только бы не опоздать к наряду. Ну, Ряба, ну, сукин сын. Заварил кашу. Но теперь отступать было некуда, надо идти до конца. Если бы мы знали, что произошло с ним, точно штурмом бы брали дом, даже не задумываясь.

Постояв минут пять, тройка разошлась. Вернее, один пошел по дороге в нашу сторону, а двое других зашли обратно во двор и закрыли за собой калитку. Мы решили подождать, пока третий, кто покинул остальных, скроется в каком-нибудь доме. Скорей всего, житель этого же села, друг Захида, был у него в гостях.

Человек никуда не зашел, прошел мимо последнего дома и шагал дальше. Когда поравнялся с нами, то мы уже могли с сопки рассмотреть, что он был в бушлате, и походка была, как у Руслана.

— Ряба, — сначала полупшепотом сказал Паштет.

— Точно он, — продолжил Лом.

— Ряба, это ты? — уже крикнул Паштет, вставая.

Человек остановился, повернулся в нашу сторону. Только прохрипел «Я».

Паштет и Лом сорвались с места. Сбегая с сопки, все кричали: «Ряба, друган, живой!». Они обнимались, пока мы с Саньком тоже не спустились.

— Ряба, что случилось? Как ты? — обнял его и я.

— Тише, тише вы. Башка раскалывается, — немного застонав, сказал Ряба, неестественно улыбаясь.

— Кто тебя отделал? Это Захид с дружками? — Лом был взвинчен до предела. — Да я сейчас всех там замочу.

Лом хотел уже развернуться и бежать в дом к Захиду. Но Ряба схватил за рукав и, повысив голос, резко отрезал:

— Нет, Захид спас мне жизнь.

5

До наряда был еще час. Лом согласился поменяться с Рябой и вместо него заступит сегодня в наряд. Всю обратную дорогу мы расспрашивали Рябу. Он не скрывал от нас ужасы, которые пришлось пережить. От шока он отошел, а мы были в шоке. Не хотелось быть на его месте в тот момент. От ужасных воспоминаний не отойти никогда. Психологическая травма самая тяжелая. Что нос сломан и губы разбиты — ерунда. Все это проходили на первом году службы. Многим и ломали нос, и разбивали губы.

— Ну, а дальше что? — не успокаивался Паштет.

Впереди виднелись огни ядра, шли быстро, где-то перебежками. Иногда из-за Рябы приходилось останавливаться. Ему просто необходимы были передышки.

— Ну вот, только, значит, он поднес к горлу нож, — после паузы продолжил Ряба, прислонившись к дереву.

Ряба стал задыхаться, голос дрожал. Но он взял себя в руки и заговорил вновь:

— Сначала я услышал лай собаки. Думаю, боевик тоже это услышал, нажим на горле немного ослаб. Через несколько секунд дверь открылась, и в дом зашел Захид с сыном. Увидев всю картину происходящего, Захид обалдел. Он с выпученными глазами уставился на бородача, державшего у шеи Рябы кинжал. Затем взгляд Захида переключился на племянника. С криками «Саид, что здесь происходит?» он сделал несколько шагов в сторону племянника. Сын Захида стоял на месте с открытым ртом. Саид вскочил со стула.

— Дядя, мы тут немного русского, ну это... — племянник явно нервничал, пытаясь подобрать слова. — Ну он же враг.

— Он неверный и воюет на нашей земле с нами, убивает наших отцов, братьев, сыновей, — начал вставлять свое слово бородач, но нож опустил. — Неверным и врагам Ичкерии смерть.

— Молчать! Здесь вам не Ичкерия, — брызжа слюной, закричал пожилой чеченец. — Вы у меня дома, а не в горах на войне.

— Как ты мог в моем доме оголить кинжал? — он посмотрел на бородача. — А ты как мог все это допустить? — суровый взгляд упал на племянника.

Старик на время замолчал, схватился за сердце, медленно подошел к столу и сел на табурет.

— Дядя, что с тобой? Тебе плохо? — подскочил к нему Саид.

— Замолчи, — стукнул по столу дядя, все еще продолжая держаться за сердце. — Сын, развяжи русского, пусть умоется. И подождите вон там в комнате.

Бородач, спрятав ножик, отошел в угол комнаты. Сын Захида подошел к пленнику и, развязав веревки на руках, помог встать. Сполоснувшись в умывальнике прохладной водой, Ряба вслед за сыном Захида пошел в соседнюю комнату. Но чеченцы настолько громко разговаривали, что все было слышно и понятно.

— Вы понимаете, многие в курсе, что этот солдат был в этом селе, у меня. Если бы вы убили его, завтра же здесь была бы сотня их, — продолжал Захид уже более спокойно. — Они это село выжгут дотла. Вы понимаете это своими бараньими мозгами?

— Да, понимаем, дядя, — опустив голову, сказал племянник.

— Извини, дядя Захид, — проговорил второй бородач.

Конечно, уважение на Кавказе к старшему поколению у молодого всегда было безмерным. Всегда слушались и поклонялись старшим.

— Может, его уже ищут. Вам срочно надо уезжать. Товар привезли?

— Да, дядя. В хозпостройке выгрузили, как обычно. Сегодня двадцать ящиков.

— Там же бочка с бензином, тоже пока двести литров. Закатывайте быстрее в машину и уезжайте, — Захид волновался.

Через пять минут машина завелась и уехала в неизвестном направлении.

Захид зашел в комнату. Ряба сидел в кресле, согнувшись, держась руками за голову и немного раскачиваясь. Увидев чеченца, он встал. Тот по-отцовски обнял за плечи.

— Прости, мой дорогой. Они молодые, ничего не понимают. Аллах покарает их.

— Спасибо тебе, Захид, спас ты меня, — спокойно ответил Ряба, не обращая внимания на его слова.

— Спаси и ты меня, не рассказывай своим, что здесь произошло, — стал умолять Захид. — Клянусь Аллахом, такое не повторится. Проси что хочешь.

— Не беспокойся, Захид, командиры мои точно не узнают, — сказал Ряба и через паузу добавил: — Если, конечно, успею до восьми часов вернуться назад.

— Да, да, конечно. Ты в порядке? Можешь идти? Ох, машина сломана, я бы подбросил.

— Да не стоит, пойду я, успею.

Слава Богу, добрались до ядра, а потом и до палатки без приключений. По самому ядру пробирались по одному и несколькими тропами, чтобы было менее заметно, не толпой. Уже было темно и довольно прохладно, хотя дождя не было. Зайдя в палатку, услышали восторг сослуживцев, которые ждали и переживали за нас. Все накинулись на Рябу с обнимашками и с многочисленными вопросами. Понятное дело, все хотели знать подробности.

— Дайте немного отдышаться, башка еще болит, — отбивался от всех, кто был в палатке, Ряба.

Он присел на кровати, не снимая окровавленный бушлат. Видно было, что он устал. Кстати, мы тоже, денек выдался не из простых. На ужин, естественно, мы опоздали, но наши ребята принесли в котелках наш паек. Я успел заметить, что на столе, так же как и утром, лежали бутерброды с паштетом. Еще стояли переданные поваром на обеде целая банка паштета и две банки сгущенки. Никто из ребят даже не думал дотронуться до праздничного стола, пока мы отсутствовали. Все ждали нас с надеждой на лучший исход.

При взгляде на стол заурчало в желудке, захотелось кушать. Ряба тоже посмотрел на накрытый стол.

— Жрать хочу, пацаны, целый день без куска в горле, — наконец проговорил он. — Давайте отметим праздник и мой второй день рождения.

С этими словами он вытащил из рукавов бушлата две бутылки водки. Нашему изумлению не было предела. Ай да Ряба, он совсем недавно побывал в аду и даже оттуда он принес два пузыря спиртного.

Хотя был праздник 8 Марта, но первый мой тост был:

— С возвращением, друган.

Глава 2

11 марта 1996 года

1

После обеда я почувствовал слабость. Я прилег на кровать прямо в одежде и накрылся одеялом. Стало знобить и трясти. Ну вот, не хватало заболеть.

— Леха, что развалился? Не выспался? — спросил Саня.

— Что-то мне нездоровится, — ответил я. — Полежу чуть, может, пропотею — полегчает. Сегодня мне в наряд не надо.

— Где ты уже успел? Может, к медсестре сходить? — спросил Саня.

Подойдя ко мне, он ладошку положил на мой лоб.

— Да, лоб горячий.

— Да ну, мелочи, до утра пройдет.

Провалялся я до вечера в полудреме. К вечеру температура поднялась до 38 градусов. Саня сбегал в медпункт, принес градусник и таблетки от температуры. Ужинать не стал — не хотелось. Попил горячего чая — и опять в кровать. Ночью просыпался в холодном поту, снились кошмары. Под утро полегчало, но температура еще была.

— Все, давай уже иди в медпункт, — Лом был настойчив. — Может, это зараза какая. Хочешь нас заразить здесь?

Ничего не оставалось делать. После завтрака пошел в медпункт. Я зашел в палатку, за столом сидела медсестра Марина и что-то записывала в журнал.

— Здравия желаю, товарищ прапорщик, — поздоровался я.

Увидев ее, сразу вспомнил, в каком дурацком положении был я, когда проиграл в карты и бегал голый. Она посмотрела на меня, улыбнулась — узнала. Стало опять неловко.

— Ну, здравствуй, проходи, садись сюда, — она указала на стул, который стоял рядом с ее столом, в непосредственной близости от нее.

Я сел в ожидании, что будет дальше. От нее пахло духами. Было приятно находиться рядом с девушкой. Давно я подобное не ощущал. Хоть организм был слаб, но легкое возбуждение внутри я почувствовал. Почти полтора года без женщины, каково это? До армии у меня уже был кое-какой опыт отношений, и секс был. Но, признаться, здесь, в армии, за все это время даже и не думал о сексе. А сейчас почему-то во мне проснулось мужское чувство.

В легенду про хитрый порошок бром, который якобы подсыпали солдатам в компот или кашу, чтобы убить их либидо, я не сильно верил. Не секрет, что употребление брома действительно влияет на головной и спинной мозг. По утверждению медиков, бром обладает «легкими седативными свойствами, подавляя рефлекторную возбудимость». Но если с дозой переборщить, то это приведет к химическому отравлению. Кто возьмет на себя ответственность и будет дозировать бром, чтобы подсыпать в пищу? Не повара точно, тем более практически все они являлись солдатами срочной службы. И, конечно, нельзя не верить, например, нашему повару Косте Сизому, который категорически отрицал это.

Мое мнение — у солдат реально может пропасть сексуальное желание во время прохождения службы. Но не из-за действия брома, а из-за элементарной усталости, стресса, непривычного питания. По себе знаю, что в первые недели призыва все силы уходят на перестройку под новый уклад жизни и привыкание к строгому распорядку дня. Все проходит очень болезненно после маминых пирожков и теплой домашней постели. Ранние подъемы, огромные физические нагрузки, постоянные придирки сержантов и дедов, невкусная еда — это всё и сказывается на молодом организме. Какой может быть секс! У солдата в армии два

заветных желания: выспаться и нормально поесть. Мысли о девушках и любовных утехах приходят в самую последнюю очередь, и то к концу службы, то есть к дембелю.

— Какие жалобы? — спросила она.

— Да вот, заболел, температура, кости ломит, слабость.

— Ну давай посмотрим, — подала она градусник.

Температура 37,4. Стетоскопом прослушала легкие, сердце. Измерила давление.

— ОРЗ, — выдвинула свой диагноз медсестра. — На пару дней я тебя изолирую для дальнейшего наблюдения.

Я даже этому был рад, полежу, поболею, зато отдохну от нарядов.

В медпалатке нас было пять человек, кто с температурой, кто с поносом после отравления. Один паренек, рядовой Михаил Гусев по кличке Гусь, лежал с переломом ключицы. По его словам, не удержался на БТРе и слетел с него на полном ходу. Я сразу вспомнил Сергея Чуйко: как он гонял, говорил, что пуля его не догонит.

Как обычно и бывает, к вечеру температура поднялась. После ужина на вечерний обход к нам пришла медсестра Марина, она ставила градусники и раздавала лекарства.

— Как себя чувствуешь? — спросила она, подойдя ко мне, и положила ладонку на лоб. — Да ты весь горишь. Бедненький, тяжело, потерпи.

Она невзначай погладила меня по волосам на голове. Меня бросило в дрожь, начало трясти как назло. Она повыше накрыла одеяло, погладила по плечу и сказала: «Попробуй засни, завтра будет легче». Как она отошла от меня, я уже не помню. Я провалился в темноту. Всю ночь меня трясло, часто просыпался. Утром проснулся весь мокрый и действительно чувствовал себя намного лучше.

Увидев, что я проснулся, Миха Гусь поинтересовался:

— Леха, а что это было?

— Что? — не понял его я.

— Сестричка к тебе неровно дышит.

— С чего ты взял?

— Как будто не видно. С нами она так не ведет себя, — Миха подошел ближе, чтобы не нужно было громко говорить. — И «бедненький», и «потерпи», и по головке погладила, и одеяло поправила. Только что не сказала «милый» и не поцеловала.

— Да я толком не помню. Преувеличиваешь ты все, — ответил я, но самому было приятно думать об этом и хотелось, чтобы Миха говорил правду.

В это время вошла медсестра, посмотрела в мою сторону и улыбнулась. Не обращая ни на кого внимания, подошла ко мне и дотронулась до лба рукой.

— Ну вот, уже лучше, температуры практически нет. Вот таблеточка, выпей и поешь немного, хоть через силу.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Остальным она молча раздала градусники. Я смотрел, как Миха Гусь издевательски, с ухмылкой смотрел на меня. А мне было приятно.

2

— Привет, братан, как ты? — войдя в медпалатку, спросил улыбающийся Ряба.

А Ряба заметно повзрослел, можно сказать, постарел. На висках появилась седина. Господи, а ему еще только девятнадцать лет. Не дай Бог кому-то испытать такое. Я не представляю, что бы было со мной, будь я на его месте. Впредь я никогда не буду жаловаться на судьбу. Из-за каких мелочей порой мы переживаем!

— Привет, да нормально, поправляюсь, — ответил я. — Думаю, скоро выпишут. Завтра, скорей всего. Температуры уже нет.

— Да, да, его хорошо лечат, прекрасный уход, — съязвил Гусь.

Я показал ему кулак, давая понять, чтоб заткнулся. В палатку вошли также Санек и Паштет. Тоже выглядели счастливыми. Подозрительно как-то. Во-первых, все счастливые. Ну ладно, Ряба с Паштетом по жизни улыбаются. Но Саня обычно серьезен. Во-вторых, пришли толпой. Что-то они замутили. Надо держать ухо востро, всего можно ожидать. Ряба взял стул и поставил рядом с кроватью. Я, в свою очередь, поднялся с кровати и сел.

— Ты точно хорошо себя чувствуешь? — поинтересовался Санек Афоня. — Готов к неожиданным новостям?

— Да бля, что случилось? Какие новости? — вопросом на вопрос ответил я.

— Набери воздуха, — Ряба сделал паузу. — Серегу Чуйко отпустили. Он уже здесь, сейчас в штабе. Туда и командира нашего вызвали.

— Вот это новость! — не скрывал своего удивления я. — Как отпустили?

— Вот так. Взяли и отпустили. Признали невиновным. Вроде как посчитали несчастным случаем, — радовался за товарища Паштет. — Ну он как из штаба в палатку придет, надеюсь, сам все расскажет. Подтягивайся вечером, отметим это события.

— Рад за Серегу, — ответил я. — Не знаю, как насчет подскочить вечером, спрошу, конечно, у медсестры.

— Попробуй, попробуй, будем ждать, — поднимаясь со стула, сказал Ряба.

— Ну ладно, мы пошли. Выздоровливай, удачи, — пожелал Санек.

— Удачи, — ответил я вслед уходящим друзьям.

Я прилег на кровати, размышляя: вот настоящие друзья, и в огонь и в воду за тебя, и ты за них. Сколько мы уже вместе? Всего полгода, а кажется — лет десять знакомы. Пуд соли уже съели точно вместе в окопах, последним куском хлеба делились. Что ждет нас впереди? Какие испытания нам приготовила судьба?

Мои мысли прервал Гусь:

— Слышал я про Чуйко. Друг твой?

— Друган, отличный парень, рискованный, сучара. Без башни точно.

— Ты сходи к медсестре, раз нет температуры, отпустит, — продолжал Миха. И кажется, сказал он это без сарказма, по крайней мере, без улыбочек своих тупых. — Объясни ситуацию. Она поймет — хороший человек.

— Ты прав, — поднимаясь с кровати, сказал я. — Пойду к ней, все объясню.

— Здравия желаю, — зайдя в палатку, я поздоровался с медсестрой.

Эта отдельная палатка является кабинетом старшей медсестры. Там она принимает больных. Также там проводились перевязки и экстренные операции. Операционная была отгорожена от кабинета ширмой.

— Здравствуй, проходи, — оторвавшись от чтения какой-то книги, Марина взглянула на меня. — Ну вот, отлично выглядишь, есть какие-то вопросы?

Она сидела, как обычно, за своим столом, в белом сексуальном халатике медсестры.

— Вопросов никаких нет, — я присел на стул рядом, куда она указала рукой. — Я хотел отпроситься. Чувствую себя хорошо, температуры нет.

— Вот как?

Она подвинулась ближе, протиснула свою ногу между моими, положила руки на мои колени и наклонилась ко мне. Аромат ее духов ударил мне в нос, запах вскружил голову. Я инстинктивно сдвинул свои колени, сжав ее колени. На что она отреагировала улыбкой. Стул, на котором сидела медсестра, сдвинулся в мою сторону вплотную, колено ее продвинулось между моих и уперлось в пах. Руки, которые до этого лежали на моих коленях, медленно поползли вверх по бедрам. Получилась так, что она полностью прижалась ко мне. Губы ее почти прикасались к моим губам, я ощущал ее

упругие груди. Я смутился немного. Бросило в дрожь и в жар, но не от температуры. В горле образовался ком, во рту все пересохло. В голове чёрти что происходило. С одной стороны, мне все происходящее нравилось, и хотелось продолжения. С другой — был испуг и, естественно, отсутствие опыта в этом. Я не знал, как мне поступить, чем ответить.

— Мы сейчас проверим, здоров ты или нет, — Марина продолжала сверлить меня глазами и улыбаться, пытаясь еще ближе прижаться ко мне.

Ее губы сначала легонько коснулись моих. Почувствовав вкус ее губ, я немного приоткрыл рот. Этим воспользовалась Марина и просунула свой язык. Прикосновение губ стало сильнее, превратившись в жаркий, долгий, страстный поцелуй. Одновременно одна ее рука скользнула под гимнастерку и стала гладить мое тело. Другой она мастерски расстегнула ширинку, рука оказалась под кальсонами. Она обхватила ладонью мой член. Я от удовольствия прикрыл глаза и тихо застонал. Поцелуи усилились. Это было прекрасно. Я возбуждался так, что моей плоти стало тесно в штанах. Марина, поняв это, освободила его из кальсон, посмотрев на него, сказала «уххх ты, какой крепкий», принялась нежно гладить его. Потом крепко сжала его и принялась двигать рукой. Дааа, хорошо так. Да, продолжай, как же прекрасно. Я в свою очередь, расстегнув халат, залез рукой под лифчик и коснулся ее груди. Упругие, теплые груди вздымались от учащенного дыхания. Я стал целовать ее шею, она застонала. Я так хотел поцеловать ее грудь, но стеснялся это делать. Ее движение рукой стало более энергично, все интенсивней и интенсивней. Я стиснул сильнее ее грудь, и вот он — пик. Сердце бешено забилося. Еще пара движений — и оргазм. Я выгнулся, застонал, и пульсирующая струя спермы вырвалась на свободу.

Секунд десять мы сидели неподвижно, затем Марина встала. Достала из стола салфетки, вытерлась сама и протянула мне. Я молча вытерся, застегнул ширинку. Она поправила лифчик, застегнула халат.

— Ну что ж, ты полностью здоров. Сейчас выпишу справку, — приведя себя в порядок, сказала она.

Я молча встал, не знал что сказать. Я чувствовал, что что-то не сделал или сделал не так. Я хотел ее, хотел целовать ее везде, хотел секса. Но я промолчал о своем желании, а она не почувствовала это. Вот черт, я же мужик, а сидел и не мог ничего сделать. Может, она хотела большего. Хотела, чтоб я был активней, как стыдно. Два чувства боролись во мне — чувство стыда и чувство восторга. Мне хорошо было с этой девушкой. В эту минуту пришло осознание — я влюбился.

— Спасибо, — только и мог выдать я из себя, беря протянутую справку.

Она отвернулась, я вышел из палатки.

3

Выйдя от медсестры, я прищурился от солнца. Погода была чудесная, красивый пейзаж гор подчеркивал прекрасную природу Кавказа. Настроение было двояким. Может, я и опозорился. Ну нет опыта, ну двятнадцать лет мне всего. Все победы еще впереди. Зато она выбрала меня. Нас здесь сотни, а она выбрала меня. Может, она не только со мной, может, она со многими как со мной? Ну и пусть если так. Сейчас я был с ней, и она сделала меня счастливым. Может, она даст мне второй шанс? И тогда я не подведу, не растеряюсь и сделаю приятно ей, сделаю счастливой ее. О чем я думаю? Она замужем за моим начальником, зампотеха Коробовым. Да еще она намного старше и выше в должности. А кто я такой? Простой солдат срочной службы. Леха, будь ты реалистом. Хватит голову забивать. Но внутренний голос мне пел: тебе с ней хорошо, ты в нее влюблен, и если будет еще шанс, обязательно им воспользуйся. С такими мыслями я зашел в палатку, где лежал, за личными вещами.

— Ну что сказала, отпустили? — спрыгивая с кровати, спросил Миха Гусь.

— Да, все норм, вот за вещами зашел.

— Ну, я другого и не ожидал, — опять с иронией в голосе заявил Гусь.

— Да ну тебя. Гусь он и в Африке Гусь, — махнул я рукой.

Когда я вернулся в палатку, все, кто там был, обрадовались моему выздоровлению.

— С возвращением, — первый поздравил Лом.

— С выздоровлением, — откликнулись другие.

— Спасибо всем, — бросив вещмешок на тумбочку, ответил я. Оглянулся по сторонам. — А где Серега Чуйко?

— Да еще в штабе. Непонятно, что так долго прессуют опять, — недовольно буркнул Паштет, прихлебывая чай.

— Понятно. Наверное, расспрашивают, что и как. Только реально долго.

До обеда оставалось немного времени, лежать не хотелось. И так за дни, которые пробыл в медпункте, все бока отлежал. Я вышел на улицу покурить. Солнце находилось в зените, небо было чистое. Днем бушлаты уже не надевали — тепло же. Только по утрам и вечерам было еще прохладно. Грязь вокруг высыхала на глазах, в некоторых местах земля даже потрескалась.

Закурил, глубоко затянувшись. Воспоминания снова заставили меня пережить минуты встречи с Мариной — с одной стороны, позорные, но с другой стороны, превосходные. Прекрасная женщина, милая, нежная и такая желанная. Я остро вспомнил все ощущение. Заныло в душе, сердечко сжалось. Я уже заскучал по ней. Хотелось побежать в палатку, к ней, к Марине. Встать на колени, обнять ножки и заплакать: не бросай меня, позови еще раз, обними, поцелуй меня, подари мне свою любовь и теплоту. Комок опять подошел к горлу, на глазах навернулись слезы. Нет, надо выбросить все из головы. В наряд лучше, в бой лучше. Как все несправедливо!

Докурив и швырнув окурок далеко в сторону, вытер глаза и зашел в палатку, где стоял гул как в улье. Лом с Рябой боролись. Паштет прыгал рядом и болел. За кого — непонятно,

наверное, за всех по очереди. Кто-то спал после наряда, но как здесь можно спать. Телевизор что-то бормотал, передавал прогноз погоды. Кто-то писал письмо домой. Надо бы и мне написать, а то уже пару дней не писал — мама с папой будут волноваться. Обычно я старался писать каждый день. Младший братик дома. Сколько ему? Четырнадцать лет недавно исполнилось, подросток уже. Помню, полтора года назад, когда ко мне на присягу приезжали, бегал такой мелкий. Казалось, как это было недавно, и все же как это было давно. Вспомнил папу, маму. Как она там? Девушки у меня нет. Не было той, кто меня дожидается.

Марина, медсестричка, солнце мое. Развить мысль не дал Сергей Чуйко. Он просто ворвался в палатку, вскинул руки вверх и закричал: «Пацаны, родные мои», ладонью закрыл глаза. Слезы, слезы радости.

Все бросились обнимать его.

Я заметил, и не только я, как похудел Серега, даже как-то вытянулся. Щеки и глаза провалились, цвет кожи какой-то желтоватый, с синяками под глазами. Не надо было быть квалифицированным врачом, чтобы понять, что здоровье у него не идеальное. Ему бы недельку отлежаться. Его камуфляж как будто не его размера, весь потертый и заштопанный. Он улыбался своими белоснежными зубами. Я уже стал забывать, какие у него белые зубы. Не раз у него спрашивал «У тебя особая зубная паста?». Хотя с любой зубной пастой были перебои — это здесь уже роскошь. На что он отвечал: «Это от природы такие зубы».

После обнимашек он сел на кровать, а мы все расположились по кругу.

— Давай, рассказывай все, — не терпелось Рябе.

Не терпелось и всем остальным.

— Ну, вообще меня выпустили два дня назад, только сюда не на чем было добраться. Специально сюда не едут, а колонна к вам не спешила, — начал свой рассказ Чуйко. И продолжил:

— Самая тяжелая пытка — это ждать. Ждать каждый день, когда будет суд и приговор. Психологически это тяжело. В остальном можно привыкнуть. Да, находиться в следственном изоляторе не просто, но и не смертельно. Условия содержания жесткие, конечно. Подъем в шесть утра, обход инспекторами, завтрак. Такое говно иногда дают, что жрать невозможно. Иногда подкидывают ребята что-то съестное, но это редко. Со мной постоянно от семи до десяти человек в камере было, кого-то уводили, других подсаживали. Такая карусель.

— А за что там обычно другие сидят, — перебил Паштет.

— В моей камере в основном убийцы, — улыбнулся Сергей. — Один духу, первогодку, в грудную клетку зарядил кулаком, у того клапан сердца перекрылся. Еще несколько были из мотоманевренных групп, которые в других районах Ингушетии дислоцируются, они местных замочили. Были и воры. Один умудрился несколько «калашей» украсть и продать. С разными статьями были. В другой камере самострелы и дезертиры сидят. Специально в отдельной, чтобы другие зеки самосуд не учинили.

— Убил бы дезертиров, — вставил Лом.

— Лом, не перебивай, — пихнул его Ряба.

Сергей Чуйко продолжил:

— Так вот, нары деревянные после завтрака убирали, даже посидеть нельзя. Если только на бетонном полу. До обеда обычно кто полы драит, кто туалеты, разные работы. Каждый день положено проводить часовую прогулку на свежем воздухе. Несколько камер поочередно выводятся в прогулочные дворики с бетонными стенами, железной дверью и решеткой вместо потолка. От прогулки, конечно, можно отказаться. Но если будет только один желающий из всей камеры, то его не поведут. Как и не оставят одного в камере. Придется остаться кому-то еще для компании. Или же сокамерники «внушат» желание сходить прогуляться. То же самое касается и выводов в баню. Они происходят раз в неделю. Поэтому, если кто-то

отказывается туда идти, и остальным нужно выбрать того, кто с ним останется, то сотоварищи очень доходчиво объясняют отказнику, что чистота — залог здоровья.

— Даже в баню вас водили. А у нас тут одно название, сам знаешь, — вмешался Лом.

— Знаю, но не думай, что там парная с веничком была. Весь гарнизон помоеется, потом нас ведут. Под душем постоишь, хозяйственным мылом потрешься — и все, да еще и по времени ограничено.

— Жесть, — посочувствовал Паштет.

— Да, ко всему привыкаешь, — добавил Сергей. — Правда, капитан один, гнида, когда заступал, издевался. Садист просто, здоровый как бык. Не давал нам покоя, заставлял нас ползать, гусиным шагом ходить. Вон весь камуфляж защит-перешит.

— Да послали бы его, — злился Лом.

— Ага, пошли его попробуй. Он психопат, может в лоб дать или еще хуже — посылку от сослуживцев не разрешит передать. Хоть радостного там мало, но и этого может лишить. Ковыль его фамилия. Если будет возможность, отомщу. А так все однообразно. Отбой в 23.00.

— А как отпустили? Что сказали и чего так долго держали? — спросил я.

— Местная прокуратура хотела к себе забрать, для проведения следствия, и вынести свой приговор. Наша военная не отдала, доказала, что военный трибунал судить должен. Спасибо им. Если бы отдали местным, гражданским, то жопа мне. Лет десять бы дали. Поэтому и долго следствие шло. Но военная прокуратура инкриминировала несчастный случай. И военный трибунал оправдал. По сути, так и есть — скользко было, не вписался в поворот. Ларек этот еще, как назло, стоял на самом перекрестке.

Все промолчали. Знали, как он жмет на газ. И если бы не превышение скоростного режима, то без проблем вписался бы в поворот.

— Есть и плохая новость, — его лицо погрузнело, улыбка исчезла, спрятав его белоснежные зубы.

Мы напряглись. Что может так огорчить Чуйко? Ему же так фортануло, он должен молиться Богу каждый день. Да что там молиться — в монастырь уйти. Он должен благодарить судьбу. А он сидит и о чем-то переживает. Что за человеческая натура? Как попадаешь в беду, молишься и Богу, и дьяволу — помоги. Хватаешься за любую соломинку. А как беда миновала, то забываешь что было. И опять начинается все сначала — недоволен тем, этим, это не так, я сделаю наоборот, я все знаю, я герой, да пошли вы все нах...й. Пока опять не попадешь в беду.

— Что еще случилось? — молча спросили все.

— Меня лишили права управления любым транспортным средством, — он глубоко вздохнул. — Как я буду без своего ястреба, как я без БТРа? После обеда приказали передать технику другому.

Кто о чем, а вшивый о бане.

— Да ладно тебе переживать. Может, через месяц забудется, и опять дадут ястребом управлять, — успокаивали мы.

— Хватит о грустном, — вставая с кровати, сказал Сергей. — Где мой вещмешок? Надо отметить мое возвращение. Пока ждал поездки, ребята из части подогрели.

Уже второе возвращение за неделю отмечали — сначала Рябы, теперь возвращение Чуйко. Прекрасный повод поднять стопки, чокнуться и выпить за здоровье. Только здесь и другой повод бывает поднять стопки, не чокаться и выпить за упокой. Сегодня не о грустном.

Из вещмешка на стол перекочевало две банки тушенки, две банки паштета и две бутылки водки.

На обед мы не пошли.

Глава 3

16 апреля 1996 года

1

Перед тем как рассказать очередную историю из моей службы на Кавказе, хочу сказать, что было две попытки подкатить к медсестре Марине. Все неудачные. Не понимаю, как я мог так обидеть ее, за что она меня так? Могла бы высказать свои претензии ребенку. Третью попытку сделать не давала гордость.

— На построение в автопарке, — кричал дежурный по палатке. — Командир собирает.

Я так сладко заснул после обеда. Ну что еще надо? Давно уже не собирали.

Через пятнадцать минут весь наш взвод стоял в автопарке, возле своих машин. Лейтенант Миронов с прапорщиком Малютинным уже давно мерили шагами автопарк. Когда все собрались, сказал:

— Товарищи солдаты, поступил приказ.

Смешно, правда? Какой нахрен приказ! Грозный взять, Гудермес? Вообще слушал его кто-нибудь, не знаю. Прапорщик вообще шатался, морда опухшая, небритый. Кстати, я тоже усы отпустил, но это было один раз. Больше такого не будет, надеюсь.

— Нам завтра предстоит автопробег в республику Грузия, для вывода одной группы. Надо помочь. Поэтому все машины, которые на ходу, будут использованы. Отвести их надо во Владикавказ.

Не знаю, почему все двигались через Северную Осетию. Наверное, в то время мы дружили.

— В семь утра колонна должна быть готова выехать. Сопровождать вас будет зампотех Коробов. Все от наряда освобождаются, за вас другие будут дежурить.

Только бы не в мою машину сел сопровождать, думал я. Я его почему-то невзлюбил. Может, из-за того что мерзкий мужичок и орет постоянно, а может, потому что он муж медсестры Марины.

2

В шесть утра уже вся техника гудела. В колонне нас было двенадцать единиц техники. Первым в колонне стоял бывший БТР Сергея Чуйко. Теперь им управлял юркий паренек маленького роста, из Санкт-Петербурга, сержант Виктор Рохманов. За ним выстроились восемь автомобилей ГАЗ-66, два автомобиля «Урал», бензовоз, полный бензина, и замыкал колонну еще один БТР-70. Я точно не скажу, какой по счету стоял я. Где-то ближе к концу колонны. Но я точно знал, что за мной был Паштет.

Из-за гор показалось солнце. Все ядро было покрыто туманом. С утра на улице было прохладно, но в кабине при работающем обогревателе было тепло и уютно. Все ждали отмашку на движение. Ждал и я. На окне висел бронешилет, играл магнитофон, песни «Петлюры» доносились до моего слуха. Рядом лежал автомат.

Дежурный по штабу пробежал вдоль колонны, проверил, чтобы все находились на своих местах и были готовы к движению. После того как он доложил об этом командиру, мы поехали. В 7.15 мы пересекли контрольно-пропускной пункт нашего ядра.

Нам предстояла долгая, длинная дорога. Надо было пересечь всю Ингушетию, проехать часть Северной Осетии и, наконец, попасть в Грузию. Кажется, ого! Три республики. Но нам надо было преодолеть всего триста пятьдесят километров в одну сторону. Конечно, перед выездом я не знал точное место, куда мы едем. Немного забегаю вперед, скажу, что конечная точка — село Барицаха в республике Грузия,

где дислоцировалась еще одна маневренная группа. Но их никто не менял, они просто уезжали оттуда домой.

В результате распада СССР и выхода из нее Грузии в середине 90-х, там еще находились группа российских войск Закавказья, которая входила в состав Северо-Кавказского военного округа. Москва и Тбилиси делили вооружение и военное имущество. С 1992 по 1995 год под грузинский контроль были переданы вооружение и военное имущество. В то же время часть российского военного имущества и вооружения была насильственно захвачена грузинскими властями. Многие были разворованы и перепроданы. Но в целом России удалось сохранить в Грузии около половины советского вооружения на своих базах.

В Грузии с 1994 года российские пограничники несли службу — охрану границ, совместно с грузинской погранслужбой. Финансирование группировки было тоже совместным: 60% — Россия, 40% — Грузия. Процесс передачи грузинским пограничникам участков государственной границы Грузии, охраняемых частями Федеральной пограничной службы РФ, происходил в два этапа.

На первом этапе до 31 декабря 1998 грузинские пограничники взяли под свой контроль до 80% участков границы.

На втором этапе, до 10 июля 1999, были переданы остальные участки. Таким образом, к концу 1999 года пограничная группировка, дислоцировавшаяся на территории Грузии, была поэтапно выведена из Грузии, и Оперативная группа ФПС РФ в Грузии была расформирована.

Итак, мы двинулись в сторону Грузии. Туман потихоньку рассеивался, солнышко вставало все выше, в кабине становилось жарко. Мы не проехали и десяти километров от ядра, как произошла первая непредвиденная ситуация. Ехали на скорости пятьдесят километров в час. Вдруг вся техника передо мной неожиданно встала, как вкопанная. Стараясь не врезаться, кто-то выруливал в сторону, почти

уходя в кювет. Я также изо всех сил надавил на педаль тормоза. Пытаясь не «поцеловать» бампером впереди идущую машину, я резко выкрутил руль в сторону. Не успел я перевести дух от случившегося, как почувствовал удар в мою машину сзади. Я, конечно, не очень соблюдал дистанцию от впереди идущей машины, как предписывала инструкция, поэтому почти не врезался. Но Паштет, сука, вообще проигнорировал всю технику безопасности. Я выскочил из машины.

— Ты совсем охренел! — накинулся я на Паштета.

Внутри бушевала злость. Но я, сжав зубы, стал обходить свою машину, чтобы посмотреть, что натворил Паштет.

— Леха, прости, я не ожидал, — спрыгнув из кабины, произнес Паштет.

— Я тоже не ожидал, никто не ожидал, но почему-то ни я, ни другие аварии не совершили, — продолжил на повышенных тонах я.

— Я отвлекся немного, прикуривал сигарету, — оправдывался он.

Все высыпали из своих машин с недоумением. Всем было интересно, и мы напрочь забыли о своей безопасности. Хоть и были в Ингушетии, но расслабляться было нельзя. Вдруг издалека донесся надрывный голос капитана Коробова. Он орал:

— Быть всем начеку, приготовиться к бою. Всем по местам, быть возле своей техники.

Инстинкт самосохранения сработал. Одним прыжком я оказался у своей шишиги. За секунду схватил автомат и присел на одно колено у колеса. Вода дуло автомата во все стороны, глядя в прицел и держа палец на спусковом крючке, я одновременно наблюдал за действиями других. Какое-то время сердце бешено колотилось, выброс адреналина был сумасшедший. Спустя несколько минут стало отпускать, ритм сердца приходил в обычный. режим. Бой

не начинался, стрельбы не было слышно даже отдаленно. Да и местность не предрасполагала для нападения — вокруг почти равнина. Я опустил автомат, но все еще сидел на колене, прижавшись к колесу. Еще несколько минут все были в боевой готовности, потом по одному стали кто вставать, кто вылезать из-под машин. Встал и я.

— Что случилось? Почему экстренная остановка? — доносились голоса.

— Растяжка впереди, — наконец-то по цепочке передали и нам. — Витька Рохманов молодец, среагировал четко.

Растяжка — это протянутая через дорогу металлическая проволока, которая с одной стороны соединяется с детонатором или предохранительной чекой мины. Другая сторона проволоки фиксируется за дерево, колышек, камень или другой предмет. Как правило, металлическая проволока устанавливается сантиметров 20-30 над землей. Если боец или техника задевают проволоку, чека выскакивает или происходит детонация мины. После чего происходит взрыв, уничтожая технику или живую силу противника.

Я подумал о Чуйко. Смог бы он заметить растяжку? Мы ехали на приличной скорости. Как Витька Рохман увидел — не пойму до сих пор. С этими мыслями я пошел повторно посмотреть на последствия столкновения с Паштетом. Паштет уже стоял и смотрел на свое творение. Но моя злость, большую дозу которой я получил буквально десять минут назад, ушла с адреналином. Я уже не обижался.

Осмотрев повреждения, мы обнаружили, что у меня царапина, а угол бампера его автомобиля согнуло и втиснуло в крыло. Достав трос, подцепив один конец за бампер, а второй за заднее буксировочное кольцо моей машины, я внатяжку попытался выровнять его. Осталось немного кривовато, но, как говорится, это на скорость не влияет.

Я выпрыгнул из кабины, подошел посмотреть.

— Нормально, — сказал я.

— Пойдет, — согласился Паштет, снимая трос с бампера.

Я стал скручивать трос, как неожиданно за сопкой, метрах в трехстах от головного БТРа, раздался взрыв. Я, инстинктивно бросив трос, пригнулся, хватаясь руками за голову. Обезвредили мину. Я не знаю, был ли в колонне настоящий минер или это сделали наши ребята с капитаном.

— По местам, — опять заорал Коробов. — Возобновить движение.

Бегом, хлопая дверьми, мы запрыгнули в машины. Завелись и двинулись дальше, оставив неприятный осадок позади. Музыка вновь заиграла из магнитофона, солнышко уже пекло всюду, небо было чистым. Я закурил.

Каких только пейзажей я не видел, пока ехали — поразительной красоты горы, скалы. А какие памятники природы встречались в этой поездке — настоящие реликвии. Особенно впечатлили Ингушские башни. Это шедевр. Завораживают — глаз не отвести. Смотрел бы и смотрел на них. А когда окунешься в историю этих башен, то почерпнешь для себя много интересного. Углубляться в историю башен не буду, расскажу только кратко, суть.

Ингушские башни — это уникальные памятники средневековой ингушской архитектуры. Хотя я знаю, что и по сей день некоторые строят эти башни, поддерживают свою культуру. Они имеют разное предназначение. Были сигнально-сторожевые, наблюдательные, оборонительные и, конечно, жилые. Но все башни почти не отличались друг от друга. Строились они, как правило, на каменистой почве или вообще на скалах у рек или вблизи дорог.

Жилая башня представляла собой квадратную или прямоугольную каменную постройку, сложенную обычно в два-три этажа, с плоской земляной крышей, хорошо

обмазанной глиной. Высота трехэтажной башни достигала в среднем 10-12 метров, а размеры основания варьировались от 5×6 до 10×12 м. Стены башни были сужены к верху. Кладка стен в башнях состояла из грубо обработанных каменных блоков. Внешнему виду значение не уделялось. Первый этаж жилой башни отводился под хлев, в котором находился разный скот. Для лошади был особый, лучший угол. На втором этаже жили сами, там и спали, и там же по центру располагался очаг. Третий этаж предназначался для хранения продуктов.

Конечно, по нашему маршруту башни были заброшены. Виднелись полуразрушенные или полностью разрушенные. За редким исключением встречались цельные. Жаль, что нет ухода за средневековой архитектурой. Понятно, что трудные времена, что Ингушетия — самая бедная республика. Но я с удовольствием сюда вернулся бы еще раз, на них посмотреть, в лучшие времена. Но не судьба, осталось только вспоминать.

Проехали одно село, второе. Домики бедные, трудно здесь жить. Махнули уже семьдесят километров, хотелось бы перекура, да и ноги размять. Вот еще один населенный пункт показался. Колонна стала притормаживать, и друг за другом мы стали останавливаться, прижимаясь к обочине.

— Наконец-то привал, — спрыгнув, сказал Паштет.

— О да, — ответил я. — Обоссаться можно.

Мы поместили ближайšie кусты. После чего решили пройтись вдоль колонны. Подошли к Рябе с Саньком.

— Как дела? — адресовал Ряба свой вопрос нам.

— Норм все, — ответил Паштет. — Что за аул?

— Алкун, — присоединился Саня. — Говорят, большое село.

— Где Илья, где Лом?

— А вон идут, — показал рукой Ряба.

Мы повернулись в сторону, куда показали рукой. Увидели Илью Соболя и Лома, они тоже нас заметили.

— Ох, что-то шея затекла, — просто чтобы поддержать беседу, подойдя к нам, сказал Илья.

— Не знаешь, долго стоять? — спросил в свою очередь я у Ильи.

— Не знаю. Пойдем к Витьке Рохману спросим, он должен знать. С ним прапорщик едет. Я видел, они с капитаном вместе куда-то ушли. Я третьим стою в колонне и видел, что прапорщик что-то Рохманову сказал перед уходом.

Мы все закурили и двинулись к первому БТРу со знакомым бортовым номером, под которым, ездил когда-то Серега Чуйко. Витька сидел на броне, загорал. Мы присоединились, запрыгнули на БТР.

— Загораешь? — спросил Саня у Витька.

— Ага, — жмурясь от солнца, ответил он.

— Погодка класс. Помните, как вечерами зимой мечтали о весне, сидя у печки-буржуйки, — рассуждал Ряба.

— Не в курсе, долго стоим? — поинтересовался я у Рохмана.

— Да кто его знает? — вопросом на вопрос ответил тот, продолжая кайфовать на солнышке и прикрыв глаза.

— А прапор что сказал? Куда они с Коробом пошли? — спросил Илья.

— Вон в тот дом, с красной черепицей. Вроде там как главный по аулу живет. У них была запланирована здесь остановка, — не открывая глаз, сказал Рохманов.

— Понятно, если запланировано было, то это надолго, — добавил Саня, устраиваясь полулежа и закрыв глаза.

— Может, пожрем? — предложил Ряба.

— Тебе только бы пожрать, — сказал я. — Еще ехать и ехать. Неизвестно вообще, когда доберемся. Еще рано жрать.

— Ну да, — согласился он.

Здесь надо пояснить, что перед нашей поездкой всем выдали сухпак: полбуханки белого хлеба и банку тушенки. Кое-что было у каждого еще припасено. У меня, например, банка сгущенки. Знаю точно, что у Паштета — паштет.

Вообще, я так понял по плану командиров, что мы не спеша должны добраться до наших коллег из маневренной группы. С любыми проволочками часикам к 16-17 мы должны преодолеть весь путь до конечной точки. Поужинать, с вечера загрузиться, переночевать и спокойно с утра выехать во Владикавказ.

Ну-ну, так бывает только в мыслях. Никто не знает, как будет на самом деле. Не знали и мы. В итоге пошло все не так. Наберитесь терпения, вы все узнаете.

Время шло, а мы все стояли. Полчаса прошло, а командиров нет.

— С такими темпами мы и к вечеру не доберемся, — произнес Ряба, слезая с брони бронетранспортера.

Я, Паштет и Санек последовали за ним. Мимо нас прошел человек, явно местный житель. Потом второй с пустым ведром. Вдали заметили еще, потом еще. Непонятно было, что происходит, почему активизировались местные? Просто из любопытства подтягиваются к колонне или с какими-то намерениями? Людей становилось все больше. Некоторые подходили к солдатам-водителям, о чем-то беседовали и вместе уходили на другую сторону автомобиля со стороны обочины. В основном, старики или дети.

Я вот только что поймал себя на мысли: где бы я ни был — в Ингушетии, в Чечне, в Северной Осетии, в любом ауле, я не видел местных жителей молодого и среднего возраста, скажем 25-45 лет. Все или моложе, или старше. Скорей всего, большинство из них были в бандформированиях. А кто воевать не пошел, тот или уехал с Кавказа или не показывается на глаза. Прячутся и от нас, и от боевиков, чтоб ни у кого не возникало вопросов. Это только мое мнение. Может, я ошибаюсь.

— Что происходит? — спросили мы у одного бойца.

— Сделка с местными, меняем бензин на спиртное, — улыбнулся тот.

— И что почем? — Рябе это явно подняло настроение.

— Ведро — бутылка, как всегда и везде, — ответил солдат.

Мы переглянулись. Пока капитан с прапорщиком бухают у главы села, надо и нам на вечер запастись водочкой. А что они бухают, это мы узнали чуть позже, когда они через час, шатаясь, выходили из дома гостеприимных хозяев.

Ряба махнул рукой одному местному. Тот бегом перебежал дорогу.

— Водка есть? Бензин надо?

— Да-да-да, — затараторил тот, махнув рукой кому-то.

Подбежал паренек с канистрой. Я махнул другому. Тот с ведром подбежал ко мне. Вместе с ним мы быстрым шагом направились к моей машине. Обошли технику со стороны обочины. Достав шланг, я принялся заполнять ведро бензином, оглядываясь по сторонам. Рядом Паштет проделывал то же самое. Через машину тоже сливали в канистру, далее то же самое. Наши взгляды с Паштетом встретились. Мы оба улыбнулись, предвкушая хороший вечер. Быстрей бы теперь доехать, загрузиться и спокойно бухать.

Заполнив ведро, я взял бутылку водки, положил в кабину под сиденье. Повернувшись, я чуть не подпрыгнул на месте. Рядом стоял еще один местный, протягивал ведро и, криво улыбаясь, смотрел умоляющими глазами. Я даже еще не успел бак закрыть и шланг из горловины убрать. Взяв ведро, я начал заполнять его. Пока оно заполнялось, ко мне подходили еще двое, но им я уже отказал. Во-первых, хватит пары бутылок, во-вторых, бак не резиновый. И неизвестно, куда мы можем зарулить сегодня. Тем более, зампотех прекрасно знал, что у всех были полные баки. И если он узнает, то мало не покажется. Да и выйти они могли в любую минуту. Мы все очень рисковали. Так же поступили все мои близкие друзья-сослуживцы, конечно, кроме Рябы. Он слил четыре ведра на четыре бутылки. Его жадность не раз создавала проблемы, но он уроков не извлекал. Он ничему не учится, ну вот такой он человек.

Горбатого только могила исправит. Я думаю, если бы местным разрешили опустошить баки, они бы с радостью все забрали. Вот откуда у них столько водки?

Последние люди с тяжелой ношей скрылись. Все баки закрыты, настроение приподнятое, водка спрятана. Только когда наш привал перевалил за час, мы увидели выходящих капитана и прапорщика. Оба шли неуверенной походкой. Капитан злой, прапорщик улыбается, по-разному на всех действует спиртное.

— По местам, — скомандовал Коробов. — Заводись.

Все расселись по своим местам, завелись. Наконец, подумал я и закурил. Водитель, с которым ехал капитан, пробежал вдоль колонны. Все на месте. БТР Витьки Рохманова дернулся с места. Одна за другой машины выруливали с обочины на дорогу. Колонна продолжила свой путь.

Через пару часов мы повернули в сторону Северной Осетии. Надо было сделать небольшую петлю, так как проезжих дорог по более прямому маршруту нет. Природа Северной Осетии мало чем отличалась. Единственное, было заметно, что равнинной местности вообще нет. Там, где ехала наша колонна, не было точно. То едешь по серпантину, то по дороге, где справа гора, а слева пропасть. А на самой дороге мало мест, где разъедутся два автомобиля. Вокруг ущелья, мелкие водопады, скалы, небольшие речушки. Трудно сосчитать, сколько мостов через пропасти различной глубины нам пришлось преодолеть.

Сотни знаков дорожного движения с изображением падающих камней, которые так и называются: «падение камней». Они предупреждают о приближении к участку дороги, проезжая часть которой не защищена от возможных обвалов. Что? Как о приближении к участку дороги? Мы же уже едем по этому участку. Алё.

Ну ладно, на такие мелочи внимания не обращаешь. Едешь себе, любишься горами, слушаешь музыку. Уже

прилично в дороге, наверное. Капитан решил нагнать упущенное время и ехать без остановок. Хотя, как выяснилось позже, он тупо спал. Уже обед давно миновал, кушать хочется, от сигарет горько во рту. Я всухомятку на ходу жевал белый хлеб, который вонял плесенью, запивая теплой водой. Тушенку не откроешь.

Выехав на более безопасный участок, мы наконец-то остановились. Выпрыгнул из кабины и, далеко не отходя, вообще не отходя — даже дверь не закрыл, справил нужду по-маленькому. Так сделали все.

Ко мне подошел Паштет.

— Ну что, наверное, на обед остановились, — радостно сказал он.

— Конечно, давно пора, надоело хлеб жевать. Уже бурлит в животе, — обрадовался и я. — Тащи свой паек, я сейчас свой возьму и пойдем к ребятам.

— Я пулей.

Я взял свой паек, банку тушенку и остатки хлеба, Паштет — свой паштет и хлеб. Мы удачно прошли только пару машин, как до нас донеслась команда: «по машинам». Мы остановились, переглянулись — надо было осмыслить все. Из ступора нас вывели машины, которые стали заводиться.

— Поели, — выдал Паштет.

— Просто обожрались.

Мы с сухпайками на руках побежали к своим машинам. Пришлось догонять колонну, нас не ждали. Ну, конечно, на ходу можно перекусить, когда вдвоем в кабине — пассажир и хлеб нарежет, и тушенку откроет, но мне как?

Я достал банку сгущенки, изловчился сделать две дырки. Ну просто супер. Кусаеть вонючий хлеб, делаешь глоток сгущенки и запиваешь теплой водой. Утолив таким образом голод, закурил. В животе была революция.

Уже спустя полчаса хлеб со сгущенкой начали давать о себе знать. Первые позывы перетерпел легко. Но умом понимал, что долго не продержусь.

Как назло, остановок больше не было до самого конца нашего путешествия. Не знаю как, но я продержался еще час. Этого хватило, колонна подъезжала к контрольно-пропускному пункту маневренной группы. Остановились перед КПП. Ну, сейчас документы проверят и пропустят на территорию, а там в туалет. Полтора часа протерпел, потерплю и еще десять минут. Прошло двадцать минут, мы стоим на месте. Живот болит, внутри как будто переливают воду из одного сосуда в другой. Еще пять минут — стоим. Ну все, я сажу скрючившись, даже слезы хлынули из глаз. Терпеть больше невозможно. Огляделся. Справа за окном располагались военные, колючая проволока по всему периметру, часовые. Туда бежать смысла нет. Слева была равнина, вдалеке — редкие кустики, небольшие холмики. Туда. Уже не думая ни о чем, я рванул дверь и пулей побежал в кусты. Скажу честно, я успел, но еще пара секунд — и обделался бы в штаны. Вроде сидел недолго, но когда облегчился и встал, то увидел, что моя машина стоит одна. Даже те, кто был сзади, меня объехали. Ерунда, найду своих, главное, полегчало. Жить хорошо и жизнь хороша.

3

Не спеша, как на прогулке, я дошел до машины. А куда спешить. Наслаждался каждым шагом, живот перестал болеть, легко. Долго я потом не мог есть сгущенку с хлебом. Машина работала, дверь была нараспашку. Я сел и поехал на КПП, думая о хорошем.

— Привет, пацаны, куда наши поехали? — спросил я дежурного.

— В ту сторону тебе надо, — ответил он, показывая рукой вправо по диагонали.

— Ок, спасибо.

Проехав по прямой пару сотен метров, я остановился. Впереди был перекресток трех дорог, одна шла влево, другая

прямо, ну а третья — вправо. Не хватало камня с надписями: «Направо пойдешь — коня потеряешь, себя спасешь; налево пойдешь — себя потеряешь, коня спасешь; прямо пойдешь — и себя, и коня потеряешь». Мне, конечно, направо надо, ведь дежурный в ту сторону показал.

Медленно покатило куда указали. Слева были одноэтажные фанерные казармы, ну все же не в палатках, как мы, живут. Справа какой-то ров и колючая проволока. Проскочила мысль, что на дороге следов свежих нет. Но она сразу исчезла, когда, проехав очередную казарму, я увидел наших. И тут возникла преграда. Я остановился. Картина была такая: перпендикулярно ко мне, слева по дороге, без колес и без башни стоял бронетранспортер. Справа по дороге был ров с колючей проволокой. объехать этот БТР было невозможно. Я вылез, чтоб оценить, смогу ли я проехать между БТРом и рвом. Ну, если немного правой стороной в ров заехать, то можно протиснуться. Но только немного в ров, а то перевернуться можно.

Я решил рискнуть. Не разворачиваться же. Мы легких путей не ищем. Хотя все ехали по другому пути, они на перекрестке поехали прямо и через пятьдесят метров повернули направо. Я же этого не знал. Я потихонечку стал протискиваться. Машина наклонилась в сторону рва, угол бронетранспортера уперся в кузов, накрытый тентом, я вспотел. Остановился, машина медленно стала сползать. Я безнадежно попал.

Вдруг перед машиной вырос капитан Коробов. По моему, он еще не проспался.

— Давай вперед! — рявкнул он, махая руками.

Ну я и дал. Угол БТРа пробил мне тент и полностью распорол весь бок моего кузова. Зато не свалился в ров. Скорей всего, это был единственный выход. Преодолев преграду, я выпрыгнул из кабины. Только повернулся к капитану, чтобы рассказать обо всем, но, похоже, ему мои объяснения были не нужны.

Удар был прямо в лоб. Посыпались искры из глаз. Хорошо, что сзади была кабина, на которую я наткнулся спиной. На голове была солдатская кепка, она просто куда-то исчезла. Найти ее я смог не сразу — она оказалась на кабине автомобиля. Непонятная траектория удара.

— Мухой подъезжай к пятой казарме, — бурчал капитан. — Как загрузишься, вон туда встаешь, к забору. Тебе все ясно? Потом на ужин в столовую.

— Так точно!

Подумал, что спрашивать у него, где столовая, неуместно. Найду сам. Вообще легко отделался, сейчас ему было не до меня. Я покатил к казарме, остановился у таблички с номером пять. Ко мне подбежал сержант.

— Привет, ты к нам на погрузку?

— Да, куда подъехать?

— Задом сдай к крыльцу, поближе.

— Хорошо.

Заглушив автомобиль, я закурил. Решил прогуляться, пока меня загружают, поискать столовую заодно. Нетрудно догадаться, чем меня загружали — кроватями.

Одинаковых небольших казарм было штук десять. Между ними отдельным зданием была столовая. Гулять особо здесь негде, территория небольшая. Я вернулся к своей машине. Пока грузили, сидел в кабине и слушал музыку. После загрузки поставил машину к забору из бетонных плит. Несколько машин уже стояли у забора, среди них и Санек. Вместе пошли в столовую. Перловая каша и чай были объединением.

— Ну что, надо искать наших и отдыхать, — сказал Саня.

— Да, — согласился я. — Уже вечереет, да и капитан походу в штабе бухает.

Через час мы уже сидели внутри бронетранспортера. Были все: я, Паштет, Ряба, Илья, Санек, Лом, Рохман. Было тесновато, но в тесноте, да не в обиде. Открыли

консервы, тушенку, паштет. Ряба схватил бутылку, ему вечно не успеть. Налили в кружки.

— Ну, за нас, — сказал Паштет. — Давно мы так вместе не собирались.

Выпили. Ряба наполнил сразу по второй. Действительно, вместе вот так только в поезде сидели. Все время кто-то в наряде, кто-то на выезде.

— Сколько мы уже здесь, на Кавказе? — задумался Лом, поднимая наполненную кружку. — Пять месяцев вроде.

— Да, летит время.

Закусили. Пошли шуточки, анекдоты. Мы отдыхали после марша, и никто нам не мешал, времени было полно. Выпили по третьей. Открыли люки, чтоб покурить. На улице еще светило солнце, но скоро оно скроется за горы. Покурили, налили еще.

— За удачу, — успел сказать Паштет, как по броне БТРа забарабанили, скорей всего прикладом.

Витька Рохман высунулся. Возле БТРа стоял водитель капитана.

— Что надо?

— Всем срочно к своим машинам, капитан собирает.

Вот что ему еще надо? Наверное, перебрал и сейчас по ушам будет ездить, какую-нибудь ахинею нести. Ну что за урод! Отдохнуть не дает.

Бурча и проклиная Коробова, мы повывлезали из бронетранспортера и отправились к своим машинам. Настроение он не испортил. Ну подурочится и распустит, и мы дальше пойдем употреблять спиртное.

— Товарищи солдаты, произошло ЧП. Один военнослужащий разбирает боеприпас, который сдетонировал. Ему оторвало кисть, — вещал капитан. — В связи с этим мы немедленно выезжаем. Сборы пять минут. Выстраиваемся в колонну.

А вот теперь настроение он испортил. Мы практически по полбутылки в себя залили, как и многие другие.

Еще бы часик другой — и вообще некому было бы ехать. Разочарованные, мы по одному выезжали на дорогу и становились в колонну. Впереди меня встал Саня Афоня. Он заметно качался. Да и я чувствовал себя, мягко говоря, не очень трезвым. Надо так надо. Приказали — выполняй. Ну и что, если качается кто-то. Мы же не пешком. Держись за баранку. Через пару часов отрезвеем. Не в первый и не в последний раз.

Часа через два движения хмель прошел, но появилась головная боль и усталость. Еще и стемнело, что тоже не придало было не на пользу. Хорошо, что двигались всего километров сорок в час. Преодолели грузино-осетинскую административную границу. Ехали по серпантину. Пару раз останавливались. Я лично обливал лицо водой, чтоб не накрыл сон. Трудно. Впереди я ориентировался только на задние фонари Саниной машины. Красные фонари то сужались в моих глазах, то расширялись. Магнитофон играл громко, я курил сигареты почти одну за другой. Быстрей бы доехать.

Вдруг красные фонари стали прыгать в стороны. Я вздрогнул, накатывающий сон исчез. Мои фары выхватывали машину из темноты. Санек вилял все сильнее и сильнее. Дорога была узкой, с правой стороны пропасть, с левой горы. Санек, видать, что есть мочи старался, но машина уже была неуправляема. Я нажал на тормоз. Колеса машины Санька в последний раз проскочили рядом с пропастью, выкидывая камни вниз. Его развернуло, и он врезался в гору.

Я первым подбежал, открыл дверь. Голова Сани лежала на руле.

— Санек? — стал тормошить его. — Ты живой?

— Охх, — застонал он. — Да, все в порядке, бровь разбил.

— Как ты так? Что случилось?

— Заснул, — выпрыгивая из кабины, ответил он.

Подбежали другие, колонна отъехала метров двести и тоже остановилась. Предупредил по рации последний бронетранспортер первому. Санек уже пришел в себя, когда подбежал капитан.

Удар был точно в лоб. Я думаю, что капитан специально тренировал этот удар — и искры из глаз, и синяков нет. Кепку Саня не нашел.

Движение возобновилось. Саня также ехал за рулем, но уже к нему сел прапорщик. Была разбита одна фара и погнут бампер. К счастью, больше до Владикавказа происшествий не было. Уже было давно за полночь, когда мы приехали. Я так рад был огням города. Нас распределили на место стоянки, я сразу же заснул. Утром нас разбудили, как только начало светать. Позавтракали в БТРе, там все осталось со вчерашнего, но пить никто не стал — приедем в ядро и выпьем.

Разгрузили нас быстро, не задерживаясь. Мы встали в колонну и поехали. Мчались быстро, всем хотелось быстрее добраться на место дислокации.

В ядре после обеда все пошли отдыхать, а я пошел в автопарк зашивать тент.

Глава 4

11 мая 1996 года

1

В палатку вошел наш командир взвода лейтенант Миронов. Молча обвел всех присутствующих взглядом, после чего подошел к стене, где висел график дежурств. Внимательно стал изучать.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант, — поздоровался Лом.

— И тебе не хворать, — ответил Миронов.

Мы смотрели на лейтенанта, размышляя, с какой целью он нас посетил. Все до этого занимались своими делами. Я сидел за столом, писал домой письмо. Изучив график, он повернулся к нам и сказал:

— Тихомиров и Чуйко, сегодня со мной в наряд на КПП.

Только мы с Ломом открыли свои рты, чтобы протестовать, как лейтенант жестким взглядом и строгим голосом нас обломал.

На контрольно-пропускной пункт заступили вечером, солнце уже спряталось, но воздух был теплый. Когда ты на посту и такая тишина, то сначала начинаешь вспоминать родных, потом скучать о доме, потом мечтать о том, как ты приедешь домой. Потом ты тупо засыпаешь. Вскакиваешь, начинаешь хлопать себя по щекам, ждать и страдать, пока тебя сменят. Лейтенант ушел спать, он только с утра опять придет на КПП. Меня должен был сменить Лом. Ребята (пулеметный расчет) в дзоте играли в карты. Лом сменил меня вовремя. Теперь — спать и с утра опять сюда.

Заснул я сразу, но через час проснулся — тело зудело и чесалась. Старые болячки опять во сне расчесал до крови. Чертовы бельевые вши! Хоть плачь, хоть ори. Кусают

бельевые вши безболезненно в связи с тем, что в их слюне содержится обезболивающее вещество. Когда вошь «обедает», человек может ощущать лишь легкое покалывание, которое в дальнейшем перейдет в раздражающий зуд. Укус представляет собой красный волдырь с точкой прокола в центре и будет встречаться в основном на том участке тела, который контактирует со складками одежды. Как правило, это спина, область поясницы, руки, ноги и подмышечные впадины. Избавиться от них очень трудно, потому что они предпочитают жить в труднодоступных местах одежды и постельного белья. Единственный выход: обработка химикатами одежды, постельного белья, матрасов — в общем, всего. Или спать голым на одних пружинах. Но откуда у нас отравы? И белье нам каждый день выдавать никто не будет.

Но все же мы нашли один способ бороться с этой нечистью. Нагревали утюг и проходили по швам одежды и постельного белья. Треск отложенных яиц был очень хорошо слышен. Но все это было ненадолго, через день они откуда-то опять появлялись. Самый пик их пришелся на конец весны. Летом их стало намного меньше, хватало раз в неделю пройти все швы утюгом.

Так толком и не выспавшись, я утром поменял Лома. Чуть позже присоединился лейтенант Миронов.

— Как обстановка? — спросил он у меня.

— Все спокойно, — ответил я.

— Это хорошо. У вас как дела? — залезая в дзот, спрашивал у бойцов Миронов.

Там он также получил положительный ответ. Все было тихо. С утра уже тепло, хотя солнышко только показалось из-за гор. Уже везде травка растет, листочки распустились — красота. Уже забываешь, какая здесь была грязь зимой. Земля полностью высохла, стала как камень, только пыль на ней. Вокруг красота, но стоять у шлагбаума на КПП — это самый нелюбимый вид наряда. Стоишь

полдня, открываешь-закрываешь шлагбаум. Скукота немислимая. Пачки сигарет мало, от безделья только и куришь.

2

Вдалеке я сначала увидел поднятую кем-то дорожную пыль, потом показался легковой автомобиль. Он ехал в нашу сторону, явно к нам.

— Товарищ лейтенант, — крикнул я. — К нам гости, гражданские на машине.

— Кого там еще несет нечистая, — вылезая из будки, ворчал явно недовольный лейтенант.

Черный мерседес шел на скорости, прямо перед шлагбаумом резко развернулся, обдав нас клубом пыли. Мы стояли, не понимая, что происходит. Кто там такие офигевшие. Все четыре двери распахнулись одновременно, и из машины вышли люди кавказской внешности. Все как на подбор под два метра ростом, широкоплечие, со щетиной на лицах. Одеты были в хорошие, дорогие костюмы. Один из них, наверное главарь этой шайки, с улыбкой, показывая свои золотые зубы и перебирая четки в руке, вальяжно подошел к нам вплотную. Я даже почувствовал запах одеколона. Вот не хватало, чтоб он жвачку жевал.

— Я хочу разговаривать с командиром, — потребовал он с явным акцентом.

— Я старший наряда, — сказал лейтенант. — Все вопросы ко мне. Что интересует?

Главарь сделал резкий выпад вперед, я вскинул автомат, из дзота послышался звук затвора. Он тоже это услышал и увидел, остановился. В этот момент я не только подумал, но уже хотел дать очередь над их головами и положить мордой в землю. Не знаю, как сдержался, злость кипела. Лейтенант был невозмутим, даже в ответ на его провокацию улыбнулся.

— Мы без оружия, — главарь поднял руки вверх. — Я только хотел говорить с начальником. С главным начальником. У меня, может, важный разговор к нему. Ему понравится мой разговор.

— Ну ладно. На пять метров от КПП отошли! Тихомиров, держи на мушке, — приказал лейтенант и полез в дзот.

Главарь повиновался, отошел, как и сказали. Я держал автомат в боевой готовности. Дуло пулемета, торчавшее из дзота, также было направлено на неожиданных гостей. Трое других так и стояли возле мерседеса.

Через несколько минут появился лейтенант.

— Я сообщил командиру, — обратился к золотозубому. — Он сейчас подъедет.

— Хорошо, подождем.

Ждали минут десять, так мне показалось. Лейтенант стоял невозмутимо, сложив руки за спину. Все оставались на своих местах. Главарь раздражал, крутя свои четки и не переставая улыбаться.

Начальник мотоманевренной группы майор Проскурин подъехал на дежурной машине. За рулем был Паштет. Из кузова ГАЗ-66 спрыгнули еще два солдата, они стали по обе стороны дзота. Начман спокойно вылез из кабины и не спеша подошел к шлагбауму.

— Слушаю, — кратко произнес майор, подняв подбородок выше.

— Рад видеть, — начал было главарь.

— Слушаю, — перебил Проскурин.

— Ну командир, почему так грубо, я же обидеть не хочу.

Майор понял, что ловить здесь нечего, что какие-то отморозки приехали подурачиться. Но они приехали со стороны Ингушетии, без оружия. Руки связаны, с местными конфликтовать запрещено. Демонстративно развернувшись, Проскурин медленно пошел к автомобилю.

— Майор, — вдогонку крикнул золотозуб.

Майор остановился, но поворачиваться не стал. Солдаты, которые с ним приехали, уже стояли возле машины. Паштет сидел внутри, технику не глушил.

— Свадьба сегодня у нас, — продолжал кричать главарь. — Мы вечером по вам постреляем с гладкоствольного. Хорошо? Не обижайся.

Все четверо хором засмеялись.

— Ну, постреляйте, сволочи, посмотрим, — ответил тихо майор и не оглядываясь пошел дальше.

Паштет сдал задом, развернулся и исчез из виду. Ряженые тоже сели по своим местам, посигналили, с пробуксовкой сорвались с места и умчались прочь, оставляя за собой большое облако пыли.

Мы переглянулись с лейтенантом.

— Вот гады, — стиснув зубы, прошипел он. — Вот, Тихомиров, и такое бывает.

— Что они, реально хотят пострелять? — удивился я.

— Да понты это все, — махнул рукой Миронов. — Максимум из пистолета в воздух.

Через час уже все об этом забыли.

3

После наряда я отдыхал, в палатке было душно. Мы раскрыли все что могли, чтобы как-то проветривалось. График дежурств немного сдвинулся, и сегодня мне никуда не надо. После обеда усталость дала о себе знать, и я крепко заснул. Почему вши днем меньше кусают, не знаю. Может, это и не так, но реально ночью они грызут как звери. Может, они днем спят, а ночью охотятся. Им же надо когда-то спать, а когда-то питаться. Так или иначе, я проспал до ужина. Дежурный по палатке, Санек Афоня, меня разбудил со словами:

— Леха вставай на ужин. Столько спать. Что ты теперь ночью делать будешь?

Ни я, ни он, никто не знал, что мы будем все делать этой ночью. Но эту ночь было трудно пережить. А еще Санек стал пожизненным дежурным (дневальным). Его после аварии в горах лишили права управления автомобилем. Теперь их было двое — тех, кто только ходили по нарядам, это Саня Афанасьев и Серега Чуйко.

Закат уже прошел. Начинало темнеть. Многие растения цвели, и в воздухе перемешались разные запахи. Запах цветов разных растений соперничали с запахом гари, дыма, пороха, с запахом войны. На небе появились первые звездочки, луна показала свой силуэт.

Сидя в палатке и попивая чай, мы услышали вдалеке выстрелы из непонятных орудий. Выскочив из палатки, мы увидели, как небо озаряется разноцветными огнями. Это был салют. Он был виден со стороны Ингушетии, в районе населенного пункта Шалажи. Шалажи расположен не так далеко от ядра, по прямой в метрах 500. С КПП можно было видеть крыши и отдельные домики этого маленького аула.

— Что там происходит? — спросил Ряба.

— Свадьба, — равнодушно ответил я, вспоминая все, что произошло на КПП.

— Ты откуда знаешь? — поинтересовался Санек.

Я рассказал им, что произошло сегодня днем на контрольно-пропускном пункте. И не забыл вставить слова главаря.

— Они обещали по нам пострелять из гладкоствольного оружия.

Мы посмеялись над этой шуткой. Вы не ослышались, практически все восприняли это как шутку, хотя понимали, что провокация могла быть. Но мы на провокацию не поддаемся. Салют закончился, мы докурили и зашли в палатку.

— В картишки? — предложил Ряба.

Кто-то согласился с ним, они сели за стол играть. Я отказался. Вспомнил, что еще письмо домой не дописал. Сел

на кровать, положил начатое письмо на тумбочку, взял ручку и задумался. А что написать? Как всегда одно и то же.

«Здравствуйте, мама, папа и братишка. У меня все хорошо, ничего нового нет, жив, здоров, чего и вам желаю. Сегодня был в наряде на КПП, было все спокойно. Опять очень жарко, везде все расцвело, все красиво вокруг. Служба идет своим чередом, еще полгодика, и я вернусь. Ночами, когда нахожусь в наряде, я вспоминаю всех. Вспоминаю, мама, твои вкусные пирожки с капустой, папины наставления, братишку, как на санках катались, друзей своих. Передавай всем привет при встрече. Я очень скучаю по всем вам. До скорой встречи. Обнимаю, с любовью ваш сын».

Смысл письма не в том, чтобы описывать все моменты службы, а чтобы знали — я жив и здоров. Я обещал родителям, что буду раз в неделю писать. Я как-то маме написал, что все однообразно, что нечего писать, что может, задержится письмо. На что получил ответ, от которого сжалось сердце.

«Сыночек, родненький, пожалуйста, хоть два слова, что жив и здоров. Я места себе не нахожу, я каждый день, идя на работу, захожу на почту. Меня там уже все знают. Миленький, хоть пустой конверт, чтоб я знала — это от тебя».

А еще в этом письме, в конце написанного, на листочке я заметил два маленьких пятнышка. Это были капельки слез, слезы моей любимой мамочки.

Ей трудней, чем мне. Трудно ждать, ждать своего сыночка. Я знаю, что и отец не находит себе места. Тем более по всем новостям транслируется ужас войны на Кавказе.

Дописав письмо, запечатал конверт. Только я подумал попить чайку, как опять стали стрелять со стороны Ингушетии. Опять, что ли, салют? Что там за свадьба в этой Богом забытой глуши? Всего двадцать домов от силы. Устроили карнавал.

Вышли на улицу, но салют мы не увидели. Из темноты показался лейтенант Миронов, он бежал к нам. В каждом блиндаже, у всех командиров была рация, они связывались со штабом или штаб с ними. Вот и ему из штаба сообщили об обстреле со стороны Ингушетии. У нас в палатке нет рации, поэтому только бегом нам сообщить. Ха-ха-ха. При красной ракете мы бы побежали в другую сторону — в горы. Вот почему такой вариант не рассматривало командование, что будет обстрел и с другой стороны? И что, с рациями такой дефицит? Мы вообще готовы к войне?

— Обстрел со стороны населенного пункта Шалажи, — хватая воздух ртом, сообщил Миронов. — Всем в ружье и к КПП, в западные окопы.

Западная оборона границы ядра состояла всего из одного окопа, и то не была доведена до ума. Там была каменистая почва, и до нужной глубины еще не продолжили. Никто не рассчитывал на нападение со стороны Ингушетии. Мы же со всеми главами наладили контакты, со всеми была договоренность. Да и честно сказать, ингуши с нами воевать не хотели. По любому старейшины и главы были поставлены в известность, без разрешения или одобрения бандиты не рискнули бы обстреливать нас.

— Товарищ лейтенант, вы же говорили: максимум из пистолета в воздух, — не удержался я.

— В воздух, в воздух, бегом на позиции, — разозлился Миронов.

Не поверили, что обстреляют, не приняли меры по усилению. Эх, командиры. Хотя, а что бы они сделали? Ничего.

Окопная линия шла прямо от контрольно-пропускного пункта, и метров через двести поворачивала круто вправо. На этом повороте в капони́ре стоял бронетранспортер. Он был не на ходу, вообще без моторов, но стрелять он мог из всех орудий. Вот на этом месте мы через пять минут и расположились.

— Приказ начальника мотоманевренной группы: никому не стрелять, — орал лейтенант.

Такую же команду давал командир третьего взвода своим подчиненным. Интересная песня, нас обстреливают, а мы не имеем права.

Как потом выяснилось, майор постоянно запрашивал разрешения открыть огонь у вышестоящего начальства, но получал только отказ. С Ингушетией мы не воюем — и все. Они воюют, а мы нет. Приказ надо выполнять. Сплошная политика.

Мы лежали в окопе, как придурки. Со стороны Шалажи нас тупо обстреливали, а нам нельзя. Осколки свистели над нами, разрывались рядом гранаты, осыпая нас крошкой камней. Почему гранаты? Потому что обстреливали нас с АГС-17. Это 30-миллиметровый автоматический станковый гранатомёт. Предназначен для поражения живой силы и огневых средств противника, расположенных вне укрытий, в открытых окопах (траншеях) и за естественными складками местности. Он стреляет в шахматном порядке. С оптическим прицелом позволял вести стрельбу прямой наводкой на дистанции 700 метров, так что нас он полностью накрывал своим огнем. А вообще по характеристике дальность стрельбы 1700 м. Обещали из гладкоствольного пострелять, а у него ствол нарезной. И здесь нас обманули.

Обстрелы были короткими, секунд по двадцать, и потом тишина на час. И так было три раза. Перезаряжали. Одна только точка огневая. Дали бы нам разрешение, сейчас бы пару выстрелов из зенитной установки — и накрыли бы там всех. Саня Горыныч только и мог бегать вокруг своей зенитки, недоумевая, как же так, ну почему не дают команды открыть огонь.

Очередной свист пуль-гранат. Очередные разрывы рядом. Слышались стоны раненых. Надо было просто выжить. Молить Бога, что не попадут. Тишина опять. Надолго ли? Зачем мы вообще здесь лежим? Стрелять нельзя все равно.

На тот случай, если будет реальное нападение на ядро, тогда мы встретим огнем, повторял нам лейтенант. Ну и крепкие у нас нервы. Что-то сдержало. Не хватало одного выстрела — и все бы открыли огонь. Вот одному стоило не стерпеть — и его все бы поддержали.

Рассветало. Я даже заснул под утро. Обстрел закончился еще в час ночи, но команды отбой не было. Закурил.

— Чего мы здесь сидим? — поинтересовался я у всех, кто был рядом. — Свадьба давно разъехалась.

— Да уже покидает позиции третий взвод, — ответил Паштет.

— И нам пора.

— Где лейтенант делся? Почему не командует отбой.

Мы сидели в окопе и курили, когда появился лейтенант. Мы все посмотрели на него.

— Ну и морды у вас. Грязные как у чушек, — улыбался Миронов. — Отбой всем, мыться и отдыхать, кому конечно не в наряд.

Утром разведывательный отряд, конечно, определил место обстрела. Опрос местных ничего не дал: «Не знаем кто, мы от страха попрятались по погребам». И так далее, круговая порука. А то что шесть человек раненых и один из них тяжело, наплевать. Они просто повеселились и ушли.

4

Пока лежал в окопе под обстрелами, осколком камушка мне повредило тыльную сторону ладони. Всего царапина, конечно, но есть повод зайти в медицинскую палатку к Марине. Надо же обработать кисть и перебинтовать. Медлить не стал, сразу после завтрака я зашел в медпалатку. Таких, как я, там было три человека. Я сел на скамейку в очередь. Марина была за ширмой, делала перевязку.

Выйдя из-за ширмы, она не сразу меня заметила.

— Следующий, — пригласила она к столику.

Затем подняв взгляд, она увидела меня. Не ожидая такой встречи, Марина растерялась, немного покраснела. Опустив взгляд, быстро прошла мимо и села за стол.

Очередь дошла до меня, когда вышел последний солдат. Я присел за стул возле стола. Никого больше не было.

— Как ты? Что случилось? Ты ранен? Куда? — засыпала меня вопросами. — Я так волновалась. Я знала, что ты там.

Честно говоря, я был удивлен. С чего бы такое внимание, такая нежность? Чуть меньше месяца назад она игнорировала меня. Правда, мне понравилось, что она беспокоится и думает обо мне.

— Да ерунда, царапина, — смутился я.

— Дай посмотрю, — она нежно взяла мою руку. — Больно?

— Нет.

— Сейчас промоем ранку, обработаем и перевяжем.

Я смотрел на нее. Она была так хороша. Еще и в этом сексуальном халатике. Опять голова кругом. Марина так внимательно обрабатывала ранку, что у меня опять нахлынули чувства. Что за женщина! Сначала приласкала, потом оттолкнула, сейчас опять проявляет нежность. Когда она закончила бинтовать кисть, я решил поинтересоваться у нее.

— Марина, все хотел спросить. После той встречи ты на меня обиделась?

— Нет, с чего ты взял, — улыбнулась она.

— По твоей реакции. Ты после этого разговаривать не хотела, игнорировала, даже не смотрела в мою сторону.

— А что ты от меня хотел? Ты излечился быстро, сбежал, — продолжала улыбаться Марина. — Я хотела, чтобы ты подольше был рядом, отдохнул.

— Ты из-за этого обиделась? У меня друг вернулся, его чуть не посадили, Я не мог по-другому, — стал оправдываться я.

— Я знаю, — немного грустно сказала она.

— Ну а потом я пытался найти с тобой контакт. Почему ты игнорировала меня?

— А ты не понимаешь? Я замужем, и никаких подозрений и разговоров про нас мне не нужно, — уже более серьезно объясняла медсестра. — Поэтому ты не рассчитывай на ярко выраженную дружбу.

— Понятно, — опустил голову я. — А на что я могу рассчитывать?

— На кое-что можешь.

Она подвинулась ближе, нагнулась и поцеловала нежно в губы. Я напрягся, хотел впиться в ее губы, но она отстранилась.

— Не сейчас, — приложив свой палец мне к губам, сказала Марина. — Ты хочешь со мной уединиться?

— Да, конечно, что за вопрос, — я был возбужден.

— Тогда сегодня вечером, после ужина, как стемнеет, я буду тебя ждать здесь. В девять вечера совещание в штабе, нам никто не помешает. У нас будет пара часов свободного времени.

Марина была серьезной, она погладила меня по голове. Мы встали. Я обнял ее и прижал к себе. Она поцеловала, я ответил.

— Ну все, иди, — она отстранилась, — до вечера.

Я вышел из медпалатки радостный. Солнышко своей теплотой улыбалось мне. Я такой везунчик! Такая шикарная девушка выбрала меня. Она хочет провести со мной вечер, вечер любви. Я даже какую-то песенку напевал. Оставалось только ждать. Надо же как-то провести время до вечера. Быстрее бы день прошел. О Господи, какой же я счастливый человек.

До обеда я провалился на кровати, обдумывая, что и как я буду делать, когда встретимся. Я мечтал. В голове все разложил по полочкам: вот так я подойду, вот так обниму, вот так поцелую, потом это, потом то. Мне будет хорошо, нам будет хорошо. Теперь я все сделаю, чтобы доставить ей удовольствие. Я буду мужиком, прочь стеснения. Как же я ее хочу, не могу думать ни о чем другом.

После обеда я отправился в автопарк, типа машину посмотреть — что-то надо подкрутить, что-то подрегулировать. Это мое рабочее место, если не в наряде. Я опрокинул кабину автомобиля, чтобы добраться до двигателя ГАЗ-66, разложил ключи, выкрутил пару свечек. В общем, сделал вид, что ремонтирую машину. Так я до ужина дурачка и провалял, никто меня не искал. Но свечи я все-таки почистил.

После ужина я места себе не находил, бродил по палатке туда-сюда, через каждые полчаса бегал курить. Это заметили ребята.

— Ты что все суетишься? — спросил Ряба.

— Да так, думаю кое о чем, — соврал я.

— О чем же, если не секрет? — подключился Лом.

— Да не важно, не обращайтесь внимания, — ответил я и, чтобы не приставали, лег на кровать и прикрыл глаза.

До девяти еще полчаса, ждать нет сил. Я вышел на улицу, закурил. Что со мной происходит? Я как дурак переживаю, а вдруг у меня что-то не получится, сам себя измучил. Зачем я себя накручиваю? Мы сольемся в ласках, в поцелуях, в любви. Все будет прекрасно, это будет незабываемый вечер.

Пульнув окурок сигареты далеко во тьму, я пошел к медпалатке. Через пять минут я уже стоял у входа, вход был завязан. Это означало, что внутри никого нет. Я пришел рановато, еще нет девяти. Ну что ж, подождем. Я отошел немного в сторону и стал ждать, ждать Марину, очаровательную медсестру.

Как тянется время, пять минут как час. Что-то задерживается Марина. Прошло еще полчаса, а ее все нет. Прикурил еще одну сигарету. Уже тошнит от сигарет. Что произошло, почему ее все нет? Может, что-то случилось? Может, отменили совещание, и ее муж рядом, от него не уйти.

Я решил дойти до штаба, разузнать. Дежурный по штабу сказал, что совещание давно началось, и что капитан Коробов присутствует на нем. Я побежал изо всех сил обратно к медицинской палатке. Может, пока я сюда шел, она уже пришла. Увы, ее там не было, не пришла. Я не верил своим глазам. Что

произошло? Почему она со мной так поступила? Она играет со мной? Я был просто опустошен. Нет, нет, этого не может быть, не верю. Она же так искренне говорила, что будет ждать, она хотела быть со мной в этот вечер. Господи, за что такой удар, за что я заслужил это?

Прошло еще полчаса. Умом я уже понял, что она не придет, но ноги не слушались, не хотели идти обратно в палатку. Надо заставить себя. Все, точка, ее нет. Осознай это, Леха, возьми себя в руки. Во мне кипела злость. Как она могла меня предать? Да, это предательство. Глаза наполнились слезами. Ненавижу, сука! Чтоб я еще раз поверил, нет, никогда. Я больше никогда сюда не приду. Все, кончено.

Я ворвался в палатку, чуть не сбил Серегу Чуйко с ног. Он был дежурный по палатке. Кроме него и Рябы, все спали. Серега сидел за столом, писал письмо. Было уже довольно поздно.

— Ты что? — спросил Серега. — Как танк прешь. Случилось что?

— Да норм все, — отмахнулся я.

Чтобы обойтись без расспросов, я сразу же плюхнулся в кровать и уже до утра не вставал.

5

Спал плохо. Весь расчесался. Долбаные вши, все нервы вытянули. Еще сны паршивые снились, все как в тумане. Настроение плохое, весь разбитый, слабость. Только бы на нервяке не заболеть. Сегодня в наряд идти в горы. Даже радовалось это. Бесит меня эта палатка, бесит этот стол, эта печка, все бесит. Зашел Паштет, ходил за завтраком. Я посмотрел на него и понял, что и Паштет меня бесит. Началась депрессия, только этого не хватало. Я сидел на кровати. Где сигареты, черт возьми, куда подевались? Увидел пачку на земле, свалилась с тумбочки, поднял. Нет сигарет, пустая пачка. Со злости смял и кинул в угол палатки. Как

тело зудит, все чешется. Блин, как все надоело. Ну когда же домой, сил нет.

Попил чайку с рисовой кашей, вышел покурить. Со мной вышел Паштет.

— Леха, что-то ты последнее время кислый, — стряхивая пепел, начал давить мне на мозги. — Дома что случилась? Тебе вчера письмо приходило.

— Паштет, нормально все, не беси.

— Да ладно, не хочешь — не говори.

Только мы одновременно кинули окурки в сторону, как прозвучал одиночный выстрел, совсем рядом. Это в палатке, что в ста метрах от нас. Там ребята из другого взвода. От неожиданности мы пригнулись.

Из палатки, в которой прозвучал выстрел, выбегали ребята.

— Там что-то случилось, — Паштет рванул в ту сторону. — Может, помощь нужна.

— Бегом, туда, — уже на бегу поддержал я Паштета.

Через минуту мы были около палатки, прибежали и другие. Ребята из третьего взвода по одному выскакивали оттуда.

— Расступись, — скомандовал командир их взвода и забрался в палатку.

— Что случилось? — спросил Паштет у первого попавшегося на глаза солдата.

— Не понять толком. Андрюха выстрелил из автомата одиночным, походу кого-то ранил, слышал стон.

— Носилки, санитаря сюда, — высунув голову, орал лейтенант. — Двое носилок.

Через пару минут прибежали санитары и дежурные с носилками. С ними была медсестра Марина. Они сразу забежали в палатку. Она даже не взглянула в мою сторону. Сука, бесит. Вышел из блиндажа начальник ММГ Проскурин. Тоже вошел в палатку. Подходили другие сослуживцы, спрашивали, что случилось. Но кроме того, что один солдат выстрелил в другого, никто ничего не знал. Мы, как и многие,

продолжали стоять — интересно все же узнать правду. Кто-то, немного подождав, уходил. Прибежали Ряба и Чуйко, остановился на бронетранспортере Витька Рохман. Он тоже присоединился к нам.

Через десять минут распахнулся вход из палатки и оттуда на носилках вынесли одного солдата. Лицо его перекосило гримасой, он стонал. Видна была разрезанная штанина, перебинтована голень. За ним вынесли второго бойца с перебинтованной стопой. В отличие от первого, он улыбался. После раненных вышел тот самый Андрюха. Он склонил голову, выражение лица было потерянным — вот-вот заплачет. За Андрюхой вышел майор Проскурин, а за ним — Марина. Она мельком взглянула в мою сторону и побежала за ранеными. Сука, бесит.

Потихоньку стали расходиться. Пошли и мы к себе. Более подробную информацию рассказал прапорщик третьего взвода, который тоже прибежал на выстрел и присутствовал на первом допросе.

— Дело было так, — рассказывал он. — Андрей Попов только сменился из наряда. Пришел, сел на табуретку перед телевизором, не знаю, что там интересного шло, да еще автомат на место не убрал. Прямо с ним и сел. Автомат низко висел, и когда он повернулся, то зацепился за угол табурета, и прямо курком. Почему у него патрон оказался в патроннике, будет разбираться следствие. Конечно, двоих ранил. Это плохо, но могло быть хуже. Хорошо никого вообще не пристрелил. В палатке народу много было, а получилось, именно им прилетело. Они оба лежали на кровати. Одному голень прошило насквозь, другому стопу — тоже навывлет. В общем, будет проводиться расследование, во всем разберутся.

— А что сейчас с ним будет? — спрашивали однополчане.

— Приедет следственная бригада, проведут следственное мероприятие, потом заберут его в следственный изолятор. Будет сидеть, пока следствие идет. Потом или предъявят статью и приговор суда, или оправдают

и отпустят. Но если все так, как говорит он и другие свидетели, то по мне это несчастный случай. Но халатность тоже налицо. Автомат заряжен. Зачем-то держал при себе, не положил сразу в пирамиду. Все равно какое-то наказание последует.

В каждой палатке стояла деревянная пирамида, куда ставили автомат после нарядов. Пирамида то была, но автоматы почти никто туда не ставил, они висели у каждого на спинке кровати. Тем более у всех АКС, приклад складывался и много место не занимал.

До самого наряда в палатке мы обсуждали сегодняшнее происшествие.

Вечерело, я поднимался в гору в наряд. Сегодня опять погода была теплой, солнечной. Значит, и ночью будет звездное небо. Буду лежать в окопе, смотреть на звезды и мечтать. Сегодня был в наряде с Сергеем Чуйко. Опять придется его выслушивать, как он скучает по бронетранспортеру. Уже сто раз подходил и к нашему командиру, и к зампотеху, с просьбой вернуть его на БТР, но каждый раз получал отказ. Надежда его не покидала. Мне его было жалко по-человечески. Отличный водитель, страдает без своего железного коня. Еще бы потише ездил, без риска чтоб, цены бы ему не было.

В наряде было все спокойно. Большие звезды ярко светили. Мы с Сергеем болтали о разной ерунде. Всегда вовремя выходили на связь с ядром, докладывали об обстановке на посту. В один из таких докладов я решил покрутить колесико и перейти на другую частоту. Мы часто так от нечего делать баловались. Иногда попадали на частоту чеченцев. Они о чем-то беседовали на своем языке, что-то передавали друг другу. Понятное дело, мы ничего не понимали.

Меня частоту, я вдруг услышал русскую речь. Я напряг слух, еще немного настроил рацию, чтоб четче слышать.

— Вчера духам дали просрать, — услышал голос в наушнике.

— Слышали вас. Потери есть? — отвечал второй голос.

— У нас небольшие, но боевиков потрепали конкретно, они в горы ушли, драпали, аж пятки сверкали, — смеялся первый голос.

— Ну вы красавчики, десантура вперед, — радовался первый.

— Вы, красные, тоже молодцы. Часто слышно, бои у вас.

— Черти стреляют из зеленки, вплотную подбираются, но мы их градом выкуриваем, — опять веселясь, рассказывал второй голос первому.

Красные — это солдаты Внутренних Войск РФ. Я знал, что недалеко от нас есть и десантные войска, и внутренние войска. Каждый выполнял свою задачу. Кроме нас. Мы только сами себя защищали. Боевики как спускались с чеченских гор в Ингушетию, так и спускаются, спокойно обогнув наше ядро и пункты ПБО. Послушав их еще пару минут, я решил вмешаться.

— Привет мужики, — поздоровался я.

Разговор резко прекратился, около десяти секунд была тишина. Они не ожидали, что их кто-то подслушивает.

— Ты кто? — спросил первый голос, как я понял, десантник.

— Пограничник, рядом с вами служим, — ответил я.

— Да, знаю, вы слева от нас. Как у вас обстановка?

— Постреливают иногда, но не так, как у вас. Мы тоже здесь слышим, какие у вас идут бои, — я рад был общению.

— Ооо, зеленые, — наконец и второй вмешался.

— Эта наша частота, никто не знает. Выходи поболтать, как удобно будет, — сказал десантник. — Мне, ребята, надо идти. Удачи.

— Давай, удачи, — попрощался солдат ВВ.

— Удачи, — добавил и я.

С взвэшником мы разговаривали недолго. Ему надо было какой-то обход совершать. В конце он спросил:

— Хочешь музыку послушать?

— Хочу. Есть возможность такая? — заинтересовался я.

— Есть, слушай.

Не знаю как, но он мне включил песни, сначала в исполнении Татьяны Булановой, затем пел Газманов. Мы с Сергеем, приложив по одному наушнику к уху, наслаждались песнями. С утра сегодня день не задался, но сейчас, ночью в наряде настроение было хорошее, может благодаря прекрасной, теплой погоде, а может, что хорошие ребята служат вместе со мной и рядом с нами. Которые поддержат тебя и включат музыку. Спасибо всем им, что они рядом.

Глава 5

28 мая 1996 года

1

Этот день очень знаменательный, не только в данный период времени, но и на всю оставшуюся жизнь. Это День пограничных войск Российской Федерации, ну или по-простому День пограничника.

Вообще, в жизни людей обычно два самых любимых праздника: Новый год и день рождения. У нас же, у погранцов, и лично у меня, теперь три любимых праздника. Кроме 31 декабря и 6 сентября прибавился и 28 мая. Пограничные войска — это щит нашей родины. Остальные войска — шурупы, вкрученные в этот щит. Тем, кто будет читать из других войск — ребята, без обид.

День начинался обычно. Все способствовало хорошему настроению — и погода, и праздник, и то, что я накануне был в наряде, и этот день — мой выходной. У Рябы явно тоже было хорошее настроение, он прыгал по кроватям и всех будил.

— Подъем, всем на завтрак. После завтрака построение у штаба. В 10.00.

Будить ему всех можно, даже нужно. Он ведь дневальный, дежурный по палатке. Но прыгать по кроватям, тем более по тем, кто еще спит, права никто не давал. Так же думал и Лом. При очередном прыжке Рябы на его кровать Лом просто выставил ногу. Нарвавшись на ногу, Ряба на несколько секунд завис в невесомости, поддерживаемый только ногой. Потеряв равновесие и не достигнув кровати, он плашмя грохнулся в проход между кроватями. Ряба крикнул. Наверное, было больно. Естественно, он такого исхода не ожидал. Вскочив с пола на ноги, он всем своим видом показывал недоброежелательный настрой к человеку, который проявил смелость на него поднять руку, в данном эпизоде — ногу. Встав в боксерскую стойку, он был готов к бою. Лом тоже встал. Ряба,

сообразив, кто перед ним, сделал паузу. Затем опустил руки, давая понять, что битвы не будет. Лом не возражал и тоже опустил руки. В принципе, они были одной весовой категории и похожи по характеру. Ряба понял, что Лом не только не уступит, но и может дать серьезный отпор. Инцидент был исчерпан. Они улыбнулись друг другу и обнялись. Ведь сегодня праздник.

— С праздником тебя, братан, — похлопал по плечу Лома, сказал Ряба.

— И тебя, друг, с праздником, — в свою очередь сказал Лом.

Ряба сменил прическу, и последнее время стригся налысо. Говорит, чтоб седина не была видна. Но как только на висках появлялась щетина, то седина была сразу видна, и он знал это.

В палатку влетел Паштет, в руках миска с кашей.

— Мужики, сегодня завтрак отпад, смотрите гречка с тушенкой и по одному яйцу дают.

— По какому яйцу, по правому или левому? — засмеялся Витька Рохман.

Засмеялись все, Паштет тоже улыбнулся.

— По куриному, придурки, — садясь за стол, поправил он.

Мы схватили свои миски и кружки и помчали на кухню. Такой праздничный завтрак пропустить нельзя. Когда еще так накормят?

— Сизый? — обратился Санек к повару, пока тот накладывал гречку в миску. — Ты к праздничному столу что-то приготовил нам?

— Обижаешь, — специально с акцентом, пародируя лиц кавказской национальности, ответил Костя.

— Интересно, и что приготовишь? — продолжал Саня.

— Увидишь, пока секрет. Неожиданно удивлю, — улыбался Костя.

— Ну, смотри. Если положительно не удивишь, то неожиданно получишь в лоб, — забрав кашу у Сизова, Саня уступил очередь мне.

Давно так вкусно не ели, а гречку видел последний раз еще в Пыталове, в воинской части на Псковщине.

— По закону Архимеда, после вкусного обеда, чтобы жиром не заплыть, надо срочно покурить, — намекнул нам Рохманов. Мы были только за и толпой вышли на улицу.

В нашем взводе курили все, но был негласный закон. В палатке не курить. Хотя иногда этот закон нарушали, особенно когда употребляли алкоголь. Как выпьешь, то куришь одну за другой. Поэтому каждые десять минут бегать на улицу влом.

Смеялись, шутили, настроение у всех было прекрасное. До построения еще полчаса, можно все делать не спеша.

У штаба собирались и строились в две шеренги солдаты. Командиры взводов и прапорщики находились в штабе. Шло совещание. Скорей всего, думают об усилении постов, чтоб исключить провокацию в праздник. Так всегда происходило в праздники. Все этого опасались, кроме меня, потому что я только с наряда, а повторно никогда не отправлиали.

Солнце уже пекло всюду, на небе не было ни одного облачка. Под ногами сухо и чисто. Почти месяц понадобился, чтобы вымостить красным кирпичом основную дорогу и импровизированный плац. Мы также выкладывали дорожку из кирпича от палатки к главной дороге. Так сказать, обустроивали ядро.

— Что-то долго они там совещаются? — рассуждал Паштет. — Уже десять часов давно минули.

— Ты что, спешешь куда-то, — задал я ему вопрос.

— Нет, конечно. Отмечать еще рановато, просто стоять и ждать не люблю.

— Потерпишь, — вмешался Ряба. — Может, пораньше стол накроем. Чего вечера ждать? Сядем сразу после обеда, отметим и пообедаем заодно.

— Тебе бы только нажраться, — в свою очередь сказал Чуйко. — Мне вообще не повезло, сегодня в наряд в горы.

— Я и говорю — пораньше, чтобы и ты успел пару рюмочек дернуть до наряда, — не успокаивался Ряба.

— Успею, мне в восемь вечера заступать, — продолжал Чуйко. — А за стол решили в шесть садиться, времени достаточно.

— Ты моли Бога, чтобы в усиление не отправили, — усмехнулся Паштет.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — сплюнул Ряба и постучал по голове, только не себе, а Паштету.

Нашу беседу прервал Санек, ткнув стоящего рядом Рябу локтем в бок.

— Все, тише, командиры идут.

По одному из штаба выходили командиры и прапорщики. Почти у всех были красные лица. От этого в воздухе завис вопрос — им там что, наливали? Может, и наливали, но скорей всего это от духоты. Их там было много, как селедки в бочке.

Командиры и прапорщики становились в строй, присоединялись к своим подразделениям. Вышел зампотех капитан Коробов, прошел в центр плаца, громко и строго скомандовал:

— Становись, равняйся, смирно.

Показался начальник ММГ майор Проскурин Александр Григорьевич. Он вальяжной походкой подошел к капитану, развернулся лицом к строю, махнул рукой и сказал:

— Вольно.

Мы расслабились. Он широко улыбался, его хорошее, праздничное настроение передавалось и нам. Глядя на него, я никак не мог понять, вмазал он уже пару рюмок коньяка или еще нет.

— Доблестные бойцы, — начал свою речь майор. — Поздравляю вас с Днем пограничных войск Российской Федерации. Я очень горжусь вашим мужеством, которое вы показываете, защищая Родину. Нам поставлена сложная

задача, которую мы обязательно выполним. Этот день вы запомните навсегда. Каждый год, отмечая этот праздник, вы мысленно будете возвращаться сюда. Желаю вам быть сильными духом и морально устойчивыми. Впереди чтоб были одни победы. Нам необходимо уничтожить эту чуму 20-го века, и мы справимся. Каждому лично желаю вернуться домой живыми и здоровыми, настоящими мужчинами. Товарищи командиры, вам приказываю обеспечить спокойствие и порядок в ваших взводах. Праздник праздником, а служба службой. Чтобы контроль был полный, организовать обход постов каждые два часа. У кого есть ко мне вопросы?

— Салют в честь праздника будет? — спросил кто-то из третьего взвода.

— Будет, — немного подумав, сказал Проскурин.

В строю раздался гул солдат, все восприняли эти слова с одобрением. Интересно будет не только посмотреть, но и самим принять участие, пострелять трассирующими пулями в ночное небо, в темноту.

— Ну, если вопросов больше ко мне нет, — продолжил майор, — то разойтись.

Начман так же вальяжно удалился в штаб. Все стали расходиться.

— Минутку, — задержал нас лейтенант Миронов. — Надеюсь, у меня сегодня проблем с вами не будет? — он в упор смотрел на Рябу.

— А что вы на меня смотрите? — не выдержал взгляда Ряба.

— Потому что ты самый проблемный. Постоянно во что-то вляпаешься, — спокойно ответил командир нашего взвода материального обеспечения. — Надеюсь, сегодня ничего не произойдет.

— Я проблемный? Мне просто иногда не везет, — немного возбудился Ряба и добавил. — Все будет норм.

— Я так понял, что все по графику. Никаких усилений постов не будет? — спросил в свою очередь у лейтенанта я.

— Команды на усиление не было, — ответил Миронов.

— Супер, — раздался хором наши голоса.

— Будьте бдительны, много не пейте, — напоследок сказал лейтенант и спокойной походкой отправился к себе в блиндаж.

Мы шумной толпой побрели в свою палатку. В палатке было душно, и мы решили боковые стенки скрутить и закрепить сверху. Получилось очень даже прикольно, две стены отсутствовало, продувало полностью, хотя ветра практически не было. Стало хоть не душно. Это мы практиковали и в будущем, опускали стенки палатки только на ночь или в дождь.

Каждый стал заниматься своим делом. Надо было как-то до торжества время провести. Договорились начать застолье в шесть вечера, чтобы Илья Соболев успел подъехать. Он был в командировке в Назрани три дня. На своем «Урале» ремонтные комплекты перевозил. Тем более, спиртного не так много было, и Илья должен был подвезти еще.

После обеда я думал пойти в автопарк, сделать вид, что работаю. Вообще, там место было спокойное, никто не беспокоил. А пока полежу, подремлю, как-никак из наряда пришел.

Самое приятное — накрывать на стол, предвкушая события, которые в скором будущем произойдут. Повар Костя не врал, действительно нас всех удивил. Нажарил картошки с лучком. Оказывается, давно припас, просил прапорщика купить на рынке в станице Нестеровское. Прапорщик по каким-то своим делам там был. И вот посредине стола красовалась большая сковорода поджаристой картошки с корочкой. Илья Соболев вернулся, как и полагалось, с двумя литрами русской водки. Нарезанный белый хлеб намазали паштетом. Поставили открытые банки тушенки и консервы. Килька в томатном соусе просто манила съесть ее. Желудочный сок интенсивно выделялся при взгляде на такое богатство на столе. Накрыли быстрее запланированного времени, и теперь все стояли у стола и, облизываясь, ждали. Времени только пятнадцать минут шестого.

— Ну и что ждать? — начал всех подстрекать Ряба. — Стол накрыт.

— Действительно, — поддержал Паштет. — Подумаешь, на сорок минут пораньше запланированного сядем.

Решили сходить покурить — и за стол.

Все расселись, звеня кружками, поставили их кучкой ближе к Рябе. Ну кто как не он на разливе. Ряба с огромным удовольствием наполнял, лицо аж светилось радостью.

— Леха, скажи тост, — обратился ко мне Паштет.

Я встал. Поднял кружку и начал тост:

— За все время, что мы вместе здесь голодали, мерзли. За то, что сейчас кормим вшей, ночуем в окопах, я не могу сказать, что вы просто друзья, вы мне как братья, родные. Я очень рад, я просто счастлив, что вы рядом и всегда придете на помощь. Наш общий праздник — День пограничника — еще больше нас сближает. Давайте выпьем за этот великий праздник, выпьем за всех друзей, кто сейчас в наряде, за всех солдат, кто отдал свой гражданский долг. Мы, пограничники, сделаем все, чтобы Россия спокойно спала. С праздником!

Шумно чокаясь, мы выпили.

— Ох, хорошо пошла, — закусывая картошкой, сказал Рохман.

— Ну, тогда повторим, — уже наливая, сказал Ряба.

Второй тост был за тех, кого с нами нет, кто погиб, выполняя поставленные командирами задачи. Выпили, не чокаясь и стоя.

— По третьей и покурим? — предложил Чуйко.

— Наливай, — сказал Саня Рябе, — только по маленькой дозе.

— Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве, — улыбался Ряба, наполняя посуду. — Жванецкий говорил.

Поддержали. Выпили, закусили и высыпали толпой на улицу. Солнце еще светило, но скоро уже должно было скрыться за горы. Не рано ли мы сели, подумал я. Ну ничего,

раньше сядешь, раньше встанешь. Сейчас несколько человек в наряд уйдут, свободней за столом станет. Алкоголь приятно щекотал желудок, теплом проходя по пищеводу.

Покурив, опять расположились за столом. Только Ряба налил новую порцию горячительного напитка, как в палатку ворвался дежурный по штабу.

— Срочное построение у штаба, начман собирает, — сказал дежурный и убежал дальше по палаткам сообщать всем.

— Ну что еще ему надо? — воскликнул Паштет. — Так хорошо сидим.

— Даже интересно, что за повод? — заинтересовался я.

— Раз налито, надо выпить, — предложил Ряба и одним глотком проглотил все, что находилось в кружке.

Выпили и мы, на ходу закусив, выскочили на улицу. Со всех сторон к штабу громко разговаривая, подтягивались солдаты. Все были в недоумении. За каким хреном нас строить, ведь поздравления уже были. Подошел к нам командир Миронов.

— Товарищ лейтенант, по какому поводу построение? — спросил Лом.

— Не знаю, сам удивляюсь, — пожал плечами старший.

Из штаба вышел майор. Вот теперь, глядя на него, я точно понимал, что выпита не одна рюмка коньяка. Начальник мотоманевренной группы не только вальяжно, но и покачиваясь, вышел на середину плаца. Морда была красная, во рту торчала зубочистка, которую он вытянул и при всех сталковыряться в зубах.

— Вольно, вольно, — скомандовал он, хотя никто по стойке смирно и не стоял.

— Салюта хотели? — улыбаясь, продолжил майор.

Все улыбались, шумно переговариваясь. Майор взял паузу, опустив голову, принялся ходить вдоль строя, что-то явно обдумывал. Наконец остановился, посмотрел на строй и сказал:

— Помните свадьбу? Село Шалажи.

— Конечно, помним, — выкрикивали из строя. — Сколько наших ранило. Уроды.

— Никогда не забудем, — шумели солдаты.

— Значит так, разворачивай оружие. По людям не стрелять, но чтобы я в этом ауле ни одной трубы в доме не видел, — сказал он и направился в штаб.

Мы офигели. Такого мы не ожидали. Мы переглядывались, не до конца осознавая услышанное. Продолжали стоять, думая, что майор остановится, повернется и скажет, что пошутил.

Он действительно остановился, повернулся и закричал:

— Что стоите? К бою!

Мы побежали к своим палаткам за автоматами и к КПШ в окопы.

Вот это был салют! Так как мы зарядили одними патронами с трассирующими пулями, то темнеющее небо озарило. Одними трубами, конечно, не обошлось. Как покончили с нами, перешли по окнам, сараям и другим объектам. Надеюсь, местные жители успели попрятаться по подвалам и погребам. Меня это мало интересовало, как и всех. Закончив один рожок, вставляли другой и продолжали зверское нападение на Шалажи. Несколько домов и построек занялись огнем. Не все дома попадали в поле зрения, но с таким плотным огнем досталось и им. Зенитчик Горыныч бегал и умолял командиров, которых встречал, дать разрешение с зенитной установки поработать. Ему отказывали, но он добрался до штаба и напелл начману, что видел возле кошары боевиков. Хорошо поддатый майор дал отмашку.

Зенитная установка работала десять минут, после нее в селе не было ни одного целого дома. Мы уже не стреляли, а просто наблюдали, как исчезает с лица земли населенный пункт Шалажи. Сначала было весело, а когда спиртное стало проходить, появилась грусть и жалость к жителям этого села. Но я быстро взял себя в руки, вспомнив стоны раненых, наших бойцов, как эти сволочи нас обстреливали, а местные

были на их стороне. Нет им пощады, и жалость надо зачихнуть поглубже в жопу. Надо просто не забывать — это война.

Вечер продолжился под шумное обсуждение прошедшего обстрела, в этот раз обстрела не нас, а обстрела нами. Да, воевать с гражданскими нельзя, но урок всем. Меньше таких свадеб будет. Пусть запомнят. Профилактическая работа проведена. Мы напились, и наш вечер закончился далеко за полночь. Вши в эту ночь не кусали, наверное, такая пропиртованная кровь им не нравилась.

Начальника мотоманевренной группы майора Проскурина на следующий день вызвали в особый отдел части, к которой мы были прикомандированы. Несладко ему приходилось, за такое решение по головке не погладят. Но в наших глазах он вырос. Если мы раньше с равнодушием относились к нему, то теперь с большим уважением. Свои полномочия он сдал капитану Коробову. Мы гадали, что с ним будет. Одни говорили, что отправят в другую часть и все, другие говорили, что разжалуют и отправят взводом командовать, третьи, что на пенсию отправят, спишут. А кто-то твердил, что это уголовное дело и его посадят.

2

На этом я закончу описание весенней службы. Не знаю, чего было больше — горести или радости, вам решать и судить. Служба на административной Чечено-Ингушской границе продолжается. Впереди жаркие летние деньки, также наполнены драматизмом. Как я уже ранее говорил, интенсивность укусов бельевых вшей летом уменьшалась, но не заканчивалась, и мы по-прежнему боролись с ними с помощью утюга.

Ну что ж, до встречи в четвертой и последней части моего рассказа. Надеюсь, вы еще со мной и переживаете те события 1996 года. А я дальше буду описывать все, что помню, что рассказывали, ну и что придумая.

Часть 4

ЯДРО. ЛЕТО

Предисловие

Начать описание летней сессии моей службы на Кавказе хотелось бы с хорошей новости. К нам прикомандировали около ста человек, младше по сроку службы на полгода. Размещали их по разным взводам. Четыре человека попали и в наш. Теперь в нашей палатке отпала очередность уборки для нас — тех, кто был одного года призыва. Появились молодые, и уже график уборки они определили между собой. Надо ли говорить, что постоянный беспорядок в палатке исчез. Ведро с питьевой водой всегда было наполнено. А то обычно в дежурство Рябы ведро всегда пустое.

Ну и из плохих новостей: мы уже неделю находимся под командованием зампотеха капитана Коробова. Он с каждым днем вел себя хуже, возомнил себя крутым начальником, надоедал постоянными построениями и установлением своих тупых законов.

Об этих и других историях читайте ниже.

Глава 1

3 июня 1996 года

1

Лето — прекрасная пора для отдыхающих на море гражданских лиц. Но для нас это новые испытания. Жара намного лучше, чем испытания холодом, но и она принесла свои проблемы. Самая главная беда была в том, что к лету пересох наш родник, из которого мы брали воду для питья, приготовления пищи и чтобы мыться. Ближайшие к нам родники или колодцы были опасны, так как была большая вероятность, что вода в них отравлена. Единственное место, где наши командиры договорились с местными братьями, это село Алхасты. От ядра до родника в Алхастах было около десяти километров. Все село брало воду из этого родника, так что травить его точно никто не будет. Кстати, и из других подразделений туда приезжали. Видели там и солдат из внутренних войск, и десантников.

Это был огромный родник. Несколько желобов, вилля по каменистому склону, уходило в низину, где можно было спуститься на машине с бочкой. Спускались по одному, машина подъезжала и становилась под желоб, заполняла цевэшку. И только после того как выезжала на дорогу, туда спускалась следующая машина. Каждое утро мы колонной от трех до пяти машин проделывали этот путь за водой. Иногда приходилось делать два рейса, независимо от того, дежурная машина твоя или нет. Это потом уже задачей дежурной машины стала развозка воды по пунктам боевого охранения. В сопровождении бронетранспортера Витька Рохманова всегда был первый в колонне. Пока заполнялись бочки, мы по периметру выставляли охрану, иногда до десяти человек.

Надо сказать, что третьего июня была всего вторая поездка за водой. До этого родник в ядре функционировал

хоть немного, и еще можно было набрать фляжку воды для питья. Но уже через месяц он полностью высох. Приходилось экономить воду везде, меньше мыться, практически не стирать одежду. Объясняю сейчас, чтобы потом мне не возвращаться к этой теме.

Стоя в этой очереди, я решил написать письмо домой. Длинных писем не писал давно, но, как и обещал родителям, раз в неделю письмо отправлял. Передо мной было еще две машины. Я был в колонне сегодня последним. Так что я, написав письмо и заклеив конверт, выпрыгнул из кабины размять ноги и покурить. Передо мной стоял Паштет, я закурил и подошел к его машине. Через окно я заметил, как он рассматривал фото своей возлюбленной, девушки Сони. Скучал. Иногда бывают такие моменты, что вдруг нахлынет грусть, тоска. У меня тоже были фото родителей и братишки, и также иногда я доставал и смотрел на снимок, скучая и мечтая, как я вернусь домой, как они меня встретят, как накроем стол. Я позову друзей, сядем и отметим мое возвращение домой, на Родину.

Я постучал в окно. Паштет от неожиданности подскочил, мысли его вернулись в реальность, он положил фото в конверт, а конверт, в свою очередь, в нагрудный карман.

— Вылезай, покурим, — предложил я ему.

Паштет спрыгнул на землю, стрельнул у меня сигарету и закурил. Решили залезть на броню бронетранспортера, посидеть на свежем воздухе. Витя Рохманов на своем БТРе стоял на другой стороне дороги в обратном направлении. Машины с наполненными бочками воды выезжали из родника и становились в колонну за ним. Рохман сам сидел на броне.

— Есть закурить? — спросил Рохман, когда мы залезли на БТР.

Я протянул пачку сигарет «Ту-134», Витя вытащил сигаретку и прикурил. Хорошо сидим, погода теплая, солнечная, легкий южный ветерок обдувал лица.

— Что, Паштет, сегодня вместе в горы, в наряд? — произнес я, затягиваясь.

— Ну да. Музыка попросим поставить, — улыбнулся Паштет.

— А мне завтра с утра колонну встречать у станции Нестеровская, — вмешался Витя Рохманов.

— А что тебе. Доехали, встретил колонну, пару машин сюда проводил на разгрузку. Может, что нового привезут.

— Что они могут нового привести? — махнул рукой Паштет. — Боеприпасы да рис с белым хлебом. Надо самим на КПП и местных что-нибудь за бензин выменять, давно вкусенькой пищи не ели.

— Вот и сходи вечером, договорись, — посоветовал я.

Очередная машина выехала из низины и встала в колонну. Паштет побежал. Была его очередь спускаться к роднику. Я тоже, пульнув окурком в сторону, попрощался с Рохманом, побрел к машине. Заправка цевэшки занимала полчаса. Пока заправлял воду Паштет, я включил музыку и немного задремал.

2

В ядре, отцепив полную бочку с водой в автопарке и поставив машину на свою стоянку, пошел в палатку. Скоро обед, потом можно поспать до наряда. Никаких других планов не было. Ну, можно еще утюгом пройтись по швам, погубить недавно отложенные яйца вшей.

Зайдя в палатку, я хотел скинуть сапоги и надеть тапочки, но меня остановил Санек, он был дежурный по палатке.

— Не переодевайся, — сказал он. — Опять капитан всех собирает у штаба.

— Задолбал уже, — не скрывая презрения, добавил Лом.

— Ну что ему еще надо? — не удержался от разочарования и я. — Опять какую-нибудь пакость придумал.

— Ладно, что толку причитать и ныть, — сказал Илья Соболев. — Пойдем, узнаем, что ему от нас надо.

На плацу уже толпился народ. По голосам, которые можно было услышать, все были недовольны. Кто-то громко ругался, кто-то плевался в сторону штаба, кто-то спорил с командиром взвода. Как пчелиный рой, все вокруг жужжали. Многие курили, закурил и я. Обычно минут десять всегда ждешь капитана. Он, наверное, специально выдерживает время. Никогда не был пунктуальным, от этого раздражало и бесило еще больше.

— Становись, — быстро сказал лейтенант Миронов.

Показался капитан, все побросали окурки и начали выравниваться в строю.

— Равняйся. Смирно, — скомандовал капитан Коробов. — Равнение направо.

Мы повернули головы вправо. Интересно, на что он хочет обратить наше внимание. То, что мы увидели через несколько секунд, заставило всех раскрыть рты. Такого никто не ожидал, даже командиры взводов и прапорщики были не в курсе. Из штаба привычной вальяжной походкой вышел начальник ММГ Проскурин. Строй ахнул и загудел, кто-то выкрикнул «Здравия желаю, товарищ майор», но на этот возглас получил порцию презрения в глазах начмана. Только сейчас все заметили, что на погонах у него не одна звездочка майора, а две звезды — подполковника. После команды «вольно» подполковника засыпали поздравлениями и вопросами, на которые он отвечать не стал. Сказал одно, что он опять с нами и готов выполнять поставленные задачи.

— Но это еще не все, — усмехаясь, сказал Проскурин. — У меня есть хорошие новости для капитана Коробова.

Капитан напрягся, заметно покраснел, но улыбнулся своими усами. Представляю, что у него в голове, какие

мысли бродят. Но если подполковник сказал, что новости хорошие, то волноваться капитану не стоит.

— Товарищ капитан, — сделав небольшую паузу, начман продолжил. — За особые заслуги перед Отечеством и качественное несение воинской службы вам присваивается внеочередное звание майора. Поздравляю.

Подполковник вручил звездочки майора и пожал руку. Все закричали ура, дружно захлопали в ладоши и выкрикивали слова поздравления. Слово взял свежеиспеченный майор Коробов.

— Служу Российской Федерации, — козырнув рукой, отчеканил зампотех. — Большое спасибо. Отдельно хочу сказать офицерам. В 18.00 совещание в штабе, явка всем обязательна.

— Раз все понятно, разойтись, — сказал начман Проскурин.

3

Разговоров в палатке опять хватило на целый день, вплоть до моего наряда.

— Ну конечно, совещание, — завидовал Ряба. — Звездочки свои обмывать будут.

— А тебе-то что от этого? — удивился Витек Рохманов.

— Я тоже хочу выпить, — не успокаивался Ряба. — Может, сгонять на КПП, с местными поторговаться? Кто поддержит?

— Никто, — грубо ответил Илья Соболев. — Сегодня не в тему вообще.

— Согласен, — поддержал Илью я. — Мы с Паштетом в наряд, Витька Рохман с утра уезжает встречать колонну. Да и нормального повода нет, это не наши звездочки и не нам их замачивать.

На том и порешили. Ряба был в меньшинстве, значит, обязан подчиняться большинству.

После ужина с Паштетом пошли в горы. Ночь была звездная, теплая, тихая. Весело разговаривали, слушали музыку,

даже по паре часиков поспали по очереди. Хоть обстрелы в связи с появившимися листьями на деревьях и кустарниках увеличились, но эта ночь была спокойной. Стрельба, как обычно, слышалась далеко, в районе Грозного. Постоянно где-то шли бои.

Сами между собой решили ходить в наряд не по четыре часа, а по двенадцать сразу, так всем больше нравилось. В восемь вечера заступил в наряд и в восемь утра сменился. Так как ночь теплая, а в наряде нас двое, то умудрялись, если не выспаться полностью, но несколько часов покомарить, если конечно не было обстрелов.

В этот раз обстрела не было. Спокойно отстояв свои положенные часы, мы утром вернулись в палатку. После завтрака я собирался поспать до обеда.

Сидя на кровати, стягивал сапоги.

— Ну, я поехал, — сказал Витька Рохманов, вешая свой автомат на плечо. — Колонна уже подъезжает, я быстро встречу и назад. В карты сыграем.

— Давай, — сказал я, — посплю пока.

Витя вышел, а моя голова упала на подушку.

4

— Леха, Леха, вставай, — сквозь сон я слышал голос Сереги Чуйко. — Витька Рохмана подбили, из РПГ, всего в трехстах метрах от ядра.

Я лихорадочно соображал, сон не спешил уходить. Но на рефлексе я вскочил и стал натягивать сапоги. Выскочив из палатки, я увидел впереди бегущих к месту трагедии Чуйко и Паштета. Я побежал за ними изо всех сил, пытаюсь догнать.

Мы прибежали на место, где увидели подбитый бронетранспортер, из открытых люков еще валил черный дым, в воздухе пахло гарью. Сбоку, куда попал снаряд ручного противотанкового гранатомета, маленькая дырочка,

диаметров десять сантиметров всего. А вокруг этой дырочки — пятно гари диаметром с метр. Вокруг суетились дежурные санитары.

Почему из нашего взвода мы дежурными санитарями в наряд не ходим, целый день можно было бы находиться рядом с Мариной, почему-то подумал не в тему я в этот момент. К черту Марину, нет ее.

Вокруг была суета, слышались громкие стоны.

— Друг, помоги! — кричал мне санитар, махая рукой.

Я не раздумывая подскочил к нему.

— Бери за руки, а я за ноги, — показал он на лежащего бойца, у которого все лицо было залито кровью. — Вот туда несем.

— Он что? — я не успел договорить.

— Да, двухсотый, — как-то обыденно, без сострадания, сказал он, как будто ему это приходится делать каждый день.

Двухсотый — это значит, паренек больше не дышит, он мертв, погиб. Мы отнесли его в сторону от БТРа, ведь есть опасность, что бак с топливом бронетранспортера может взорваться в любую минуту. Положили рядом с другим бойцом, который уже был накрыт простышкой с головой. Тоже труп. Витьку Рохмана на броне сопровождал десант, пять человек.

— А где Витька Рохман? — спросил я у санитаря. — Водитель этого БТРа?

— Пока не знаю, — пожал плечами он.

Я осмотрелся, заметил, как одному солдату перевязывают голову. Немного в стороне другой боец, скрючившись, катался по земле, держась за живот. Возле него, пытаюсь оказать первую медицинскую помощь, склонились два человека. Какая страшная картина! Но где же Витька?

Я обогнул бронетранспортер и увидел, как из нижней дверцы БТРа пытаются вытащить человека. Я подбежал к ним и еле узнал Витьку. Лицо было перекошено страшной

гримасой, черное от сажи, одна сторона обгорела до кости. Он стонал, значит, жив, но стонал еле слышно. Как же ему больно. Я стал помогать вытаскивать изуродованное обгоревшее тело.

— Где нога? — отскочив в сторону, заорал я.

Разорванная штанина болталась, как тряпка. Ему оторвало ногу, другая нога тянулась за телом, держалась практически на одной коже, он что-то бормотал в бреду.

— Не жилец, — констатировал рядом находившийся Паштет.

— Витя, держись, — пытался я как-то подбадривать его, — Все будет хорошо. Сейчас вертушка (вертолет) прибудет, в больничку улетишь, заштопают тебя. Потерпи немного.

Мои глаза наполнились слезами. Он меня не слышит, истекает кровью. Что толку перебинтовывать, если его тело все в ранах. Эх, Витек, как же так. Я стоял перед ним на коленях, наблюдая, как умирает мой друг. Паштет положил свою руку мне на плечо, он уже прощался с Витей Рохмановым. Все понимали, что это конец. Он снова застонал, повернул голову в мою сторону, приоткрыл один глаз. Второго глаза не было, он был выжжен, как и вся правая сторона лица. Он как будто из последних сил простонал шепотом:

— Жить хочу.

В этой короткой фразе было столько боли, что защемило в груди. Стало трудно дышать, слезы сами катились по щекам и капельками падали на землю. Он просил меня сделать хоть что-нибудь, спасти его. Но что мне сделать, как помочь ему? Я был беспомощен перед обстоятельством. Меня тошнило, запах гари и смерти витал в воздухе. Витя прикрыл глаз и снова застонал.

Услышали приближающийся вертолет. Сюда, быстреей, хотелось кричать. А вдруг спасут, ну пусть калечка будет, но живой. Все может быть. Бывали же случаи.

И не с такими травмами и ранами выживали. Если организм молодой, может, поборется еще. Быстрее. Ну чего так долго кружит? Садись уже.

Из вертолета выскочил санитар с носилками.

— Сюда, скорей, — махал Чуйко санитару. — Здесь тяжелый.

Санитар подбежал к нам, мы аккуратно положили Рохмана на носилки. Испытывая сопротивление ветра, исходящего от лопастей, мы осторожно понесли его в вертолет. Пока несли, я все время держал Витьку за руку. Терпи друг. Витька тихо стонал, ворочая голову в разные стороны.

Потом помогли загрузить остальных раненых и мертвых. После того как вертолет поднялся в небо, я сказал:

— Прощай, Витя.

Подъехал начман подполковник Проскурин и другие офицеры, с ними и наш командир Миронов. Оценив обстановку, он громко скомандовал.

— Ничего на месте происшествия не трогать, скоро придут следователи и дознаватели из Назрани. Будет расследование проводиться. И вообще, всем кто здесь от любопытства прибежал, покинуть это место и вернуться в свое место дислокации, в ядро. Офицеры, проконтролировать.

Не дожидаясь приказа нашего командира, мы втроем — я, Паштет и Чуйко — побрели, полностью опустошенные, назад.

— Я во всем виноват, — вдруг неожиданно для всех произнес Сергей Чуйко.

— В смысле? — не понял Паштет, не понял и я.

— В чем твоя вина?

— Что непонятно? До вас не доходит? — он остановился на секунду, посмотрел на нас злыми глазами.

— Нет, непонятно, — ответила. — Ты можешь объяснить?

— Ну вы тупые, — явно раздражало что-то его. — Его подорвали на моем БТРе, с моим номером. Это месть за сбитый мною ларек с женщиной. Местные думали, что я продолжаю

служить на этой технике. Я когда сидел в изоляторе временного содержания, слышал, как местные через забор кричали, что отомстят. Они давно мне вынесли смертный приговор.

— Не сгущай краски, — спокойно сказал Паштет. — Они давно бы уже привели свой приговор в исполнение. Скорей всего, они знали, что ты уже не на БТРе.

— Когда вы из Грузии маневренную группу вывозили, помните растяжку на дороге? — продолжал гнуть свою линию Чуйко.

— Да, помним. И в чем связь? — переспросил я, хотя уже догадывался, к чему клонит Сергей.

— Все просто, как дважды два, — он щелкнул пальцами. — Они знали, что едет мой БТР, и думали, что я за рулем. Сделали попытку подрыва, но не вышло, заметили растяжку. После чего решили не рисковать и подготовиться лучше, и вот путем постоянного наблюдения вычислили. Они знали, что этот БТР будет встречать колонну. Они все знали и ждали.

— Не вини себя, — успокаивал Паштет.

— Это судьба, — сказал я.

5

На следующий день дежурный по штабу принес новость. В штаб по телефону сообщили, что Виктор Рохманов умер, не успев доехать до больницы. Степень тяжести травм была не совместима с жизнью. Вечером мы друга помянули. А на следующий день Вите пришло письмо из дома от матери, которое он не успел прочитать и уже не прочтет.

Позже на месте гибели мы поставили большой деревянный крест, воздвигли холмик из камней. И каждый раз, когда проезжаешь по дороге, ты видишь этот крест издалека и отдаешь дань памяти погибшему солдату.

Глава 2

8 июня 1996 года

1

Утро, как часто бывает, выдалось прекрасное, солнечное. С хорошим настроением я, Ряба и Илья пошли на завтрак. Ночью я часто просыпался. Где-то справа, в стороне Бамута, шел серьезный бой. Работали и зенитные установки, и минометы. Всё это напрягало, и все ждали команду к бою. Но вроде нас обошло, и там, где шел бой, видать, наши бойцы справились.

— Опять на завтрак рис, — недовольно буркнул Ряба.

— Ну извини, картошки нету, — оправдывался Костяповар.

Взяли кашу, белый хлеб, чай и пошли завтракать в палатку.

— Не в курсе, куда Паштет с начманом поехали? — спросил у всех Илья Соболев. — Вроде кто-то на КПП к нему приезжал. О чем-то договорились и уехали в неизвестном направлении.

— Не в курсе, — ответил за всех я. — Приедет Паштет, узнаем тогда.

Паштет был дежурным на машине.

Только я поставил пустую кружку на стол, полностью съев свой невкусный завтрак, как в палатку вошел Паштет.

— Кто свободный, собирает подполковник в штаб, — запыхавшись, сообщил он.

— А что случилось? — спросил Лом.

— Я не знаю, честно.

— Так куда вы ездили с начманом? — пытал его я.

— К какому-то заводу подъехали, километров двадцать отсюда. Начман во внутрь с мужиком бородатым зашел

и через полчаса вышел, — рассказывал Паштет. — Что обсуждали, о чем разговаривали, я не знаю.

— Ладно, узнаем сейчас, — сказал Илья.

Я, Паштет, Ряба, Лом и Илья Соболев пошли в штаб, на ходу закурив по сигаретке.

Штаб находился в блиндаже, ступеньки уходили глубоко под землю. Рядом со штабом круглосуточно дежурил солдат. Даже если там никого нет, он не должен был покидать свой пост и тем более кого-то туда пускать без разрешения начальника мотоманевренной группы. После того как дежурный доложил ему, что мы прибыли, нам разрешили пройти в штаб.

Подполковник сидел за столом, нацепив на нос очки. Я его в очках еще не видел. Он изучал какой-то документ. Рядом за другим столом сидел командир нашего взвода Миронов.

— Разрешите войти? — козырнул Илья, так как он первый вошел туда.

— Входите, — обычным голосом произнес подполковник.

Он оторвался от документа, посмотрел на нас, снял очки и встал из-за стола. Штаб был довольно просторный. Он стал задумчиво бродить.

— Мы уже с лейтенантом переговорили, — начал начман. — Значит так. Вам полчаса на сборы, завести автомобили, заправиться и выстроиться в колонну у штаба. Это приказ. Выполнять.

Мы толпой повалили к выходу. Вопрос, куда едем, постеснялись задать. Но за нами сразу вышел лейтенант. Мы напали на него.

— Едете на винно-водочный завод, — не выдержав натиска, признавался Миронов. — Только это секретная информация, чтоб, кроме вас, никто не знал.

— Конечно, никому не скажем, — видно было, что Ряба стал проявлять к этой новости повышенный интерес. — А зачем? С какой целью мы туда едем?

— Ночью несколько снарядов от зенитки легли на один корпус завода, — продолжил отвечать на вопросы лейтенант. — Вот директор завода попросил помощи у подполковника Проскурина. Надо уцелевшее оборудование с разбитого корпуса перевезти на склад, что в пяти километрах от завода.

— Понятно, а будет кто-то загружать помогать? — спросил Лом.

— Рабочие помогут загрузить, а разгрузать не знаю. Ну на складе тоже кто-то будет, помогут. Хватит вопросов, раз все понятно, по машинам, бегом.

2

Через полчаса все стояли колонной у штаба. Первый на «Урале» стоял Илья, за ним Паштет, потом я, Ряба и замыкал Лом. Командир взвода Миронов нас сопровождал, он сел в первую машину к Илье Соболю.

У ворот завода нас встретил бородатый директор. Перекинувшись парой слов с лейтенантом, он махнул кому-то рукой. Ворота скрипнули и медленно поползли в сторону, открывая проезд во двор завода. Впереди шел человек, показывая дорогу, куда надо ехать. Мы медленно следовали за ним. Метров через сто подъехали ко входу в разбитый корпус. Крыша частично была обрушена, одна стена была черная от копоти. Видать, был небольшой пожар. У входа топтались рабочие. Всего три человека, но плюс нас пятеро, так что хватит на погрузку.

Мы остановились. По одному подъезжали ко входу на погрузку. Чем нас только ни грузили: фляги, бочки, ленты элеваторов, двигатели станков, ролики, подшипники — в общем, что можно было вывести из разбитого корпуса, то и грузили.

Пока грузился Илья Соболев, мы с Рябой и Паштетом решили немного погулять по цеху. Как выяснилось, это был цех по разливу в бутылки готовой спиртной продукции.

— А что в тех бочках? — спросил Ряба у рабочего, показывая рукой в сторону двухсот литровых бочек. Стоявших у стены бочек было штук двадцать.

— Спирт, — не моргнув глазом, ответил тот.

Он, конечно, не знал, что такое Рябе говорить нельзя. Это лишняя информация для него. Ряба забыл про все на свете, он уже в голове составлял план похищения. Я видел его отрешенное лицо, его глаза лихорадочно бегали. Представляю, что у него творилось в голове.

— Леха, Паштет, есть тара из-под чего-нибудь? — начал воплощение плана Ряба. — Пустые бутылки, фляжки, может канистры?

— Надо посмотреть в машине. Полторалитровая пластмассовая бутылка с водой точно есть, — сказала я. — Всегда беру с собой пить. Ну и фляжка на ремне вон висит.

— У меня тоже кое-что найдется, — сказал Паштет.

— Выливайте нахрен воду и несите все сюда, что найдете. Вот сюда спрячьте, рядом с бочками. — Ряба был возбужден не на шутку. — Я у других спрошу.

Ряба побежал по машинам собирать все, во что можно было налить спирт. Я и Паштет пошли в свои машины. Из полторашки и солдатской фляжки вылил воду, предварительно попил напоследок. Отнес все в указанное Рябой место. Туда же, не торопясь, чтоб не вызывать подозрений, по очереди отнесли свою тару и другие.

Я подъехал к погрузке, меня стали загружать какими-то трубами, гофрами, листами железа и другими вещами. Одним глазом я наблюдал за Рябой. Он залез за крайнюю к стенке бочку и ковырялся там. Лом стоял на шухере неподалеку. Остальные пытались заговаривать зубы бородатому директору и нашему лейтенанту. Надо сказать, у них получалось.

Меня почти загрузили, я не спеша подошел к Лому и шепнул: «Меня заканчивают загружать, следующий Ряба должен подъезжать».

— Понял, — также шепотом ответил Лом и пошел к Рябе.

Ряба высунулся из-за бочек и потихоньку зашагал к своей машине. За ним Лом. Они прошли мимо меня. Было заметно, что за пазухой они что-то несут, но как-то то бочком, то задом они прошли незамеченными.

Я выехал с погрузки и встал в колонну. Ряба заехал следом. Они с Ломом опять пошли на дело. Я вышел из машины, хотел подойти к лейтенанту и директору, но они вместе куда-то ушли. Я подбежал к Рябе, который продолжал заполнять бутылки. Сказал, что пока, кроме рабочих, никто не запалит. Тоненькая струйка прозрачной жидкости заполняла очередную бутылку. Дырочку Ряба пробил гвоздем, намного выше середины, чтобы впоследствии не все вылилось на землю.

— Отлично, сейчас все сделаем, — пробормотал Ряба.

Я заметил, что язык у него уже заплетался, Лом тоже стоял и улыбался, глаза в кучу.

— На, будешь глоточек? Неплохой спирт— протянул полную бутылку мне.

— Давай, — не отказался я. — Вы только сами не нажритесь.

— Не ссы, прорвемся.

Я глотнул большой глоток спирта. Чуть не помер, дыханье сразу перехватило, во рту, казалось, все сжег. Еле отдышался, но после этого стало хорошо и весело. Запьянел моментально.

Ряба заправился, последним встал Лом. К этому времени все бутылки и фляжки были заполнены спиртом. Набралось две полуторалитровые бутылки, четыре литровых и пять фляжек по поллитра. Неплохо затарились.

Лом загрузился и уже выруливал на дорогу, где стояла колонна. В это время показался бородатый директор и лейтенант, в руках у которого было два наполненных чем-то пакета. Чем наполнены, мы догадались сразу, так как оттуда исходил характерный звук ударяющихся друг о друга бутылок. Это логично, что другого и не должно быть. Чем еще

может рассчитаться за помощь директор винно-водочного завода.

Мы выехали с территории завода и направились в сторону складских помещений. Горло резало и болело, я реально там все сжег. Спирт был чистый. Очень сильно захотелось попить, но воду мы променяли на спирт, всю вылили. Так всегда бывает, как чего-нибудь нет, так обязательно этого захочется.

Разгрузили быстро, но пока разгружали, мы одну бутылку на всех приговорили. Это Рябе все не терпелось. Лейтенант догадался. По нам реально было видно. Покричал, грозился нарядами, а нам было пофиг, мы только ржали. По ходу мы также прикладывались к своим фляжкам. Чистый спирт и жаркое солнце делали свое дело, мы изрядно набрались.

3

На обед мы опоздали, но ребята наш паек забрали. Хуже было другое. По прибытии в ядро мы остановились у штаба. Лейтенант там остановил колонну, надо было подполковнику подарки в виде спиртного передать. Лом не рассчитывал, что окажется в такой ситуации. Решив, что пускай лопнет соевьсть, чем мочевоy пузырь, он сливал содержимое организма на колесо своего автомобиля, при этом довольно сильно шатался. Как назло, именно в это время из штаба вышел подполковник Проскурин, и незамеченным от его глаз ничего не осталось. Он постоял, подождал, пока Лом сделает свое дело, потом сказал.

— Солдат, ты справился?

— Да, спасибо, — ничего умнее Лом придумать не мог.

— Всем построиться, — скомандовал начман.

Мы стали вылезать из кабин, кто как. За руль все-таки легче держаться, а вот ноги совсем не слушались. Трудно было слезть, я держался за дверь как мог, повис на ней и потихоньку

опустился на землю. Паштет поспешил выпрыгнуть, его повело в сторону и после двух больших шагов он рухнул плашмя. Ряба также еле устоял, но устоял также только благодаря дверце машины. Илья был самый трезвый. С ним ехал лейтенант, и он по ходу езды не употреблял.

— Так, и как это все понимать? — глядя на лейтенанта, задал вопрос подполковник.

Лейтенант только покраснел, что ему сказать? Что он не знал ничего или что его не слушают свои же подчиненные? Он только пожал плечами и выговорил:

— Виноват, товарищ подполковник.

— Виноват, вижу, что виноват, — прошипел Проскурин. — Рапорт на мое имя напишешь, как это все произошло.

— Есть, — виновато опустил голову лейтенант.

— А с вами я проведу профилактические занятия, — он потер ладони рук. — Позу лежа принять.

Мы выполнили приказ. Все легли на живот. Лежать было удобней, чем стоять, вроде соображалка работает, а вот ноги подводят.

— И так ползком до автопарка и обратно, марш, — был строг подполковник. — Я из вас всю дурь выгоню.

Мы подчинились, поползли, глядя друг на друга и смеясь. Происходящее нас забавляло и веселило, но недолго. До автопарка было метров триста. Пока туда ползли, силы иссякли, а нам еще назад ползти. Назад уже кто как, кто на карачках, кто перекатывался, уже было не смешно.

— Ну как настроение? — измывался над нами начман. — Протрезвели или мало этого?

Мы стояли перед ним, покачиваясь на ногах, грязные, голодные и уставшие. Хотелось, чтоб он быстрее от нас отстал. Потихоньку хмель уходил и хорошее настроение вместе с ним. Мы почти хором ответили «Да, хватит, мы отрезвели, мы осознали, больше такого не повторится» и все в этом духе. Но есть же дебил Ряба, который сказал:

— Мне пофиг, я не устал.

Через пять минут у нас было три лопаты и две кирки. Нашим заданием было вырыть яму. Подполковник очертил ее размеры два на два метра и приказал вырыть глубиной три метра. Место он выбрал нелегкое, почва была каменистая. Со словами «Давно хотел вырыть зиндан» он удалился. После выполнения задания мы должны были ему доложить, а он проверить.

Проклиная Рябу, мы по очереди, махая кирками и лопатами, медленно углублялись. Спасло Рябу от нашей немилости только то, что он организовал ужин и принес уже разбавленный водой спирт. Кстати, только с допингом мы вырыли этот зиндан. Без спирта мы бы ноги протянули.

Слово зиндан образовано от слов зина — «преступление, нарушение» и дан — «помещение, вместилище».

В современном значении, используемом в армии, зиндан — земляная тюрьма, яма, подвал для содержания заложников и кровников в Чечне. В чеченском языке и в других языках народов Кавказа нет слова зиндан в значении «тюрьма, яма, подвал». Но медийный образ «чеченский зиндан» возник и укоренился в период второй чеченской кампании.

В будущем вырытый нами зиндан был нашей гауптвахтой. Любого солдата за какой-нибудь проступок подполковник сажал в эту яму на сутки. Позже и зампотеху майору Коробову начман тоже разрешил применять санкции против солдат. А этому придурку только дай власть. Почти никогда в дальнейшем зиндан не пустовал, а иногда туда набивалось по пять человек, это жуть.

Я тоже один раз там сидел сутки, за наркотики. Хотя наркотиками это можно было назвать с трудом. Просто дикой конопля, она же анаша, здесь очень много, но об этом чуть позже, пусть подрастает.

Глава 2

10 июня 1996 года

1

В этот день я был дежурным на машине, заступил еще вчера вечером. С утра, как обычно, развез по пунктам боевого охранения воду, боеприпасы и продукты питания. Начман приказал сделать все пораньше, и чтобы к десяти часам дня я стоял у штаба. Нам куда-то предстояло ехать.

В назначенное время и в назначенном месте я стоял и ждал подполковника. Он не торопился, я ждал. Он появился из штаба с опозданием в полчаса. Сел ко мне в кабину. Настроение у него, судя по улыбке, было хорошее. Сев поудобней, оперся спиной на сиденье и скомандовал:

— Поехали.

Я тронулся и покатил к контрольно-пропускному пункту.

— Куда едем, товарищ подполковник? — спросил я, подъезжая к КПП.

— В станицу Нестеровскую едем, там в местную администрацию, — ответил он. — Знаешь где находится?

— Никак нет, — отчеканил я. — Приблизительно если только. По-моему, она находится на главной улице.

— Да, на главной улице. Езжай, покажу, там все просто.

Когда мы проезжали КПП, прапорщик нашего взвода Малютин отдал честь. Он был старший наряда. Погода снова радовала, солнышко было уже высоко. Проехали мимо креста, поставленного на месте гибели Витька Рохманова. Грусть и воспоминания опять нахлынули. Трудно осознавать, что больше его не увидишь. Каково же близким, родителям его, даже думать страшно.

В 11 часов мы уже заезжали в Нестеровскую. Администрацию нашли быстро. И правда, все просто. Все дома на этой улице были богатые, в основном двухэтажные

коттеджи. Здание администрации было одноэтажное, скрывающееся за высоким кирпичным забором. Я остановился на противоположной стороне администрации, под кроной большого дерева, похожего на грецкий орех. Оно еще цвело, и плодов не было. Сначала удивляло, что здесь в городах и станицах растут грецкие орехи, как у нас тополя, но потом привык. К сожалению, попробовать грецкий орех мне было не суждено, нас вывезли отсюда раньше, чем плоды созрели.

2

Я встал в тени, около высокого забора из красного кирпича. Минут двадцать меня не интересовало, что за забором, но любопытство всегда берет верх. Я вышел из машины, прошелся вдоль забора и обнаружил калитку. Попытался открыть, но тщетно — было заперто изнутри, закрыто на засов.

Рядом с калиткой росло два небольших дерева, похожие на высокий кустарник. Это была шелковица, ягоды которой мне напоминали малину. Такие же зернистые. Они висели на ветках гроздьями, разных цветов, зеленые — только сформировались, красные — не до конца зрелые, черные — готовы к употреблению.

С аппетитом я поел ягоды и, отбросив мысль узнать, что за забором, вернулся в машину. Включил магнитофон, откинулся на спинку сиденья и закурил.

Через пару минут из калитки, которая была заперта, вышла молодая девушка, за ней вторая. Одеты они были в белые блузки и длинные, в пол, черные юбки, головы были покрыты платками. Они заметили меня и одним концом платка прикрыли лица, оставив только глаза. Прошло с минуту, они о чем-то тихо разговаривали, потом отпустили уголки платка, оголяя свои лица. Стали улыбаться и не отводили глаз от меня, явно кокетничали.

Я зачем-то вылез из машины, прикурил очередную сигарету, прислонился к капоту автомобиля и стал с интересом

наблюдать. Они, в свою очередь, отбежали, хихикая, под крону шелковицы и принялись аккуратно срывать ягоды. Я смотрел на них, а они смотрели на меня. Затем они помахали мне рукой, в ответ я тоже помахал.

Еще пару минут они шептались и хихикали, затем одна скрылась за калиткой.

— Привет, — неожиданно сказала девушка, которая осталась под шелковицей.

— Привет, — поздоровался и я. — Тебя как зовут?

— Анет, — машинально прикрыв кончиком платка лицо, с улыбкой ответила она. — А тебя как?

— Алексей.

Она, немного смущаясь, сорвала ягодку с дерева.

— А у вас что здесь? — полюбопытствовал я.

— Школа, — ответила Анет. — Мы выпускной класс. Сегодня последний звонок.

— Понятно, поздравляю с выпускным.

— Спасибо. Мне нельзя с незнакомыми мужчинами разговаривать, я пойду, — и она быстро вбежала в калитку.

Ну что ж, подумал я, полезу в машину, закроюсь и, пока начман бухает, подремлю под спокойную музыку. Я почему-то не сомневался в этом. Всегда встречи с главами администрации заканчивались попойкой. Только я открыл дверь кабины, как сзади услышал скрип все той же калитки. Я обернулся, из калитки вышло семь человек. Среди них были и те две девушки, остальные — настоящие мужики. У некоторых уже на лице была борода. Все уставились на меня, я повернулся к ним лицом, дверь была открыта. Угрозы от них я не почувствовал, чуйка моя меня подвела.

Один паренек явно обладал лидерскими качествами. Это я понял, когда он вышел вперед всех и достал из кармана брюк пистолет марки ПМ (пистолет Макарова). Покрутив его перед собой, он перезарядил затвор и медленно, как бы издевательски, направил ствол в мою сторону. По траектории

я мог предположить, что он целится мне в голову. Девушки завизжали.

— Заткнитесь, — пригрозил он им.

Они подчинились и даже продемонстрировали это, закрыв свои рты ладошкой. Остальные выпускники, я подумал, что они одноклассники, стояли чуть поодаль от своего лидера и улыбались.

Такого поворота событий я не ожидал. Что-то засосало под ложечкой. Может, от ягод, что только что ел, может от того, что дело шло к обеду, а может от страха. Фиг знает, что у него на уме. Пистолет боевой, видно, что с предохранителя снят, и патрон уже находится в патроннике.

— Русский, я тебя сейчас буду убивать, — вдруг заговорил он. — Ты приставал к нашим девушкам.

С этими словами он сделал несколько шагов вперед, между нами было не больше десяти метров. Я немного отступил, просунул руку в дверной проем и нащупал автомат. Без резких движений я взял автомат в руки, передернул затвор. Теперь наши стволы смотрели друг на друга.

— Тагир, не надо, прошу, — плакала Анет.

— Да, Тагир, послушай ее, — предложил ему я.

— Да пошел ты, — не переставая целиться, он сделал еще пару шагов.

Расстояние уменьшалось, спина вспотела, по лбу потекла капелька пота. Обстановка была напряженной. Костяшки пальца на спусковом курке побелели. Секунды превращались в вечность. Точно не помню, что я думал в этот момент, но был уверен, что если он выстрелит, я выпущу очередь в него. Если успею.

— Убери пистолет, — начал терять терпения я.

— А то что будет? — с ухмылкой спросил он.

— Вот что.

Я переключил ударно-спусковой механизм, который обеспечивает ведение одиночного и автоматического огня. Поставил режим одиночной стрельбы. Тагир внимательно

наблюдал за моими действиями, но не отпускал ствол. Я же в свою очередь направил ствол автомата вверх и нажал на курок. Одиночный выстрел громко прозвучал, напугав всех вокруг, даже меня. Все инстинктивно пригнулись, они явно такого развития событий не ожидали. Не ожидал и Тагир. Надо сказать, на него этот выстрел подействовал отрезвляюще.

Он опустил ствол, вытянул перед собой руку, дав этим понять, что он понял, и претензий ко мне нет. Когда он пистолет положил в карман, тогда и я расслабился и понял, что инцидент исчерпан.

Группа одноклассников скрылась за калиткой, лязгнув засовом. Я выдохнул, вытер пот со лба. Адреналин организм выпустил с лихвой, майка — хоть выкручивай. Еще раз убедился, что задница не железная.

Из некоторых коттеджей, услышав выстрел, выбежали люди. Не увидев ничего интересного, они удалились. Из администрации тоже вышли любопытствовать. Я сел в машину, положил автомат. Протянул руки, они лихорадочно тряслись. Испытание пришлось пройти нештучное. Надо успокоиться, все позади, ухххх. Дрожащими руками я вытащил из пачки сигарету и закурил. Крепкая глубокая затяжка стала успокаивать мои напряженные нервы.

3

— Что за выстрел здесь был? — спросил подполковник, залезая с трудом в кабину машины. Выпил он, видно, не мало.

— Местный один, пистолет на меня наставил, ну я предупредил выстрелом вверх, что не стоит этого делать, — рассказал я вкратце, что произошло. То что это был сопливый школьник, пусть и выпускник, я промолчал. Да и начман не сильно интересовался.

— Молодец, — похвалил командир. — Совсем, суки, страх потеряли. Давить их надо, как тараканов сапогом. Ладно, придет наше время. Поехали.

Неплохая реакция, может, это эффект от спиртного. Так или иначе, мне по душе пришлось его высказывание. Я завел двигатель автомобиля, включил первую передачу, развернулся в обратную сторону и поехал домой, в ядро.

Глава 3

16 июня 1996 года

1

День как день,
Только ты почему-то грустишь.
И вокруг все поют,
Только ты один молчишь.
Потерял аппетит
И не хочешь сходить в кино.
Ты идешь в магазин,
Чтобы купить вино.

Я сидел в машине и подпевал песне Виктора Цоя. Сегодня великий день. Да, да, вы не ослышались. СЕГОДНЯ ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ для России, для России, но не для меня. Я знал, что все куплено. Голосуй за кого хочешь или не голосуй вообще, а победит тот, на кого уже поставили.

Сегодня, 16 июня 1996 года, выборы Президента Российской Федерации. Борис Николаевич Ельцин мечтает победить и остаться президентом на второй срок. Из Назрани приехали два человека, с бюллетенями и урнами, еще два военных из части — вот и вся избирательная комиссия. Прибыли с колонной, привезли подарки в честь выборов, праздник же. Под голосование выделили целую палатку, туда же разгрузили какие-то коробки.

Я считаю, что Ельцин победил благодаря армии. Он сделал ставку на нее и не прогадал. Больше 90 процентов военнослужащих поддержали его. А по своей воле поддержали или нет, я думаю, станет понятно после моего рассказа о честных выборах.

В первую очередь решили привезти на голосование военнослужащих с ПБО. Все свободные машины отправили по разным пунктам. Я привез солдат из первого ПБО. Вот теперь

сизу, пою песни и жду, пока проголосуют, чтобы отвезти их обратно. Можно было понимать, что нам придется голосовать после обеда. Возле палатки с табличкой «Избирательный участок № 111» столпилось много солдат. Очередь была длинная, заходили по одному.

Каково же было мое удивление, когда они выходили после голосования с большой коробкой в руках. Интересно, что за подарочки? Выключив магнитофон, я выскочил из кабины своей шишиги.

— Боец? — окликнул я первого встречного с коробкой в руках. — Постой, друг.

Тот остановился, посмотрел на меня, потом посмотрел назад. Убедившись, что я обратился к нему, он спросил:

— Что надо?

— Что в коробке? — интересовался я. — Что вкусного раздают?

— Да я еще не открывал, — напрягся он.

— Так открой, давай посмотрим, — настаивал я.

— Не буду я сейчас открывать. Вот приеду на ПБО и там открою.

— Ну ты пидор, — не выдержал я.

Сразу было понятно, что гнилой человек передо мной. Таких чмырили в армии, опускали. Ладно, подумал я, узнаю еще от других. Ну или на крайняк сам получу. Через несколько секунд я увидел знакомого, Михаила Гусева, с которым я лежал в медицинской палатке, пока болел.

— Гусь, — крикнул я ему.

— Ааа, Леха, — заметив, как я ему машу рукой, он подошел к машине.

— Привет, — поздоровался я.

— Привет, — поздоровался он.

— Проголосовал? — спросил я.

— Да, — коротко ответил Гусь.

— Залезай ко мне в кабину, посмотрим, что дарят, — пригласил я.

Он быстро запрыгнул в кабину. Покрутил коробку, соображая, где вверх, где открыть. Пока он открывал, я продолжал его расспрашивать.

— За кого голосовал?

— Как за кого? — он посмотрел на меня как на дурака. — Конечно, за Ельцина.

— Почему конечно? — не понял я. — Вот Паштет говорил, что ни за что за него голосовать не будет. Он Ельцина сделал ответственным за развязывание войны в Чечне.

— Значит, не получит посылку, — улыбнулся Гусь.

— В смысле? — опять не понял я.

— В коромысле, — передразнил он. — Подарочки эти, — он приподнял коробку, — только для тех, кто проголосует за Ельцина.

— А откуда они узнают, если я за другого проголосую? Сложу бюллетень и в урну кину, — наивно рассказывал я, как можно сделать. — Урны же опечатаны.

— Ну ты сама наивность, — смеялся Миха Гусев. — Ты что, думаешь, в палатке отдельная кабинка для голосования есть? Ты ставишь галочку за кандидата прямо на глазах комиссии. Они даже в руки бюллетень не дают, сразу за их столом и голосуешь. Да какая разница, за кого голосовать, главное, посылочка неплохая прилипает. А нам что, нам все равно, какому Богу молиться.

В чем-то прав Гусь. Какая разница. Мы в свои девятнадцать лет были еще далеки от политики. В это время из посылки на крышку, под которой находится двигатель автомобиля, Гусь стал выкладывать содержимое.

В общем, подкупали наши голоса вот чем: две банки сгущенки, две банки тушенки, две упаковки печенья «Юбилейное», четыре блока сигарет «Дымок», бензиновая зажигалка «ЗИП», кусок туалетного мыла, кусок хозяйственного мыла, зубная щетка, зубная паста и пачка стирального порошка «Лотос». Еще бы воды нам привезли, чтобы мы могли использовать этот порошок.

Неплохой набор, есть что терять, если проголосуешь не за того. Гусь раскрыл пачку печенья и протянул мне.

— Угощайся.

— Спасибо, — я вытащил из пачки печеньку.

Мы сидели, лопали печенья, запивая сгущенкой. Очень вкусно, тем более желудок начал подавать сигналы, ведь время шло к обеду. Вряд ли кто-то сегодня пойдет на обед, ну если за чайком только. Любой с легкостью поменяет рисовую кашу на сгущенку и тушенку.

Очередь у избирательного участка потихоньку таяла. Солдаты, которых я привозил, заполняли кузов шишиги. Немного насытились, оприходовав пачку печенья и банку сгущенки. Гусь спросил:

— Травку хочешь покурить?

С этого момента это всегда было со мной, до конца службы на Кавказе.

— Откуда у тебя? — удивился я. — Ни разу не пробовал.

— Ты где служишь? — он, наверное, удивился больше чем я. — Здесь травы растет столько, хоть обкурись. Правда дикая, слабый эффект, но вставляет все равно. Аппетит и настроение поднимает.

— Конечно, хочу, — согласился я. — А как она выглядит и как ее приготовить?

— Расскажу. Как нас отвезешь на ПБО, покажу, как выглядит. В ядре все вытоптано. А вон у подножья горы, — он показал рукой, — по любому дохрена растет.

Мы зашли за палатку, он достал самокрутку и закурил. Сделав две глубокие затяжки, он затаил дыхание, как бы проглатывая дым. Передал косяк мне. Я также глубоко затянулся. Едкий дым проникал в мои легкие, я закашлялся. Набрав в рот дым, я вместе со слюной проглотил его. Тепло доставало до желудка. Мы докурили. Гусь хихикал, я же ничего не ощущал. Так, если какое-то легкое головокружение, и то скорей это самовнушение. Типа что-то же должно быть.

— Первые разы может и не вставлять, — объяснял мне Гусь, продолжая улыбаться. — Мне немного вставило.

Я отвез проголосовавших на место своей службы, но немного задержался с отбытием, так как рассматривал растение с громким и вкусным названием — конопля.

2

Зайдя в палатку, я увидел, как Ряба, облизываясь, распечатывает свою коробку, при этом разговаривает с Паштетом.

— Ну это твое дело, голосуй за кого хочешь, но у меня не проси даже печеньку.

— Да, я не такой, как вы, — распинался Паштет. — Вас купили с потрохами, вы слабаки. У вас нет ни чести, ни чувства гордости, я вас презираю. Я не опущусь до такого. Плевать я хотел на их подарки.

Выговорившись, Паштет покинул палатку. Я налил чайку, взял протянутый Рябой бутерброд, белый хлеб с тушенкой. Вкусно поел. Только поставил пустую кружку на стол, как распахнулся вход в палатку и вошел Паштет. В руках он держал коробку. Мы сначала оглянулись, потом заржали.

— Только молчите, не надо мне ничего говорить, — с серьезным выражением лица говорил Паштет.

— Да что говорить, все понятно, — смеялся Ряба.

— Леха, ты еще не голосовал? — спросил Санек.

— Нет.

— Пойдем тогда, я тоже не голосовал.

У палатки для голосования стояли два человека. Они быстро проголосовали и вышли со своими коробками. Зашел я. Представился, они записали. Расписался в журнале, получил бюллетень, взял лежащую на столе ручку и без сомнений и раздумий поставил галочку напротив фамилии кандидата в президенты Ельцина Бориса Николаевича.

— Молодец, — услышал я от члена комиссии, который протянул мне коробку. — Это подарок. Держи. Поздравляю.

Я козырнул, развернулся на месте и вышел из палатки, куда следом зашел Саня.

Голосование прошло. Праздник продолжился. Вечер прошел весело. К вкусному ужину мы достали пару бутылок спирта, не все еще выпили. Также я рассказал про Гуса и про коноплю. И не только рассказал, но и показал. Я для образца сорвал пясть. Ряба сразу же отправился на поиск и нашел, где ее произрастало много. Теперь у нас везде сохла конопля. Ее реально здесь было много, мы просто не присматривались, росла она везде.

На следующий день мы узнали, что никто из кандидатов не набрал нужное количество голосов, чтобы единолично выиграть выборы. Это означало, что будет второй тур голосование. Во второй тур вышли два претендента, Борис Ельцин и Геннадий Зюганов. А значит, будут еще посылки, на этом же они не останутся. Ведь только благодаря армии он вышел во второй тур, а мы без подарков за Ельцина не проголосуем.

Ну, а в конце анекдот, который ходил после проведенных выборов.

Председатель Центризбиркома Рябов звонит Ельцину на утро после голосования.

— Борис Николаевич, у меня две новости: одна плохая, другая хорошая.

— Ну, начинай с плохой.

— Борис Николаевич, Зюганов набрал 52%.

— И какая же теперь может быть хорошей?

— Вы его опережаете с огромным преимуществом...

Глава 4

2 июля 1996 года

1

Утром после завтрака мы стояли у штаба. Нас построили по просьбе священника. Скажу я вам, что здесь нечасто встречаются священники. А если серьезно, то это первый батюшка, которого я видел здесь. Батюшка спел молитву, зажег ладан, распространяя при этом сильный приятный и сладкий бальзамический запах.

После всех действий рассказал нам историю возрождения Иисуса. Чем немного нас утомил.

— Много ли вас некрещеных? — спросил батюшка.

— Ну есть такие, — услышался голос из строя.

— Поднимите руки, кто некрещеный, — настаивал священник.

Больше половины людей, стоящих в строю, подняли руки. Среди них был и я.

— Очень плохо, очень, — махал он бородатой головой. — Если у кого есть желание покреститься, я с удовольствием это сделаю. Итак, сделайте несколько шагов вперед.

Надо сказать, что десятка два солдат захотели креститься. Я не вышел из строя. Всех, кто крещеный, и тех, кто отказался креститься, распустили. Из нашего взвода изъявил желание Серега Чуйко. Часа два длился этот обряд. Когда он зашел в палатку, мы спросили, как он? После того случая с Рохманом он стал сам не свой. Все бредил, что он виноват, мало разговаривал. Где-то в одиночестве проводил свободное время. Сгорал на глазах.

— Нормально, — махнул он рукой. — Теперь вот крещеным стал.

— Серега, надо это дело обкурить, — предложил я.

— Можно. Пойдем, подымим, — улыбнулся он. — Как всегда, в автопарк?

— Да.

Мы пошли в автопарк. Тут спокойное место. В машине у меня было много уже высушенной конопли. Сели в кабину, скрутили по большому косяку и задымили. Через пару минут в кабине машины дыма было столько, что я сидевшего в метре от меня Серегу Чуйко уже практически не видел. Мы специально не открывали окна, дополнительное присутствие наркотического вещества было нелишним. Уже не надо было затягиваться, можно просто сидеть и дышать.

Я улыбался, потому что улыбался Сергей. Ничего такого я не ощущал. Вставляло плохо. Вот если бы сто грамм водки, а потом косяк. Тогда бы был полный отпад. Сквозь дым я увидел, что к нам идут два карлика, стало не до смеха, надо прятаться подумал я. Потом провал в памяти. Ясность пришла не сразу, но когда пришла, я осознал, что лежу под машиной, держусь за кардан и смотрю на какую-то капельку машинного масла. Я повернул голову и увидел, что рядом лежит Чуйко и тоже держится за кардан чуть подальше меня. Глаза его были широко открыты. Я его пихнул, он вздрогнул и посмотрел на меня.

— Ты что тут делаешь? — спросил я.

— Не знаю, а ты?

— Тоже не знаю. Помню карликов и что надо было спрятаться, — вспоминал я.

— Вот это вставило, — вылезая из-под машины, сказал Серега Чуйко.

— Сколько времени мы торчим под машиной?

Оказалось, полчаса пролежали, уже обед вовсю идет. Мы поспешили покинуть автопарк.

2

После обеда я готовился к наряду, лежал на кровати и дремал. Сегодня в горы. Нарву по пути конопли, там, в горах, ее много. Да и с собой надо взять. Стенки палатки

теперь редко закрывались, во-первых, жарко всегда, во-вторых, именно там сушили коноплю, превращая ее в марихуану. Для ясности объясню одну вещь. Конопля — это растение. После сушки и измельчения для курения она получает другое название. Других названий много: марихуана, анаша, гаджа, гашиш, каннабис и многие другие. Но это все одно и то же наркотическое вещество растительного происхождения.

Взяв приличный сверток с анашой, мы с Рябой пошли в горы менять товарищей на посту. Мои любимые часы наряда — до утра в тишине и спокойствии сидеть, покуривая марихуану и слушая музыку в наушниках. Но тишины в эту ночь Всевышний не обещал. Более того, это была ужасная ночь для моей психики.

Не успели мы скрутить косячок, как ударили первые автоматные очереди по первому ПБО. Через пару секунд взлетела красная ракета. К бою. Начался бой.

— Ну что, Леха, постреляем, — все же Ряба прикурил косяк и сейчас выпускал дым изо рта.

— Подождем наших, не стреляй пока, — сказал я, но с опозданием. Ряба уже разряжал свой рожок.

Я сидел в окопе, что-то не тянет меня высовываться, подожду. Вдруг невдалеке раздался взрыв минометного снаряда. Ого, из серьезного оружия сегодня стреляют. Я выглянул и дал автоматную очередь по боевикам, просто в ту сторону, пока Ряба перезаряжался. Еще одна красная ракета взмыла в воздух, подчеркивая серьезность боя. Зарядив, Ряба вскинул автомат и с криками «Получайте, суки!» выпустил очередь.

Взрыв, в глазах искры, в ушах, кроме звона, ничего не слышно. Я упал на дно окопа, скинул каску и схватился за голову. Боли не было, просто оглушило. Понадобилась пара минут, чтобы прийти в себя. Слух потихоньку возвращался, звон уходил. Где Ряба? Я оглянулся по сторонам, увидел ребят, прыгающих в окоп. Сергей Чуйко прыгнул прямо ко мне рядом.

— Что у вас здесь? — спросил он заплетающимся языком. Он что, пьян? Обкурен? Или и то, и другое?

— Оглушило немного, — отвечал я. — Из минометов пуляют. Где Ряба?

Я увидел, как над кем-то склонились солдаты. Я их распихал и подполз к Рябе. Он был в сознании.

— Что? — спрашивал я у него. — Ты ранен?

— Да ерунда, — пытался сесть Ряба. — Чуток осколком зацепило.

Ему помогли сесть, его странная улыбка ни о чем не говорила. Она могла означать как боль и серьезное ранение, так и легкое, да и вообще могла означать, что он обкурен. Подбежал санитар, спросил у Рябы, куда ранило. Он показал на правый бок и правое предплечье. Мастерски перемотав Рябу, санитар с ним удалился в ядро, чтобы доставить в санпалатку для дальнейшего осмотра.

Бой продолжался. Наша зенитная установка минометную точку подавила, но автоматные очереди били с нескольких точек, периодически меняя свои позиции. Мы так же рассредоточились по окопу и были в пяти-десяти метрах друг от друга. Наш пулеметный расчет стрелял с малым интервалом, затихал только, когда перезаряжался. Небо озарялось трассирующими пулями, было похоже на салют.

Я не ошибся, что Серега Чуйко обкурен конкретно. Он истерично смеялся. Он был с левой стороны от меня в трех метрах, одним глазом я следил за ним. Вдруг в один момент он вскочил в полный рост на бровку окопа и с криками «Это вам за Витю!» начал палить из автомата. Я бросился к нему, схватил за ноги и дернул, он упал. Я стащил его в окоп и минуту мы боролись.

— Все, все, хватит, — кричал я. — Успокойся.

— Хорошо, все, я спокоен, — перестал сопротивляться он.

— Тебя что, жить надоело?

В ответ он только ржал. Я отпустил его, думая, что он все осознал, и пополз на свою точку, где был брошен автомат.

Но он явно искал смерти. Здесь на Кавказе ее искать не надо, это она ищет. От нее прятаться надо. Он не прятался, он нашел ее. Выскочив повторно, он с криками «Ураа! За Родину, за Сталина» побежал вперед. Но недалеко. Буквально через пять метров он упал, скошенный вражеской пулей. Это видели и другие, к нему ползком устремились с разных сторон два солдата, Санек и Лом. Они притащили его в окоп. Прямое попадание в голову, половину верхней части черепа снесло. В сумерках все нечетко видно, но в открытом рту его белоснежные зубы светились ярко.

Бой незаметно угас. Подбежал санитар, но помогать было уже некому. После отбоя ребята аккуратно отнесли Серегу в ядро. Я остался до утра в окопе, со мной оставили Санька.

Всю ночь проговорили с Саней про Чуйко. Не прошло у него чувство вины, а еще марихуана дала толчок глупости. Только покрестился с утра, Бог его теперь там примет хорошо.

Кутру я очень устал, был разбит и подавлен. Голова болела, может, от снаряда. Ничего не соображал, да и соображать не хотелось. Я хотел тупо прийти в палатку, сунуться в кровать и крепко заснуть, чтоб хоть на время забыться. Сегодня у нас в палатке день траура. Вечером помянем Серегу. С утра Паштет повез в Назрань Серегу Чуйко и трех раненных, среди которых и Ряба. Мы проводили их со слезами на глазах. С Сергеем Чуйко мы простились навсегда, а Рябе пожелали быстрее поправиться и возвращаться. Ряба больше не вернулся. Перебитая осколком рука не поднималась, плохо функционировала. После госпиталя его сразу комиссовали, он стал инвалидом.

3

Вся эта трагедия заставила нас забыть на время о втором туре выборов президента РФ. Да, сегодня, 3 июля 1996 года второй тур. Выбираем из двух кандидатов: Бориса Ельцина и Геннадия Зюганова. Я немного поспал с утра,

пока голосовали другие. Мне после наряда дали выспаться, и за бойцами отправили других. Проспал я четыре часа, проснулся весь разбитый. Руки тряслись, нервы ни к черту.

— Проснулся? — спросил Санек. — Мне тоже что-то не спится, решил тебя подождать, чтоб вместе сходить проголосовать.

— Точно, — вспомнил я. — Сегодня же голосование. А можно я не пойду? Нет сил.

— Нельзя, — отрезал Саня. — Всем тяжело. Поднимайся, бери себя в руки, пойдем.

— Скрути хоть косячок, покурим и пойдем.

— Потом скрутим, сначала проголосуем, а то еще учуют, проблем не оберешься.

Я сел на кровать, стал натягивать сапоги, огляделся вокруг. Хотел увидеть Рябу, как он что-то жует. Он не Саня, он мне с удовольствием скрутил бы косяк, еще и сто грамм предложил бы. Но его не было, как не было и Вити Рохмана, и Сереги Чуйко. Я уже по ним скушал.

— Пошли, — сказал я Сане. — Я готов.

Мы вышли на улицу. Солнце сошло с ума, оно пекло изо всех сил. Наверное, был план нас сжечь.

В палатке для голосования было душно. Я не глядя на фамилии кандидатов, спросил, куда ставить галочку. Чей-то палец показал куда, я поставил и сразу вышел из палатки. Я видел коробки, но было не до них, хотел быстрее уйти, уйти в автопарк и закурить марихуану.

Вышел Саня, я его дождался. В руках он нес коробку.

— Вот сказали одна на троих, надо еще с кем-то поделиться, — сказал он.

— С Ильей Сободем, он не в наряде, — предложил я.

Никаких новых подарков на второй тур не было, эти же коробки остались после первых голосований. Тогда завезли просто больше, чем надо. Просчитались и не подумали, что списки солдат уменьшились в связи с ранеными и погибшими.

Я, Саня и Илья Соболев сели с подарком в илюхин «Урал». Там просторней и места хватало всем. Открыли тушенку, распечатали печенье, закурили анашу. У Сани нашлась фляжка со спиртом, заправка в машине была. Мы выпили за здоровье, выпили за упокой. Тяжело было у всех на душе. В этот раз ни спирт, ни марихуана не вставляли, только клонило в сон. После обеда я опять заснул. Праздник — выборы президента — прошел без меня.

Победил, как и полагалось, Борис Николаевич Ельцин. Победил благодаря нам и Александру Лебедю. По данным избиркома, он занял первое место, опередив Зюганова на 13,5%, набрав 53,8%. Главная борьба шла за проценты занявшего в 1-м туре третье место Александра Лебеда. По сути, эти 14,5% всё и решили (если не считать «методики подсчёта», к которой были, мягко говоря, претензии). Свои голоса генерал Лебедь, как принято считать, отдал Ельцину, поменяв их на должность секретаря Совета безопасности.

Глава 5

17 июля 1996 года

1

Дни шли сами собой. Еще партия новеньких, молодых к нам примкнула. Три новые автомашины ГАЗ-66 получили. Такое вот пополнение. Появилась новая мода на татуировки. Буквально все поголовно кололи их на груди. Некоторые на плече кололи скорпиона — кто-то сказал, что это символизирует службу на Кавказе. Я не разбираюсь в смыслах тату, но, как и все, в это поверил. Все в нашем взводе сделали тату скорпиона, я сделал на левой груди. Молодым пока был запрет, они еще пороха не нюхали. Когда мы уволимся, тогда пусть делают что хотят.

Надо после обеда в автопарк пойти, подумал я. Сегодня вечером заступать дежурным на машине, а работа двигателя что-то не нравится. Может, свеча барахлит, может еще чего.

В столовой на кухне столкнулся с медсестрой Мариной.

— Привет, — улыбнулась она.

— Привет, — не улыбнулся я и прошел быстро мимо.

Характер сработал, и я был рад, что проявил его. Но в сердце опять что-то всколыхнулось. И на весь дальнейший день я не мог выкинуть ее из головы, постоянно думал о ней.

Я хотел уже выйти из палатки, как туда влетел Паштет.

— Леха, там кино снимают, — быстро выговорил он. — Побежали смотреть.

Мы выскочили из палатки и побежали к штабу, куда указал Паштет. У штаба стоял подполковник, давал интервью новостному телеканалу. Оператор снимал общий план, и иногда камера проплывала мимо нас. В этот момент все махали рукой.

— Какое кино? — усмехнулся я. — Это просто корреспонденты.

— Я не знал, — оправдывался Паштет. — Увидел камеру и подумал, что кино.

Корреспонденты снимали некоторые уголки ядра, зашли в наш автопарк. Некоторым солдатам разрешили на камеру передать привет родным домой. Очередь дошла до зиндана, нашей гауптвахты. Я так понимаю, что в зоне боевых действий или в зоне чрезвычайного положения, как у нас, такая солдатская тюрьма недопустима. Могут появиться внештатные ситуации, например, нападение на ядро. И тогда солдат, находившийся там, просто жертва, он незащищен. Может, я и ошибаюсь.

До приезда корреспондентов в зиндане сидел один солдат из третьего ПБО, вроде как за оскорбление командира. Его вовремя выпустили, незаметно для всех. Кто-то за это был ответственным, кто-то следил, чтобы при появлении незнакомых лиц немедленно освободить зиндан. Тогда я не понимал и осуждал такой метод наказания. Но как по-другому нас здесь осадить? Как поддерживать порядок в мотоманевренной группе? Так что сейчас я понимаю, что это было необходимо.

— А это что у вас за яма? — поинтересовалась девушка, ведущая новостей, остановившись с микрофоном в руках у края зиндана.

— Это зиндан, можно сказать, изолятор временного содержания, для нарушителей административной Чечено-Ингушской границы. Также если нами задерживаются боевики с оружием. Мы здесь их, до передачи в военный трибунал, временно содержим, чтоб не сбежали, — начман говорил с таким спокойствием и уверенностью, что не поверить ему было невозможно. Даже я поверил.

— Как интересно, — сказала корреспондент. — Скажите, пожалуйста, а где солдатская столовая? Можно посмотреть, где военнослужащие обедают?

— Конечно, можно, — ответил подполковник. — Пройдемте вон туда.

Толпа двинулась в сторону кухни. Так как я свой интерес удовлетворил, с ними не пошел. Решил все-таки идти в автопарк, посмотреть машину и устранить неполадки в двигателе.

Ремонт я закончил за два часа до наряда. Был перебит провод под бегунком в трамблере, пришлось заменить. Свечи тут ни при чем, они были исправны. Помылся и зашел в палатку, надо было перед нарядом поужинать. В принципе, бочки были наполнены и с утра, и их нужно было только развезти по ПБО. Если вечером никому не приспичит ехать куда-нибудь, то до утра я свободен. Машину оставил, как и положено дежурному, у штаба, готовый в любую минуты по сигналу выехать.

— Леха, мы тут кашку приготовили, будешь? — предложил Лом.

— Можно пару вёсел (ложек) кинуть в глотку, — ответил я.

Мы уже как неделю иногда баловались кашкой и молочком из конопли. Подсказал нам способы приготовления тот еще наркоман Гусь.

Кашка — это измельченные листья конопли, доведенные до кашицы. Вот эту кашицу мы ели, запивая горячим чаем для лучшего эффекта. Ну а молочко, соответственно, это когда в котелке или даже в простом чайнике варили листья конопли. Отвар в идеале надо пить горячим.

Вечер проходил спокойно. От каши и косяка было весело, мы играли в карты, кто-то писал письма домой. Но все спокойствие нарушил прапорщик из второго взвода. Он был ответственный дежурный ядра. В палатку прибежал посыльный. Это прапорщик отправил его. Мне сказали, чтобы через десять минут был в машине, готовый куда-то выехать. Я вышел из палатки. Было уже поздно, темнело на глазах, на улице было тепло, стрекотали

сверчки. Я сел в машину и завел двигатель, чтобы немного погреть.

— Боец, — открыв мою дверь, сказал прапорщик. — Подцепляй бочку с водой, надо помочь соседям. За нами в двадцати километрах блокпост внутренних войск, им воду сегодня не доставили, просят подкинуть.

— А что, до утра нельзя подождать? — спросил я.

— Солдат, бляха муха, это не обсуждается. Приказ Проскурина.

Больше вопросов я не задавал. Что толку спорить. Приказ так приказ, надо выполнять. Может, им реально и попить нечего. Подцепив цевешку, я выехал на дорогу, ведущую к КПП. Как только прапорщик забрался в кабину, причем не с первого раза, я увидел, что он пьян, и почувствовал сильный запах перегара. Хотя от меня самого воняло марихуаной. Мне было пофиг на всё, это действовала травка.

Я проехал КПП и далее повернул на Грозный. Через двадцать километров находился этот блокпост. Проехав около полпути, я спросил у прапорщика:

— Товарищ прапорщик, можно один вопрос?

— Задавай, — он сделал глоток из фляжки, там явно была не вода.

— Почему им свои воду не везут? Почему мы?

— Это дальний блокпост от их ядра, мы ближе находимся, вот и попросили привезти, — объяснял он. — А почему раньше не привезли, я этого не знаю. Может, что случилось, непредвиденная ситуация. Какая тебе разница, что трудно?

— Да нет, не трудно.

Проехав еще пару километров, мы услышали выстрел из ракетницы. В небо взлетела зеленая ракета, это сигнал. Между подразделениями существовал пароль, для выявления движущихся противников. Те, кто ответственный за отрезок дороги, увидев любой движущийся автомобиль

или бронетранспортер, короче любую технику, посылает сигнал. В данный момент это ракета зеленого цвета. В свою очередь, чтобы дать знать, что едут свои, то они в ответ должны запустить ракету желтого цвета. Это только в темное время суток. Когда светло, могут просто на посту остановить машину и проверить документы. Я посмотрел на прапорщика, почему он не стреляет в ответ. Может, он спит с открытыми глазами?

— Товарищ прапорщик, — осторожно заговорил я.

— Что?

— Нам сигнал дают, надо бы ответить, — удивился я его вопросом.

— Я не взял ракетницу, — спокойно ответил он.

Чтоооо??? Он что, идиот? Как не взял, почему не взял? Алкаш грёбаный. Как мы подтвердим, что свои?

Все эти вопросы и мысли проскочили в голове за секунду. В это время вверх взмыла очередная, предупреждающая ракета. Я притормозил.

— Не ссы, со всеми связывались. Есть договоренность, чтоб пропустили, сейчас номер рассмотрим и успокоятся.

Пулеметная очередь не заставила себя ждать. Трассирующие пули ярким светом пролетели вплотную к лобовым стеклам. Спасибо, ребята, спасибо большое, что не по кабине или баку выпустили очередь. Ведь могли и были бы правы. Тормоза завизжали, я крутанул вправо, бочка сложилась. Прапорщик от страха выпрыгнул из кабины, со словами «Уходим по одному. Если что, мы геологи» скрылся в кустах на обочине.

Придурок, я приоткрыл дверь, чтобы тоже на всякий случай выпрыгнуть. Дальше я не поеду точно. Прав был наш командир лейтенант Миронов, сказав, «Мы умрем быстрее, чем нас победят». С такими отморожками, как этот прапорщик, и врагов не надо.

Я немного дал назад, настолько, насколько позволила бочка. Пока больше не стреляли, наблюдали и выжидали.

Радиус разворота был большой, дорога не такая широкая и мне пришлось потрудиться, чтобы развернуться.

— Товарищ прапорщик, — крикнул я.

Тишина. Он что, реально куда-то убежал? Куда? Как мне возвращаться без него. Что я скажу, что бросил прапорщика? Не искать же теперь его идти. Вот балбес, за что мне такое несчастье.

— Товарищ прапорщик, — крикнул я уже громко.

Из кустов показалась голова.

— Тихомиров, я здесь. Как обстановка? — неожиданно спросил он.

— Садитесь быстрее, — подгонял я. — Пока спокойно, не стреляют.

Он запрыгнул в кабину, я нажал на газ и мы помчались обратно что есть мочи. Всю дорогу я молчал, перебирая в голове случившийся эпизод. Прапорщик тоже молчал, крепко держась за ручку двери — если что, он готов был выпрыгнуть. Ну получит он от начальника, мало не покажется. Вон как сидит, его всего трясет от страха и спиртного, скоро протрезвеет.

2

Добрались до ядра быстро и без приключений. Прапорщик пошел докладывать. Пусть идет, теперь оправдывается. Честно говоря, меня тоже потряхивало. Надо было срочно покурить косячок, нервы успокоить. Заглушив машину, я направился в палатку. Мне предстояло рассказать сослуживцам случившееся.

Затягиваясь очередной затяжкой, я уже смеялся вместе с ребятами. Нервы успокоились, я чувствовал себя превосходно.

— Тихомиров, — произнес, зайдя в палатку дежурный штаба. — В штаб вызывают, подполковник.

— Иду, — сказал я, натягивая сапоги. — Я уже собирался ложиться спать.

Выйдя из палатки, я закурил, чтобы перебить запах марихуаны. Сверчки не успокаивались, стрекотали быстро и громко. Кстати, по их стрекоту можно определить температуру воздуха. Не помню как, но что знаю точно: они не стрекочут, если температура ниже 20 градусов по Цельсию. Зайдя в штаб, я отдал честь и отпраповтовал:

— Рядовой Тихомиров по вашему приказанию прибыл.

— Садись рядовой, — кивнул подполковник на табурет возле стола. — Рассказывай все, как было, и только попробуй что-нибудь утаить.

Ничего я утаивать не собирался, рассказал все как есть. Только не сказал, что прапорщик был пьян и еще по дороге употреблял. Это и не надо было, подполковник сам видел, в каком состоянии прапорщик.

— Так, понятно, — задумчиво говорил подполковник. — Вот листок бумаги, вот ручка, теперь все, что сейчас рассказал, напиши здесь.

Я все написал, поставил число и расписался. Начман убрал листок в сейф.

— Свободен, — сказал он мне.

Я развернулся, отдал честь и вышел из штаба. Больше к этой истории никто не возвращался. А вот прапорщика списали, его отправили служить в другую часть, куда-то на китайскую границу.

Глава 6

5 августа 1996 года

1

Вот и август. Не только последний месяц лета, но и последний месяц моей службы на Кавказе. Я уже до такой степени огрубел, что кроме как считать дни и мечтать о дембеле мне ничего делать не хотелось. Всё лень. В наряды мы стали ходить реже, сами составляли график, где большую часть дежурили молодые. Основную часть времени мы спали, пили, жрали и курили травку. На нас, старослужащих, никто уже внимания не обращал. Осталось пару неделек всем нас потерпеть. Все махнули на нас рукой, кроме зампотеха Коробова. Он как был придурком, так им и остался. Ему не нравился наш пофигизм, он был в каждой бочке затычка. Мы старались обходить его стороной, только бы не попадаться ему на глаза. Начман его выходки не то чтобы поощрял и одобрял, но не вмешивался. Пусть ласкает свое самолюбие, чем бы дитя ни тешилась.

Вот и в этот день он отчудил. Все позже высказывали мнение, что не с той ноги встал или что медсестричка не дала ему. Так или иначе, он неожиданно появился в автопарке как раз в тот момент, когда кабина Паштета, в которой мы с ним сидели, была наполнена дымом марихуаны. Он резко, рывком открыл дверь. Мы и не заметили, как он подобрался. Паштет в это время как раз затянулся и от неожиданно-сти, увидев майора, выпустил струю дыма прямо ему в лицо. Я не мог сдержаться, заржал как конь, чем естественно взбесил Коробова.

— Вон из кабины, — брызжа слюной, скомандовал майор.

Мы выскочили на улицу и встали у капота по стойке смирно. Как мы ни старались, никак не могли убрать улыбку с лица. Чертова травка, вставила не вовремя.

— Значит так? Ладно, — что-то задумал Коробов. — Бегом к штабу, ждать. Будет всеобщее построение.

— Хватит улыбаться, — прибежав к штабу, сказал я Паштету.

— На себя посмотри, — заржал Паштет. Заржал и я.

Дежурный по штабу обежал все палатки с приказом на построение. Майор сидел в штабе, докладывал подполковнику. Народ потихоньку подтягивался и становился в строй. Когда все, кто был свободен от нарядов, собрались, дежурный по штабу доложил. Со злым лицом вышел Коробов.

— Равняйся, смирно, — скомандовал майор. — В связи с неоднократным употреблением наркотических веществ в виде произрастающей на склоне горы конопли, приказываю. Уничтожить всю коноплю путем скашивания с последующим сжиганием.

Ну как вам приказ? В строю улыбались теперь не только мы с Паштетом. Такой дебильный приказ развеселил всех. Как можно уничтожить всю коноплю? Она здесь повсюду. Ну да, у склона больше всего ее было.

Так мы думали. Но все же план зампотеха частично реализовался. Мы сорвали и сожгли все, что было рядом, что было доступно. Конечно, во всей Ингушетии и Чечне траву уничтожить невозможно. Но нам теперь приходилось добывать коноплю за пределами ядра. В основном, нам подкидывали ребята из ПБО. В общем, употребление наркотиков не прекратилось совсем, но сократилось во много раз. Пока ребята жгли коноплю, нам с Паштетом пришлось сидеть сутки в зиндане.

2

— Вылезайте, — опустив лестницу в зиндан, сказал Лом.

— Ураа! Свобода, — иронизировал я.

— Это дело надо обкурить, — сказал Паштет. Все засмеялись.

— А чего так рано? Нам еще до суток полдня сидеть, — заметил я.

— Из части какие-то офицеры приехали, — ответил Лом. — Сейчас у начмана в штабе о чем-то трут.

— Может, обговаривают, как нас домой отправить? — радовался Паштет.

— Узнаем. Я слышал, что мы до конца августа здесь пробудем.

Наконец-то после неудобной ночи я, позавтракав, растянулся в кровати, не забыв перед этим горячим утюгом пройтись все швы одежды, чтобы убить вшей. Всю ночь чесался, весь живот и подмышки в расчесанных болячках, появившихся от укусов бельевых вшей.

— Смирно, — раздался голос дежурного по палатке.

Мы соскакивали с кроватей, кто-то вскочил на ноги из-за стола. В палатку вошли два приезжих офицера, полковник и майор, начман подполковник Проскурин и наш командир лейтенант Миронов.

— Где можно присесть? — спросил приезжий полковник.

— Вот, за стол можно, — ответил дежурный.

Он и незнакомый майор уселись за стол, начман и лейтенант отошли в сторону и сели на табуреты. Мы стояли и ждали, что будет дальше. Зачем они здесь? Интерес пробирали до самых костей.

— В первую очередь, хотелось бы поблагодарить и сказать вам большое спасибо за достойную службу в это нелегкое для страны время, — начал полковник. — Вы все герои, мы гордимся вами. Вам предстоит через две недели покинуть эти места. В связи с этим мы хотим предложить вам продолжить службу в нашем регионе, на Кавказе, по контракту.

В палатке раздался гул. Стали переглядываться. Ну уж нет, думал я, быстрее бы отсюда свалить. Никакими коврижками меня не убедить здесь остаться. Только домой и как можно скорей.

— У нас есть хорошее предложение, очень достойная зарплата, весь социальный пакет, — продолжил полковник. Возможность бесплатно учиться на сержанта, прапорщика или офицера.

— А какая зарплата? — спросил Лом.

— Зависит от должности и звания. Уверяю, большая. Вы не спешите с ответом, мы сегодня до вечера здесь будем. Если возникнут вопросы, вы можете прийти в штаб, и мы обо всем поговорим.

Они вышли. В палатке поднялся шум. Забубнили. Лом реально заинтересовался и подбивал Илью Соболя, так как он размышлял и пока не отказывался. Мы, это я, Санек и Паштет, твердо дали Лому понять, что разговора про это быть не может. Только домой.

— Ну что тебе стоит, — Лом насел на Илью. — Ну пойдем со мной, просто спросим, сколько и как все.

— Хорошо, — сдался Илья, — но только спросим, заявление я писать не буду.

Разговоры до обеда не затихали. Я сильно не встревал. В конце концов, своя башка на плечах. Каждый распоряжается своей судьбой сам. Но после обеда Лом и Илья Соболев все же пошли в штаб. Их почти час не было, мы ждали.

Первым в палатку зашел Лом, улыбаясь во все 32 зуба. Конечно, если они у него все на месте. За ним зашел Илья, без улыбки и с задумчивым лицом.

— Все, — отрезал Лом. — Мы контрактники, заявления написаны. Нам сутки на сборы, и мы завтра в обед уезжаем в Назрань. Там месяц в учебке на сержанта и работа на автомобиле. Зарплата... зашатаетесь.

Он назвал сумму. Сумма была большая, по тем временам огромная, я даже позавидовал.

— Так быстро? — удивился Паштет.

— И ты написал заявление? — спросил я у Ильи Соболя.

— Да, уговорили, — ответил он. — Но у нас есть месяц, чтобы свое решение поменять, как бы испытательный срок.

Так что еще можно будет отказаться. На самом деле много чего предложили хорошего. Контракт всего три года, и уже срочная служба входит. Чуть больше года остается. Подзаработаем зато.

— Ну-ну, грузить они умеют.

— Все будет хорошо, — радовался Лом. — Надо отметить это. Есть у нас что в заначке?

— Нет у нас ничего, — грустно ответил Паштет.

Повод действительно серьезный. Завтра уедут наши друзья, с которыми мы воевали все эти месяцы спиной к спине. Грусть накрыла. Решили пробежаться по другим палаткам, в долг взять пару литров. После тщетных поисков спиртного мы пошли к командиру, лейтенанту. Он вошел в наше положение и из своих запасов выделил нам литр водки, взяв с нас обещание вести себя хорошо и тихо.

— Ну хоть что-то, — радовался Паштет. — Догонимся кашкой или молочком.

Вечер проводов был веселый. Немного пошумели, но не выходили за грань безумия, как мы могли. Все было: и смех был, и слезы были. Под утро заснули, завтрак проспали. Хотя молодые нам паек принесли, теперь это входило в их обязанности. В обед Чижик (Чижов Денис), новобранец из Самары, который был дежурный на машине, повез наших друзей и еще человек десять, которые тоже решили стать контрактниками, в Назрань. Я, Паштет и Саня стояли на дороге, пока не улеглась пыль. Пусть у них все сложится, желаю только здоровья.

3

До ужина провалялся в кровати, после ужина заступаю дежурным на машине. Но моя машина уже стояла у штаба. Можно сказать, я заступил сразу, как только Чижик уехал в Назрань.

— Завтра повезешь с утра воду на ПБО, конопля у ребят возьми, — давал мне наставление Паштет. — У нас почти закончилась.

— Возьму, но они много не дадут, — говорил я. — Молодого отправим вечером на поиски.

Все шло по расписанию. По расписанию с утра подцепил бочку с водой, по расписанию загрузили боеприпасы и продукты питания, по расписанию я прибыл на первый пункт боевого охранения.

Пока разгружали, я пошел искать Гуся.

— Привет, не видел Гуся? — спросил я у первого встречного бойца.

— В наряде, вон там, в блиндаже у зелёнки, — показал рукой солдат.

Я прыгнул в окоп и пошел в указанную сторону. На краю окопа был блиндаж. Зайдя внутрь, я увидел сидевшего за столом Гуся.

— Привет, — подал руку я ему и заодно еще двум ребятам.

— Привет, — он крепко сжал мою ладонь.

— Есть травки немного? — спросил я.

— Найдем. Что у вас так плохо все? — в ответ спросил он.

— Ну, есть немного, но мало. Все дальше и дальше приходится от ядра уходить искать.

— Время есть? Я через часик сменюсь.

— Часик подожду, не проблема, здесь посижу. Что вы здесь охраняете? — спросил я и посмотрел в узенькое окошечко, из которого торчал ствол пулемета.

— Да зеленка всего в ста метрах. Раньше оттуда постоянно обстреливали, — рассказывал Гусь.

— А сейчас что, не стреляют? — поинтересовался я.

— Уже нет, — улыбнулся он. — Знаешь почему?

— Не знаю. Почему?

— Они боятся уже подходить близко. Мы периодически простреливаем это место, — спокойно объяснял Гусь. — Хочешь пострелять?

- Хочу, — без колебаний ответил я.
- Пойдем. Видишь, вон дуб кривой, — показал он.
- Вижу, — сказал я.
- И вот эти ивы, это радиус обстрела. Валяй.

Гусь зарядил новую ленту в пулемет, щелкнул затвором и отошел, давая мне дорогу к оружию. Я прицелился и нажал на курок. Громкая очередь эхом отдалась в чаще. Я водил ствол пулемета по указанному радиусу, только видно было, как ветки и листья крошатся в пыль. Выпустив всю ленту, я с восторгом сказал:

— Класс. Конечно, они не дураки подходить. Неизвестно, когда вам приспичит пострелять. Хорошо придумали, на опережение работать.

Время наряда пролетело. Гусь вытащил из своего тайника большой пакет уже высушенной конопли. Попрощавшись с ним, я покатил обратно в ядро. Надо было на третье ПБО везти воду. Из-за того, что задержался здесь, всё уже пошло не по расписанию.

Глава 7

16 августа 1996 года

1

— Десять минут на сборы. Построение у штаба, — про-
сунув одну голову в палатку, кричал дежурный по штабу.

— Что еще там придумали? — скрепя кроватью, бур-
кнул Паштет.

Только прошел обед. Мы отдыхали. Я даже заснул
и какой-то сон видел. Тем более я только с наряда вернулся,
всю ночь был в горах. Застегиваясь и заправляясь на ходу,
мы подошли к штабу, закурили. Кто что говорил по поводу
собраний. Разные выдвигали версии, но ошиблись все.

— Сразу к делу, — выйдя из штаба, можно сказать, с по-
рога начал подполковник. — Ситуация серьезная, так что
прошу слушать внимательно. На десантно-штурмовую
бригаду, что дислоцируется у села Бамут, одной из горячей
точки Чечни, рано утром произошло зверское нападение.
Точнее не на саму бригаду, а на их блокпост. Есть убитые, ра-
ненные и плененные. Так вот по переданным данным, в плен
попали три человека. Диверсию совершили предположи-
тельно боевики из банды Басаева. Среагировали десантни-
ки быстро, и возможные отходы боевиков заблокированы.
Основные силы брошены на поиски. Скорей всего, они уш-
ли в глубину Чечни, в сторону Ачхой-Мартан. Но чтобы ис-
ключить полностью их отход в Ингушетию, нам приказано
провести рейд с зачисткой населенных пунктов, которые
находятся между станицей Нестеровское и селом Бамут.

Начман сделал паузу, он вышагивал вдоль строя
и о чем-то думал.

— В связи с этим первое — надо усилить наряды
и смотреть всем в оба. Второе — выступаем завтра с рассве-
том, в шесть утра колонна должна стоять перед КПП, гото-
вая выехать. Весь личный состав второго взвода и взвода

материального обеспечения, кто свободен от нарядов, также должны быть в боевой готовности. Товарищи командиры и прапорщики, собраты на совещание в штаб, для дополнительной консультации. Остальным разойтись.

От станицы Нестеровской до села Бамут двадцать два километра по извилистой дороге. Напрямую, через горный хребет, от нашего ядра три километра. Здесь все рядом, все близко.

Через час в палатку вошел лейтенант Миронов и сразу подошел к графику дежурств.

— Значит так, слушай меня, — он говорил резко, командным голосом. Растет наш командир. — Для выполнения задания выдвигаются три бронетранспортера и три автомобиля. Понятно, что к каждой машине прикреплен БТР. На своих машинах едут Чижов, Тихомиров и Кулагин.

Я уже и забыл, какая фамилия у Паштета, никто его по фамилии не называл, даже командир делал это редко.

— Стрелками десантом едут, — лейтенант стал водить пальцем по графику дежурств и называть фамилии.

Было названо десять фамилий, почти все молодые, еще толком не обстрелянные.

— Детали операции такие, — продолжил объяснять Миронов. — На протяжении от станицы Нестеровской до села Бамут находится три аула. Знакомый нам Алхи-Салан, второй Шатой и недалеко от Бамута Гери-Юрт. Значит, будем разбиты на три группы. Каждая из групп возьмет по населенному пункту с последующей зачисткой. Будем одновременно действовать во всех населенных пунктах, чтобы избежать возможности сообщить местными боевикам о нашей операции. Главное для нас — внезапность и быстрота действий. Каждая группа будет укомплектована, машина с личным составом второго и нашего взводов в сопровождении бронетранспортера. Солдаты первого и третьего взводов выдвигаются пешком, обследуя весь периметр границы нашего участка. Итак, Алхи-Салан возьмет группа

под руководством прапорщика Малютина, повезет эту группу рядовой Чижов.

— Есть, — взяв под козырек, отрапортовал Чижик.

— Вторую группу возглавит старший лейтенант второго взвода Кулагин. Твоя группа и населенный пункт Шатой. В третьей группе операцией буду командовать я, наше село Гери-Юрт. Понятно, Тихомиров?

— Так точно, — ответил я.

Еще с полчаса лейтенант Миронов давал нам наставления, разжевывал каждому, кто и что должен делать. После чего провел экзамен на усвоение темы. Убедившись, что мы все запомнили, командир удалился.

2

На ужине у кухни я встретился с медсестрой Мариной. Такое впечатление, что она ждала специально. Пока повар Сизый накладывал мне рисовую кашу в котелок, она незаметно подошла сзади и шепнула мне на ушко:

— Алеша, после ужина зайди ко мне, пожалуйста, в медпалатку. Я буду ждать, — и не дождавшись ответа, покинула столовую.

Я и не собирался отвечать. Обида не прошла, хотя опять что-то в сердце ёкнуло. Чертовы феромоны, они действуют безотказно. Но я решил проявить силу воли, не слушать внутренний голос. Не пойду, пусть знает, пусть страдает.

Но в итоге после ужина страдал я. Она не выходила из моей головы, я ни о чем другом думать не мог. Все бабы стервы, злился я. Я пожалею, если не пойду к ней, она меня победила. Я поддался ее чарам. Слабак, подумал я про себя и вышел из палатки.

— Здравия желаю, — съехидничал я, зайдя к медсестре.

— Здравствуй, — улыбнулась она. — Я рада, что ты пришел.

Она указала на табурет у стола, я присел.

— Секунду, — сказала она и принялась заполнять в журнале какую-то графу.

Я смотрел на нее. Она была прекрасна и желанна. Я хотел ее.

Через минуту она встала, вышла из-за стола, подошла ко мне, присела на корточки и положила свою голову мне на колени.

— Ты прости меня, — заговорила она. — У меня и правда были причины, я могу все объяснить.

— Не надо, — сказал я и коснулся рукой ее волос.

Я запустил в волосы свои пальцы, согнулся и поцеловал ее в лоб, потом в глазки, она потянулась ко мне, и наши губы нашли друг друга. Поцелуи были такими страстными, что я уже не владел собой. Я встал и поднял ее. Быстро расстегнув халат, я одной рукой взялся за талию, другой гладил волосы. Я стал целовать шею, когда дотронулся губами мочки до уха, она тихо застонала.

Сцепившись в объятиях, она потащила меня за ширму. Терпеть уже не было сил. Мне хотелось завладеть Мариной. Она так же сильно этого хотела.

— А если кто зайдет, а если муж будет искать? — немного освободившись от ее объятий, спросил я.

— Муж уехал, сказал, что будет поздно, — прекратив обниматься, ответила она. — Я сейчас завяжу вход и выключу свет, на всякий случай, чтобы все думали, что здесь никого нет.

Марина вышла из операционной, я сидел на кушетке, уже возбужденный. В мыслях было одно: только бы не опозориться.

Когда она вернулась, я схватил ее за плечи, повалил на кушетку и осыпал своими поцелуями. Она выгибалась и стонала, прикрыв глаза. Помогла мне снять лифчик, так как руки у меня дрожали, да и все тело дрожало. Из расстегнутого халата показались груди. Я стал их жадно целовать. Она в ответ гладила меня по голове, приговаривая «Мне хорошо,

как же приятно». Я быстро освободился от гимнастерки, растегнул штаны и скинул их на пол. Затем опять стал целовать Марину, она в свою очередь стала шарить рукой, пока не нашла что искала. Взяв мой возбужденный член в руку, она слегка сжала его. Я застонал. Я подумал, пора заканчивать прелюдию, а то так кончить можно, не начав. Попытка залезть на кушетку не удалась, было неудобно. Марина слезла с кровати, повернулась ко мне спиной и нагнулась, положила локти на кушетку. Я задрал халатик, снял трусики, оголив ее упругие бедра, взялся за попку и медленно вошел в нее. Мы оба громко застонали. «Да, да, так, давай», — шептала она. Я наращивал темп, она двигалась мне навстречу. «Еще, еще, давай же, дааааааааа», — крикнула она и обмякла. Я тоже был уже на грани, на пике восторга. Еще толчок, еще один, еще несколько толчков и все. Разрядившись, я упал на нее. Силы покинули, надо было отдышаться. Через минуту она выбралась из-под меня. Я встал, она подошла ко мне обняла и нежно поцеловала.

— Мне с тобой было хорошо, — опять шепотом сказала она.

— Мне тоже, очень, — в ответ сказал я.

3

Ночью спал плохо. Во-первых, я постоянно думал о Марине. Во-вторых, бельевые вши достали. В-третьих, решил не курить марихуану. Свежая голова пригодится.

Солнце уже выходила из-за гор, задул слабенький южный ветерок, прогоняя утренний туман. Я стоял в колонне первым, из машин передо мной БТР. Мне ехать дальше всех, поэтому нас так выстроили.

Перед строем выступил начман, дал последние наставления и пожелал удачи. К шести утра все были готовы, ко мне в кабину сел лейтенант Миронов, а в кузове расселись двадцать человек бойцов, в основном из второго

взвода. Но почему-то выпустили нас из ядра почти к семи часам. Это вполне нормально, пока со всеми скоординировались, чтобы все шло по установленному плану.

Колонна тронулась. Преодолев КПП, мы свернули на дорогу, ведущую в сторону Бамута. Через сорок минут мы заехали в аул Гери-Юрт. Это было небольшое село, дворов семьдесят, так что с таким количеством солдат зачистка будет недолгой.

В начале села высадились человек пятнадцать. Лейтенант поставил им задачу. По одному ни в дом, ни в какую другую постройку не заходить, проверять все — погреба, чердаки и т.д. Всех подозрительных задерживать и выводить в одно место, где они будут под охраной до установления личности. БТР и я с оставшимися на борту солдатами поехали на другой конец села. Смысл был такой — обследовать все с двух сторон, двигаясь навстречу друг другу.

Зачистка началась. В каждый двор заходили по четыре человека, двое заходили в дом и там проводили обыск, заглядывали даже под кровати. Остальные двое дежурили во дворе, на случай, если кто захочет сбежать из окна. Также осматривали и другие постройки. Если все чисто, то проводили короткий опрос у жильцов, типа кто что видел или слышал необычное, были ли незнакомцы, чужие не из этого села. Если ответы удовлетворяли, то группа переходила на другие объекты.

Бронетранспортер передвигался по центральной дороге, останавливаясь на время проведения солдатами зачистки. Как только бойцы передвигались дальше, БТР тоже двигался вперед. Несомненно, это была хорошая поддержка и контроль.

Мы впятером — я был лишний, но азарт играл, и я не мог такое пропустить — зашли во двор. Обычный двор, грязный. Бегали куры и два индюка. В простом напоре отгорожены около десяти голов овец. Также во дворе

была постройка, при осмотре оказалась, что это конюшня, где стоял один конь. Дом был небольшой, сложен из красного кирпича. Хозяин в окно уже заметил нас и вышел навстречу на крыльцо. Объяснили ему всю обстановку, он понимающе кивнул и пропустил внутрь дома. Осмотрев все и задав нужные вопросы, мы, ничего не обнаружив, перешли в другой двор.

После осмотра еще нескольких дворов лейтенант отправил меня за машиной, чтобы тоже подтягивался вслед за всеми. Иногда я забирался на броню БТРа и тупо сидел, оглядываясь по сторонам. Я здесь в первую очередь был как водитель, и четкого приказа, что я должен делать, для меня не было. Лейтенант мне только сказал быть начеку и смотреть внимательно по сторонам. Быть готовым к любой ситуации.

Лейтенант сам шел рядом с БТРом по улице, смотря по сторонам, держа под контролем всю ситуацию. Принимал доклады от ребят, что в этом дворе все чисто. За спиной у него была рация, он периодически связывался со штабом и с группами, которые зачищали другие населенные пункты.

— Всем быть внимательней, возможно, заминированы мины, — кричал лейтенант.

Я в этот момент находился рядом с ним, он посмотрел на меня и добавил:

— Во второй группе, что зачищает Шатой, кто-то на фугасе подорвался.

— Кто? Неизвестно? Жив? — засыпал я вопросами командира.

— Пока неизвестно.

Мы продвигались все ближе к тем, кто продвигался навстречу. Где-то далеко слышалась стрельба, привычное дело. Дело близилось к концу, несколько дворов осталось осмотреть. Но как раз эти оставшиеся несколько дворов так и остались незачищенными. Лейтенант заорал:

— Отбой, всем к машине, передать по цепочке.

— Что случилось? — спрашивали солдаты, прибежавшие на крик.

— У Шатоя бой, обнаружена группа боевиков. Идет бой, едем туда, нужна помощь.

Лейтенант пересчитал всех, запрыгнул в кабину и скомандовал «вперед».

Подъезжая к аулу Шатой, мы услышали перестрелку. Машину решили оставить подальше от боя, за большим ангаром. Солдаты прыгали с кузова и цепью, перебежками направлялись к месту перестрелки. На месте перестрелки уже горело два полуразрушенных дома, с БТРа постреляли. Не раздумывая, мы вступили в бой. Из-за развалин по нам били из автоматов, я насчитал минимум шесть точек. Хотя возможно и меньше, просто боевики часто меняли свои позиции. Плотный обстрел не давал поднять головы. Нам никак их было не выбить, бой шел уже полчаса. Я пристегнул последний рожок с патронами.

Ну что мы за вояки? Никакой тактики, сопливые сагаи. Десантники показали, как надо воевать. Они прибыли вовремя, моментально окружили и пошли на штурм. Пять минут — и бой закончен. Конечно, они были здесь одни профессионалы, все контрактники. Итог боя: двое взяты в плен, остальные уничтожены. Сколько уничтожено, не знаю. Нас даже близко не допустили к месту их смерти. Сказали спасибо, что удерживали до прибытия десантно-штурмовой бригады и что мы свою задачу выполнили.

Моментально, как только стихли все выстрелы, на улицу повыскакивали местные. Пришлось оцепить район боя от любопытных глаз. Подносили убитых наших ребят. Их уложили на обочине вдоль дороги и накрыли плащами. Бой начался внезапно, неожиданно для наших ребят, поэтому были потери. Четыре солдата убитыми и трое ранеными. Все четверо убитых были из второго взвода. Кто был раненый, непонятно. Их увезли еще во время штурма.

— Где Паштет? Не видели Кулагина? Кто видел водителя шишиги? — задавал я вопросы проходившим мимо солдатам.

На все вопросы я получал лишь пожатие плечами. Осмотрелся. Много гражданских, много незнакомых военных. В стороне я увидел, как командир второго взвода разговаривает с моим командиром. Где же Паштет? Что-то я стал волноваться. Лейтенант Миронов, увидев меня, махнул рукой.

— Тихомиров, плохие вести, — начал командир. — Кулагин тяжело ранен, это он подорвался на фугасе. Вот зачем он полез в старый, уже полуразрушенный амбар? От любопытства. Вот и нарвался на мину. Кстати, после этого взрыва перестрелка и началась.

Мне стало не по себе из-за таких новостей.

— Так, все. Здесь нам больше делать нечего, — сказал лейтенант. — Сигналь сбор.

— Кто машину Паштета перегонит? — поинтересовался я.

— Старший лейтенант, у него есть опыт.

Я ехал в ядро быстро. По словам лейтенанта, я знал, что Паштет очень плох, у него многочисленные осколочные раны. Только бы выжил.

Я остановился у штаба. Солдаты выпрыгивали из кузова и расходились по своим местам проживания. Лейтенант пошел в штаб докладывать обстановку. Я побежал в медицинскую палатку.

— Привет, — поздоровался я с медсестрой.

— Привет, — она встала из-за стола. — Присядь.

— Как Паштет? Где он? — не слыша ее, я задавал вопросы.

— Сядь, — повысив голос, приказала Марина.

Я сел. Что-то на душе беспокоило.

— Будь мужиком, — она положила руки на мои плечи. — Кулагина больше нет.

Минуту я сидел, прикрыв глаза. Затем встал и спросил:

— Где он?

— Там, — кивнула на ширму.

Он там, за ширмой, на той кушетке, где я вчера любил Марину.

— Можно посмотреть?

Она, не ответив, отодвинула ширму. На кушетке лежал Паштет, накрытый простыней. Простыня местами пропиталась кровью. Я подошел к нему, отодвинул простынку, взглянул на лицо, которое было полностью обезображено осколками, сразу накрыл его. Смотреть на такое не в моих силах. Я взял его руку, чтобы попрощаться. Рука была зажата в кулак, что-то в кулаке явно было. Видать, его толком еще не осматривали. Я с усилиями разжал пальцы и вытащил смятый фотоснимок, где он стоял в Санкт-Петербурге со своей любимой Соней. Там, на снимке, они улыбались, они были самой счастливой парой на свете.

Часть 5

ДОМОЙ

Глава 1

25 августа 1996 года

1

Подошла к концу моя командировка на Кавказе. Сколько всего было пережито, сколько слез, боли, крови. Как мы здесь все повзрослели, у некоторых уже двадцатилетних ребят появились седые волосы. Постарели на десяток лет точно.

Последние дни тянулись ужасно долго. Нам сказали, что 25 августа мы отсюда уедем. Не соврали. И вот мы стоим в строю перед штабом, с вещмешками, в которых наши личные вещи. Колонна, присланная из Назрани, стояла у КПП и ждала посадки, чтобы отвезти нас во Владикавказ. Всю свою технику мы оставляли здесь. После красивых речей командиров нам дали два часа на посадку, последние два часа в ядре. Я побежал в автопарк, чтобы попрощаться со своей ласточкой и забрать некоторые вещи из машины. Магнитофон, кассеты, сувениры, сделанные из гильз, письма — все засунул в вещмешок.

— Прощай, — шептал я своему железному коню.

Затем прошелся по всему автопарку. Вот машина Ильи и Лома. Они, наверное, в учебке. Вот машина Рябы, он еще в госпитале. Вот машина Паштета. Слезы стали щипать глаза. А вот стоит в стороне и подбитый БТР, который притащили с места трагедии. Совместный Чуйко и Рохманова. Земля вам пухом, мужики, никогда не забуду.

Вышел из автопарка опустошенный, зашел в палатку. Там все вверх дном. Кто-то что-то забирал, двигал кроватями, тумбочками. Повар Сизый снимал телевизор. Я посмотрел вокруг, здесь был мой дом на протяжении восьми месяцев. Старые печки буржуйки давно не топились, а зимой они нас выручали от прихода Синего. Сел на свою кровать, достал сигарету, закурил.

Напоследок зашел к Марине, в медпалатке тоже был бардак. Она собирала книги, исписанные тетради. Санитары убрали ширму, выносили кушетку.

— Привет, — поздоровался я с Мариной.

Она оглянулась, увидев меня, улыбнулась.

— Привет. Ну что, все? Дембель? Собрался уже?

— Да, отслужили. А что мне собираться, вещей-то мало, — сказал я. — Вы когда выезжаете? С нами?

— Нет, мы после вас. Нас завтра планируют вывозить. Так что все, Алеша, больше мы не увидимся никогда.

— Ну чем черт не шутит, вдруг свидимся, — понимая, что это последняя наша встреча, пытался разрядить обстановку. — Ну, тогда давай прощаться.

— Прощай, — не поворачиваясь, сказала она. — Иди, Алеша, иди.

Все вещи, а также вся одежда по приезду в Пыталово, откуда мы уехали на войну, были сожжены. Так что зря все что-то брали с собой — это все уничтожили. В часть мы прибудем ночью, нас построят на плацу, сначала отберут все вещи, потом отправят в баню, которая специально топилась к нашему приезду. Пока мы мылись, всю одежду у нас заберут, не останется ничего. Единственно, пожалели письма и фотографии. После бани мы наденем чистые кальсоны и подменки, в них нас и уволят. Поэтому увольнялись мы после карантина, в гражданской одежде. За командировку

каждый получил неплохую сумму денег, так что купить гражданскую одежду было не проблема.

Мы ехали по грунтовой дороге. Машина иногда подпрыгивала на ухабах. Солнышко улыбалось, даже горы нас провожали. Домой, мы едем домой. Нельзя объяснить мое состояние. Это чувство только самому надо испытать. Впервые я ехал в кузове, а не за рулем. Проезжали знакомые места. Сколько раз я колесил здесь. Колонна из восьми машин и двух БТРов по краям уже покинула Ингушетию. Теперь Северная Осетия и через пару часов мы во Владикавказе.

Тот самый вокзал, то самое место, куда мы прибыли восемь месяцев назад. Только вместо пассажирского поезда с плацкартными вагонами нас встречал товарный поезд, с вагонами-теплушками, в который обычно перевозят лошадей. Мы такое обращение заслужили? В вагонах-теплушках были в два яруса собраны железные кровати, точно такие же, как в нашей палатке. Интересно то, что никто сильно не возражал, ведь едем домой. Лучше плохо ехать, но домой, чем хорошо, но на войну.

Вспоминается, как мы выезжали из Пыталово, как нас провожали с музыкой. Батюшка нас благословлял, народу было много. Мы ехали в чистых плацкартах, добрались за несколько суток. А теперь мы едем в теплушках, которые останавливались на каждой станции и по полдня стояли в тупиках, ждали, пока нас подцепит очередной локомотив. Добирались мы до части больше недели. Приехали ночью. Ни один человек нас не встречал, никто и не знал, что мы вернулись. Вот так встречали героев в то время.

Скомандовали по вагонам. Мы с Саньком заняли место в дальнем углу вагона. Сели на кровать, поставили перед собой табурет, на который выложили бутылку водки,

две банки кильки в томате и полбуханки белого хлеба. Нет, нам никто не помешает, не сейчас, и все это понимали. Мы раздобыли несколько кружек, наполнили спиртным, сверху положили по кусочку хлеба, это Сереге Чуйко, это Вите Рохманову, это Паштету. Выпили за здоровье Рябы, Лома, Ильи, потом за упокой погибших, стоя. Мы даже не заметили, как тронулся поезд. Под ровный стук колес мы молча сидели, каждый думал о своем. Нас возвращается домой только двое.

Прощайте, друзья, прощай, Марина, прощай Кавказ.

Мы здесь, чтоб спали вы спокойно,
Мы Родину собою защитим.
Мы будем бить врага достойно,
Они с войной пришли, мы не простим.
И если надо, головы мы сложим,
В неравной битве за село Шатой.
Родные нас помянут словом Божьим,
В истории все было не впервой.
И слезы матери у гроба сына
Не скоро высохнут, боль не пройдет.
И не поможешь, чтоб душа не ныла.
Как дальше жить, уже мать не поймет.
На месте гибели зажгутся свечи,
Воздвигнут деревянный крест.
Судьбою нам легло на плечи
Здесь воевать, у незнакомых мест.
Мы отомстим, мы защитим державу,
Мы встанем, отряхнемся от песка.
Живите, люди, в мире все, во славу,
Пока в России есть погранвойска.

Тихомиров А. В.
2021 год

Эти строки посвящаются тем,кого с нами нет,
кто отдал свою жизнь в борьбе с террором.

Содержание

Часть 1	3
Глава 1.....	6
Глава 2.....	13
Глава 3.....	25
Глава 4.....	52
Часть 2	59
Глава 2.....	78
Глава 3.....	90
Глава 4.....	101
Глава 5.....	110
Глава 6.....	115
Часть 3	122
Глава 1.....	124
Глава 2.....	147
Глава 3.....	160
Глава 4.....	178
Глава 5.....	197
Часть 4	207
Глава 1.....	208
Глава 2.....	218
Глава 2.....	226
Глава 3.....	232
Глава 4.....	238
Глава 5.....	245
Глава 6.....	252
Глава 7.....	259
Часть 5	269
Глава 1.....	269

Литературно-художественное издание

Тихомиров Алексей Валентинович

Зона ЧП. Не изученная война 1996 года

Редактор: О. Михайлова
Корректор: О. Михайлова
Оригинал-макет: Е. Лебедева
Дизайн обложки: И. Фамилия

ISBN 978-5-9965-1919-4

Подписано в печать 12.01.2022
Гарнитура Noto Serif.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат издания 60x84/16. Усл. печ. л. 22,28.
Тираж 100 экз. Заказ № 2712211.

СУПЕР Издательство
199178, Санкт-Петербург, 7-я линия ВО, д.80/2 лит. Д, пом. 5/3н
www.super-izdatelstvo.ru